

Анатолий Иванов

ЛОГИКА КОШМАРА

ОГЛАВЛЕНИЕ

БУДУЩИЕ ЖЕРТВЫ	2
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?.....	6
РАСКОЛ ПОСЛЕ ПЕРЕВОРОТА	10
СВЕРДЛОВ	14
ТРОЦКИЙ.....	18
ПОЛИТБЮРО И ЦК.....	22
ШИФРОВАННОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА	28
КОНЕЦ «ЛЕВОЙ» ОППОЗИЦИИ.....	34
ВТОРАЯ ВОЛНА	40
ГОЛОД	46
ЗАГОВОР ПРОТИВ СТАЛИНА	51
УБИЙСТВО КИРОВА	57
В ОЖИДАНИИ РАЗВЯЗКИ.....	64
ЕЖОВ И ЕГО ЭСФИРЬ.....	69
ТУХАЧЕВСКИЙ.....	74
СООБЩНИКИ ТУХАЧЕВСКОГО	79

ВОЗМЕЗДИЕ НАСТИГАЕТ ПАЛАЧЕЙ	85
ПОЛЕДНИЙ ЭТАП ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	91
УЦЕЛЕВШИЕ	97
СТАЛИН И ГИТЛЕР	104
СТАЛИН КАК ПОЛКОВОДЕЦ	110
«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»	117
ПОДОЗРЕВАЮТСЯ СИОНИСТЫ	124
УБИЙСТВО СТАЛИНА. МАСОНЫ У ВЛАСТИ	130

БУДУЩИЕ ЖЕРТВЫ

Всего несколько лет назад излюбленными мишенями для нападок разного рода демократов и либералов были Сталин как личность и сталинизм как явление. Второй после хрущевского приступ антисталинизма был еще более яростным, еще более злобным. Казалось, время не лечит раны, а наоборот, растравляет их. На самом деле занималось этим, конечно, не время: просто опытные манипуляторы общественным мнением искусственно заводили как себя, так и других. Наиболее прогневшая часть партийного руководства во главе с Горбачевым прекрасно понимала, к чему идет дело, и сознательно стремилась к тому финишу, который стал закономерным результатом проводившейся линии, ну а те из партийных лидеров, что поглупей, все еще наивно верили что можно будет ограничиться «критикой культа» и продолжать как ни в чем не бывало строить здание. Выглядело все это довольно курьезно: предполагалось, что из уже возведенного пятиэтажного дома можно без особого ущерба для него вынуть третий и четвертый этажи, а потом надстроить шестой, седьмой и т.д., и все это сооружение будет висеть в воздухе, как гроб пророка Мохаммеда, и не рухнет. Вполне естественно, что постройка рухнула – ничего иного и быть не могло.

Ветхий заборчик с надписью «возврат к ленинским нормам» быстро смело разбушевавшимся потоком. Ленина растоптали с таким же веселым гиканьем и свистом, как и Сталина, и помчались дальше... в обратном направлении. На чем же теперь успокоится сердце Родины моей, сошедшей с ума, по беспощадному диагнозу И. Талькова? Раньше пели «в коммуне остановка», а где остановим свой нынешний бег? В демократической республике, конституционной монархии или добежим до самодержавия? Рушатся, рушатся один за другим этажи отечественной истории. Семьдесят лет долой! Восемьдесят лет долой! Кто больше? И, выбросив столько этажей, над ними опять пытаются возвести очередной дворец на воздушной подушке. Понятно, какая судьба постигнет и эту стройку.

Ницше говорил, что ни одна ступень не прощает когда через нее перепрыгивают. Историю можно и нужно переосмысливать, но ее нельзя перечеркивать.

И возникает необходимость вернуться к той исходной точке, с которой начался процесс вторичного разрушения новых устоев страны, едва поднявшейся после первичного разрушения в 1917 году, то есть к пресловутому 1937 году, который настолько прочно ассоциировался в нашем сознании с чем-то предельно ужасным, что нет-нет, да и проскользнет то в обиходной речи, то в какой-нибудь статье или в выступлении: «Это опять будет 1937 год!» А что, спрашивается, 1937 год?

А. Солженицын все расставил по своим местам в самом начале «Архипелага ГУЛАГ»: «Когда... бранят произвол культа, то упираются все снова и снова в настрывшие 37-й–38-й годы. И так это начинает запоминаться, как будто ни ДО не сажали, ни ПОСЛЕ, а только вот в 37-ом–38-м».

Между тем, «поток» 37-го–38-го ни единственным не был, ни даже главным». «ДО него был поток 29-го–30-го годов, с добрую Обь, протолкнувший в тундру и тайгу миллиончиков пятнадцать мужиков (а как бы и не поболее). Но мужики – народ бессловесный, бесписьменный, ни жалоб не написали, ни мемуаров». «И ПОСЛЕ был поток 44-го–46-го годов, с добрый Енисей: гнали... целые нации и еще миллионы и миллионы – побывавших в плену... Но и в этом потоке народ был больше простой и мемуаров не написал».

«А поток 37-го года прихватил и понес на Архипелаг также и людей с положением, людей с партийным прошлым, людей с образованием... и сколько с пером! – и все теперь вместе пишут, говорят, вспоминают: тридцать седьмой! Волга народного горя!»

Это прозвучит парадоксом, но можно сказать, что 1937 год начался в 1934, когда в нехороший, если верить числовой символике, день 26 января в Москве открылся XVII съезд ВКП(б). Официальная партийная история гордо окрестила его «съездом победителей», хотя ему больше подошло бы другое название – «съезд будущих жертв», а его участники вполне могли бы носить значки с буквами БЖ, как это делали персонажи пьесы Сартра «Некрасов» (в русском переводе – «Только правда»). В самом деле: из 139 избранных этим съездом членов и кандидатов в члены ЦК 98 не дожили до следующего съезда, состоявшегося через пять лет, а из 1966 делегатов съезда жертвой пали в борьбе роковой за этот же период 1108.

Что же, собственно, случилось? Что произошло?

Одни видят в событиях тех лет только бессмысленную кровавую бойню, суть которой совершенно иррациональна и сводится разве что к завету Шигалева: «Нужна и судорога.., раз в тридцать лет... все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно, чтобы не было скучно». Такое объяснение и страшно, и удобно, поскольку избавляет от необходимости осмысливать что-то самому и позволяет ограничиться эффектной цитатой из Достоевского.

Другие сводят все дело к борьбе Сталина за установление режима неограниченной личной власти, ради достижения которой он и осуществил разгром партии и, прежде всего, ее руководящего аппарата, точно так же, как 30 лет спустя это проделал его достойный ученик и продолжатель Мао Цзэдун. В

этом объяснении есть доля истины, но не более чем доля, и отнюдь не преобладающая. Остается неясным, почему верх одержала именно эта сторона, а не другая.

Есть и третья теория, также прилагаемая как к Сталину, так и к Мао Цзэдуну, но видящая в основе их действий не шкурные, а высокоидейные интересы: стремление путем террора и непрерывных перетасовок предотвратить опасность превращения правящей бюрократии в привилегированное сословие, в новый эксплуататорский класс. Однако и эта теория страдает тем же дефектом, что и предыдущая.

Наиболее фундаментальные труды, посвященные событиям 30-х годов в нашей стране, это «К суду истории» Р.А. Медведева и «Великий террор» Р. Конквеста. Идеиные позиции этих авторов известны, но кто мог в те времена выступать с иных позиций? Официальная пропаганда брежневско-сусловской эпохи требовала, как армейский старшина, «петь веселую песню» и вообще не вспоминать о трагедии 30-х годов, а помнить только стахановцев да папанинцев. За попытку осмыслить феномен сталинизма с русских национальных позиций автор данной работы, написанной в 1978 году, поплатился тюремным заключением и ссылкой как за «антисоветскую пропаганду». Подвергая репрессиям патриотов, власть сама рубила сук, на котором сидела, и отдавала отечественную историю на растерзание антирусским толкователям, вроде А. Янова, вещавшим на весь мир, что феномен Сталина не включает в себе ничего удивительного, потому как до него Иван Грозный был, вообще вся история России – это Иван Грозный и Сталин, да постоянное повторение опричнины в разных видах.

Облегчим ли мы собственную задачу, если в угоду А. Янову и ему подобным отречемся от Ивана Грозного и от Сталина как от аберраций российской истории? Нет, только осложним. Как уже говорилось, нельзя перечеркивать целые исторические периоды потому, что они по тем или иным причинам не нравятся. Главное том, чтобы отбить чужие нападки, а пытаться что-то объяснить тем, кому все равно ничего не объяснишь, – обще пустое дело. Самое трудное – понять нашу историю в целом, со всеми ее аберрациями, чтобы опереться на это понимание при определении будущих путей России.

И когда речь заходит о расправе Сталина с партийным руководством, следует начать с вопроса: а что оно представляло собой тогдашнее руководство?

Этот вопрос поневоле потянет нас дальше в прошлое и перерастет в другой: а каким было это руководство в момент совершения революции и как, собственно, относиться к самой этой революции?

Здесь сталкиваются две противоположные к зрению: одна выводит революцию из специфических особенностей России и русской нации, сторонники другой с пеной у рта доказывают, что революция – это занесенная извне, и видят в ней только результат заговора и козни темных сил.

Спор происходит оттого, что путают две вещи. Одно дело – революция как выражение естественного и законного стремления народа к социальной справедливости. Если это стремление не удовлетворяется, происходит соци-

альный взрыв. Это объективная историческая закономерность, через революции прошли все народы без исключения. И если мы говорим об этой стороне, революции, мы вправе называть ее народной и доискиваться ее национальных корней. Все внешние заговоры сильны, если нет внутренних предпосылок для их успеха. Как учил Дарвин, главной причиной изменений организмов является внутренняя предрасположенность к изменениям, а не внешние воздействия. Его классический пример: если поднести спичку к куче песка, один результат, а если к куче пороха – другой.

Другое дело – конкретные формы, которые может принимать революция в тот или иной свой период, и конкретные люди, оказавшиеся на гребне революционной волны. Стечение обстоятельств может вытолкнуть на гребень самые неожиданные, порою случайные фигуры.

Народу сплошь и рядом приходится разочаровываться в своих вождях, а вождям убеждаться в том, что они хотели сделать одно, а получилось совсем другое. Вспомним хотя бы последние статьи В.И. Ленина: в них сквозит неприкрытое изумление по поводу того, что государственный аппарат, который вознамерились было «сломать», сохранился в «том же до невозможности, до неприличия дореволюционном виде». Почему это случилось и что делать, Ленин не понимал и не знал, ибо отнюдь не все было доступно его пониманию. Не следует идеализировать вождей.

Но не следует идеализировать и народ. Как писал Г. Манн в своем романе «Молодые годы короля Генриха IV», народ ведь никогда не бывает обманут до такой степени, как потом уверяют. Испанское золото видели только сторонники Гиза, а народ видит лишь белокурую бороду, он пленяется ею. Но в душе он отлично знает, что до спасения религии ему нет дела и что никакого сказочного пробуждения к новой жизни нет и не будет. Черни просто хочется пограбить, прогнать других с работы, обогатиться; хочется пошуметь, покуражиться и хочется убивать. Так оно и бывает, когда кучка сброды, в которой есть и простолудины, и почетные горожане, создает какую-нибудь Лигу для подавления свободы совести. Тем громче орут «свобода!» и обманутые на улице, и обманщики в домах; это показывает, что, раз их обманывают, то они тоже хотят обмануть».

Г. Манн писал о временах религиозных войн во Франции, но мы можем смело подставить ВКП(б) вместо Католической Лиги, Ленина вместо герцога Гиза и немецкое золото вместо испанского – остальные характеристики останутся верными и применительно к 1917 году.

Так или иначе, революцию в целом и конкретных людей, возглавляющих ее на определенном этапе, необходимо все же различать. Присмотримся же к ним поближе, к этим людям, которые пришли у нас к власти в октябре 1917 года.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Их партия и возникла-то как местечковая, в захолустном Минске, нынешней столице СНГ, – история почему-то любит такие «возвраты к истокам». По сути дела, она отпочковалась от «Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России», известного под названием кратким «Бунд», и ее отцами-основателями были ныне всеми совершенно забытые Кремер, Эйдельман, Кац, Мутник и Вигдорчик. Произошло это в 1898 году, т.е. на следующий год после первого сионистского конгресса в Базеле. Нарекли новую политическую организацию Российской социал-демократической рабочей партией, но название это в весьма малой степени соответствовало действительности, поскольку к рабочему классу эта партия имела весьма малое отношение. И на II съезде РСДРП в 1903 году, который впоследствии считался официальными историками датой фактического, а не номинального основания партии, среди 44 делегатов насчитывалось всего четверо рабочих. Подавляющее большинство составляли интеллигенты, притом, как правило, нерусские. Список их достаточно характерен: Мартов (Цедербаум), Троцкий (Бронштейн), Бауман, Кнунианц, Гусев (Драбкин), Лядов (Мандельштам), Землячка (Залкинд), Шотман, Стопани, Мартынов (Пикер), Крохмаль, Зборовский, Левин, Мандельберг, Зурабов, Косовский, Либер, Медем, Ганецкий (Фюрстенберг), Варский (Варшавский) и т.п. Очень одиноко выглядят в этом списке Плеханов, Ленин с братом и супругой, Красииков...

Примерно так же выглядело партийное руководство и в 1917 году. В августе этого года состоялся VI съезд, избранный которым ЦК мы вправе рассматривать как штаб готовившейся революции. В его составе было 24 человека, и опять бросается в глаза обилие нерусских, прежде всего, евреев. Несомненных семь: Зиновьев (Апфельбаум), Каменев (Розенфельд), Троцкий (Бронштейн), Свердлов, Урицкий, Сокольников (Бриллиант) и Иоффе. Не совсем ясным остается вопрос о происхождении Дзержинского. Почему он Эдмундович, если отца его, преподавателя Таганрогской гимназии, в которой учился Чехов, звали Руфин Иосифович? Один человек с именем Руфин занимал видный пост в Римской империи в IV веке, но сестра Ф. Дзержинского Ядвига почему-то пишет в своих воспоминаниях это имя в другой форме – Руфим, что уже весьма похоже на «Рувим». Никого и должна вводить в заблуждение и версия о старинно шляхетском роде Дзержинских. Польские короли столетиями покровительствовали евреям, благодаря чему сотни польских евреев стали дворянами (Юзеф Орлицкий. Очерки польско-еврейских отношений. Щецин, 1983, с. 10).

Но вернемся к национальному составу ЦК РСДРП(б) в 1917 году. Кроме вышеупомянутых, в него вошли еще четыре инородца – Сталин, Шаумян, Смилга и Берзин. Итого получается 12 человек из 24 – ровно половина. Отметим для себя эту пропорцию: она довольно стабильно сохраняется вплоть до особо интересующего нас 1934 года.

Остальные 12 – Ленин, Рыков, Бухарин, Крестинский, Ногин, Милютин, Бубнов, Артем (Сергеев), Муранов и две дамы – Стасова и Коллонтай. Вторая из них – заблудшая дочь генерала Домонтовича, польская фамилия Коллонтай – это фамилия ее первого (отнюдь не последнего) мужа.

Но и среди этих двух десятков человек уже намечается иерархия. В знаменитом заседании ЦК 23 октября 1917 года на квартире Галины Флаксерман, жены известного меньшевика Н. Суханова (Гиммера), где решался вопрос о вооруженном восстании, участвовало всего 12 из 24 членов ЦК. Здесь нерусские уже составляли квалифицированное большинство: Зиновьев, Каменев, Троцкий, Свердлов, Урицкий, Сокольников, Дзержинский, Сталин, тогда как Ленин, Бубнов, Ломов и Коллонтай - всего лишь треть. Тогда же было создано первое Политбюро, пока только как временный орган, в составе семи человек. В этой семерке Ленина и Бубнова явно перевешивали Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сокольников и Сталин. Среди пяти членов военнополитического центра Бубнов явно чувствовал себя одиноко в окружении Свердлова, Урицкого, Дзержинского и Сталина.

При таком раскладе сил как-то язык не поворачивается говорить о «русской» революции. И даже личность ее главного вождя не спасает положения, поскольку ее нельзя отнести к какой-то определенной нации. Интернационалистическая идеология Ленина целиком определялась полнейшим интернационалом в его крови.

В середине 70-х годов в «Известиях» как-то появилась заметка «Астрахань – родина Ульяновых», в которой расписывалась истинно русская внешность деда Ленина по отцовской линии. Однако сам отец Ленина И.Н. Ульянов такой внешностью уже не обладал, и все его дети пошли в него, а не в маму. Те, кто видел Ленина при жизни, говорят, что прежде всего бросались в глаза его ярко выраженные монголоидные черты. Не они, конечно, определяли врожденную предрасположенность к марксизму, ибо такой же внешностью обладали и вожди белых армий – Корнилов и Колчак. Монголоидная примесь, сказал бы Л.Н. Гумилев, свидетельствует всего лишь о повышенной пассионарности.

О маме Ленина долгое время писали как о дочери врача, опуская ее девичью фамилию. Прославившийся уже в нашу эпоху «сын юриста», как видим, ничего нового не придумал. Но теперь в моде козырять тем, что раньше принято было скрывать, и вот «Московские новости» (1992, №8) рассказывают нам душещипательную историю о том, как А.И. Ульянова побуждала Сталина предать гласности ужасную тайну еврейского происхождения дедушки Ленина со стороны матери, чтобы противодействовать антисемитизму, усиливающемуся «даже среди коммунистов» (это свидетельство датировано 1932 годом). Сей дедушка, сын Мошки Бланка, был записан при еврейском кагале местечка Староконстантинова Волынской губернии под именем Абель и перекрещен в 1820 году в Александра. Умер он в июле 1870 года, когда его внуку было всего три месяца.

Внук сей был типичным представителем денационализированной «демократической интеллигенции», расплодившейся в России с 60-х годов прошлого века и ныне снова оказавшейся на гребне волны. Не то, чтобы он совсем не понимал национального вопроса, он даже очень твердо отстаивал от собственных соратников, вроде Дзержинского или Бухарина, право наций на самоопределение, но только тогда, когда речь шла о какой-нибудь Польше, точно так же, как наши нынешние «демократы» всего год назад в слезах рвали на себе последние тельняшки, защищая прибалтийских нацистов; для

русских же у него не находилось более нежных слов, чем «шовинистическая великорусская шваль». Отсюда и соответствующее окружение, и тот антирусский крен, который был характерен для политики правящей верхушки советского государства в первые десятилетия его существования и который опять проявляется теперь расторопными разрушителями этого государства.

Но и этим разрушителям, и их критикам не мешало бы лучше знать историю. Да, Ленин не жаловал Россию, но в своей деятельности он олицетворял организующее государственное начало в труднейших условиях полной анархии и распада государства. Сегодня мы опять оказались в такой же ситуации, и опять из оравы обалдевших, как разъяренный слон, от разрушительного кайфа «демократов» в муках выделяется ядро государственников, которым суждено будет снова по кусочкам собирать державу. И как бы ни относиться к Ленину, не грех и поучиться у него, потому что именно он, а не кто-нибудь другой, сумел тогда выдвинуть социально-политическую программу, способную объединить широкие массы, и национальную программу, способную удержать другие народы в рамках одного государственного целого с Россией. Поэтому Ленин, как ни парадоксально это прозвучит, был выразителем Русских национальных интересов, несмотря на свои субъективные антирусские заскоки, как в силу объективных причин пошла в конечном счете по русскому пути и революция, первоначально оседланная инородцами. И нашу нынешнюю демократическую революцию история опять выведет на тот же путь, никто нас с него не свернет.

Перечитаем снова последние страницы книги «1920 год» В.В. Шульгина. Как злободневно они звучат!

«Под оболочкой советской власти совершаются стихийные процессы огромной важности, ничего общего с ней не имеющие». «Они восстановили русскую армию». «Их армия была поляков, как поляков, И именно за то, что они отхватили чисто русские области».

«Знамя Единой России фактически подняли большевики». «Фактически Интернационал оказался орудием расширения территории для власти, сидящей в Москве, до границ, где начинается действительное сопротивление других государственных организмов, в достаточной степени крепких. Это и будут естественные границы будущей Российской державы», «Социализм смоемся, но границы останутся. Будут ли это границы 1914 года или несколько иные – это другой вопрос. Во всяком случае, нельзя не видеть, что русский язык во славу Интернационала опять занял шестую часть суши. Сила Событий сильнее самой Сильной воли. Ленин предполагает, а субъективные условия, созданные Богом, как территория и душевный уклад народа, «располагают» «А третье, что они взяли, – это принцип единоличной власти». «Резюме: большевики

1. восстанавливают военное могущество России;
2. восстанавливают границы Российской державы до ее естественных пределов;
3. готовят пришествие самодержца всероссийского».

Шульгин и его неназванный собеседник гадали: будет это Ленин? Или Троцкий? И догадывались: ни тот, ни другой. «Придет Некто, кто возьмет от них их решимость – принимать на свою ответственность, принимать невероятные решения. Их жестокость – проведение однажды решенного. Он будет истинно красным по волевой силе и истинно белым по задачам, им преследуемым. Он будет большевик по энергии и националист по убеждениям».

Шульгин и его собеседник не знали только имени этого Некто. Мы-то хорошо знаем – задним числом. Но мы опять не знаем, какой Некто придет завтра и сметет беснующуюся сегодня нечисть. Мы только знаем, что придет и сметет, как Шульгин знал, что восстановление России придет через Красное Безумие, и Белая Мысль победит во всяком случае.

Но Шульгин писал все это уже после гражданской войны – в 1917 году он бы такого не написал. У нас же сегодня события еще только раскручиваются, мы где-то на уровне начала 1918 года, когда разогнали Съезд народных депутатов: ...пardon, Учредительное собрание под тем предлогом, что оно, дескать, отстало от хода революционных реформ и тормозит их. И хотя сегодня развелось уже невероятное количество предсказателей, – лучше не слушайте их, дорогие граждане, сколько ни вращайте Глобус, вы все равно не поймете, какие сюрпризы готовит нам будущее. Зато прошлое может подсказать нам больше, чем кофейная гуща.

И еще один урок прошлого. В 1917–1918 годах отовсюду тоже неслись стенания о гибели России, какие мы и сегодня нередко слышим. Но если Россия не погибла тогда, то есть надежда, что не погибнет и теперь. В прошлую революцию рухнула не Россия, а определенное социальное устройство, и больше всего рыдают после этого те, кто имел привилегированное положение при этом устройстве. Так было, так есть. В ту гражданскую войну белые армии подозревались в том, что они хотят восстановить власть капиталистов и помещиков, сейчас все противники демократов обвиняются в том, что они хотят восстановить власть коммунистов. В обоих случаях мы имеем дело с пропагандой, основанной на полуправде, но в пропаганде «красных» во времена гражданской войны правды было все-таки больше половины. Те, кто тогда бил себя в грудь и кричал «Россия», «Родина» и прочие красивые слова, оказались неспособными выразить действительно общенациональные интересы. Генерал А.И. Деникин с горечью писал в своих мемуарах, что белые только будучи уже выкинутыми в Крым начали подумывать о «необходимости жертвенного подвига», то есть об отказе от своих привилегий – более умное французское дворянство и духовенство сделало это уже в самом начале великой французской революции, в ночь на 4 августа 1789 года. Лидеры белого движения не имели ни социальной, ни национальной программы, которая могла бы рассчитывать на успех, и при всем своем субъективном патриотизме оказались в зависимости от враждебных России иностранных Держав. Такова диалектика истории. Слова и намерения на ее весах весят очень мало.

РАСКОЛ ПОСЛЕ ПЕРЕВОРОТА

До сих пор ходят по рукам, а порой даже попадают на Страницы печати какие-то фантастические Списки «первого советского правительства», хотя его состав известен с абсолютной точностью. Не следует, однако, принимать это правительство всерьез, потому что оно развалилось сразу же после формирования. Из членов ЦК в него вошли; Ленин – в качестве председателя, Троцкий – как нарком иностранных дел, Рыков – нарком внутренних дел, Ногин нарком Торговли и промышленности, Милютин нарком земледелия, Ломов нарком Юстиции, Сталин – председатель по делам национальностей. Но первый раскол в победоносном ЦК произошел уже в самый момент захвата власти.

Как известно, Зиновьев и Каменев на совещании 23 октября выступили против готовившегося переворота, считая его авантюрой. Когда переворот все же произошел, они продолжали отстаивать идею коалиционного правительства в блоке с другими социалистическими партиями, которая была в какой-то степени воплощена в жизнь в виде коалиции с левыми эсерами. Зиновьева и Каменева поддержали еще трое членов ЦК, наркомы Рыков, Ногин и Милютин. Когда их предложение было отвергнуто, все пятеро подали в отставку со всех партийных и государственных постов. Их примеру последовали нарком по продовольствию Теодорович блестящий оратор, специалист по истории русского народничества; нарком труда Шляпников, будущий вождь «Рабочей оппозиции»; нарком путей сообщения Рязанов (Гольдендах), марксист-теоретик неизвестно какое отношение имевший к путям сообщения; комиссар законодательных предложений Ларин (Лурье), о котором Ленин говорил, что «если бы весь запас фантазии Ларина разделить поровну на все число членов РКП, тогда бы получилось очень хорошо, т.е. законодательными предложениями сей комиссар мог завалить всю страну: комиссар Красной гвардии Юренев (Кротовский) и профсоюзный лидер Лозовский (Соломон Дридзо), который тогда вообще вышел из партии, а в 40-х годах вдруг оказался среди членов ЦК и был ликвидирован Сталиным после того, как началась борьба с космополитизмом.

Как видим, эта праволиберальная оппозиция, отвергавшая однопартийное правительство и средства политического террора, не имела четко выраженного национального лица. Из пяти мятежных членов ЦК Зиновьева, Каменева и Рыкова мы еще встретим на высших постах и тогда поговорим о них подробнее. Ногин же и Милютин безвозвратно загубили свою партийную карьеру.

Виктор Павлович Ногин, коренной русский пролетарий, похоже, вообще был большим поклонником законности. Именно он летом 1917 года настаивал, чтобы Ленин дал себя арестовать и публично выступил на суде с опровержением обвинения в получении денег от немецкого генерального штаба. Не состоявшись в качестве наркома, Ногин входил позже в Президиум ВСНХ, руководил текстильной промышленностью СССР, но двери ЦК перед ним снова так и не открылись. Он умер в 1924 году, прожив всего 46 лет.

Жизнь русского интеллигента Владимира Павловича Милютина также оборвалась преждевременно, в 1938 году. Два раза, в 1920 и 1921 годах он еще

возникал в числе кандидатов в члены ЦК, был заместителем председателя ВСНХ, управляющим ЦСУ, заместителем председателя Госплана. Но и его в первый ряд больше уже не пускали.

Не прошло и трех месяцев после революции, как партийные верхи потряс новый серьезнейший кризис. Разгорелись страсти вокруг Брестского мира.

Страсти эти не утихают до сих пор. На Конгрессе гражданских и патриотических сил 8 февраля 1992 года лидер партии кадетов М. Астафьев, отказав «красным» в праве называться патриотами, обосновал свой отказ, в частности, ссылкой на Брестский мир. Но кто в конечном счете выиграл от этого мира?

Существует такой документ эпохи, как дневник Озерова, очень интересный с той точки зрения, как преломляли революционные события в сознании чиновника средней руки, простого обывателя. Февраль 1917 года – это, конечно, сплошной восторг, непрерывное «ура», опьянение свободой – примерно все то, что мы сами имели возможность наблюдать в 1989 году. Затем, по мере все большего развала и анархии, «ура» постепенно переходит в «караул» – как у нас сейчас. Октябрьский переворот Озеров встречает враждебно, Ленин и Троцкий ему не нравятся, но он чувствует – это пришли хозяева. И когда в конце 1918 года от революционного взрыва разваливается Германия, Озеров уже почти что счастлив, что какой-то невзрачный «толстенький, лысенький и косоглазенький русский мужичок самого немца обманул», и теперь ни о каком другом политическом деятеле в мире не говорят столько, сколько об этом «мужичке».

«Брест-то вышел немцам боком, – думает в ноябре 1918 года Роцин, герой романа А. Толстого «Хождение по мукам». Но в начале 1918 года понимание того, что Брест необходим и что он потом выйдет немцам боком, пробивало себе дорогу с большим трудом.

21 января 1918 года в Петрограде состоялось расширенное совещание по вопросу о мире с немцами. Из 63 присутствовавших большинство 32 человека высказалось за революционную войну. Возглавляли эту воинственную партию члены ЦК Крестинский и Ломов. Точку зрения Троцкого – ни мира, ни войны – поддержали 16 человек, в том числе Бухарин и Урицкий. Ленин собрал всего 15 голосов. Среди его Сторонников были Зиновьев, Сталин, Сокольников и Артем. На заседании ЦК 24 Января 12 человек дружно проголосовали за затягивание переговоров, за революционную войну только Крестинский и Ломов, по точке зрения Троцкого мнения разделились за – 9, против – 7. По совместному решению ЦК большевиков и левых эсеров на рассмотрение III Съезда Советов была вынесена именно формулировка Троцкого.

Печальные результаты этой затяжки известны. 17 февраля немцы начали наступление, и спохватившийся ЦК согласился на возобновление переговоров на прежних условиях. Ленин получил большинство в один голос только потому, что очухался Троцкий и прекратил свою губительную политику саботажа мирных переговоров. Кроме Троцкого, Ленина поддерживали Зиновьев, Сталин, Свердлов, Сокольников и Смилга. По-прежнему против были Буха-

рин, Дзержинский, Крестинский, Ломов, Урицкий и Иоффе. Стасова воздержалась.

За этим опять последовала волна отставок. Из ЦК ушли Бухарин, Бубнов и Урицкий, причем Бухарин одновременно покинул пост редактора «Правды». Солидаризировались с их мнением, хотя и не пошли на открытый раскол, Дзержинский, Крестинский и Иоффе. Троцкий подал в отставку с поста наркоминдела. Цитаделью Бухарина и Ломова была Москва, поэтому одновременно с ними подали в отставку и руководители местной парторганизации Стуков, Яковлева и В. Смирнов.

Новые, еще более тяжелые германские условия были приняты большинством ЦК в составе: Ленин, Зиновьев, Сталин, Свердлов, Сокольников, Смилга, Стасова, Против голосовали Бухарин, Ломов, Урицкий и Бубнов. Воздержались Троцкий, Дзержинский, Крестинский и Иоффе.

После этого в партии возникла так называемая фракция «левых коммунистов». Возглавляли ее члены ЦК Бухарин, Ломов, Урицкий. Бубнов и Коллонтай, а среди ее участников мы встречаем таких видных впоследствии деятелей, как Куйбышев, Фрунзе, С. Косиор, Емельян Ярославский (Миней Израилевич Губельман), Уншлихт, Бела Кун, будущих лидеров оппозиции – Преображенского, Пятакова, Радека (Собельсона), Сапронова, Осинского (Оболенского), Г. Мясникова, Муралова, печально знаменитого историка Покровского и даже прелестную любовницу Ильича Инессу Арманд.

Чего хотели эти «левые»? Как писал А. Толстой в повести «Хлеб», «они бешено требовали немедленной революционной войны, втайне понимая, что сейчас она невозможна, что она превратится в разгром. Но им нужно было взорвать советскую Россию, чтобы от этой чудовищной детонации взорвался мир». Могут сказать, что не следует цитировать этого «сталинского подхалима» и нельзя ему верить, но вот эффектная концовка неизвестного ранее письма Бухарина, опубликованного в журнале «Наш современник» (1990, №8): «На Россию мне наплевать, ибо я – большевик». Как видим, против Брестского мира выступали именно антинационально настроенные большевики.

Вполне на месте в этой компании М.Н. Покровский, русский историк, выливший на наше прошлое больше грязи, чем все, наверное, зарубежные злопыхатели, вместе взятые. И столь же естественно присутствие среди тех, кто ненавидел Россию, и ненавидевшего религию Е. Ярославского, хотя по словам Ленина, который его с трудом выносил, он даже к антирелигиозной пропаганде был совершенно неспособен по причине своего «ничтожного духовного роста» (так уничижительно оценивал Ярославского Л. Троцкий). Украшением группировки «левых коммунистов» мог служить также Иосиф Уншлихт, двоюродный брат жены Дзержинского, еврейки С. Мушкат, зам. председателя ВЧК в 1921–1923 годах, от которого сам Дзержинский не знал, как избавиться, поскольку родственничек оказался амбициозным и бездарным интриганом (Отзыв того же Троцкого). Словом, молодцы были, как на подбор.

Странно в итоге выглядит победивший ЦК, В дюжине непосредственных организаторов революции оказывается восемь уклонистов разных мастей. Твердо держатся за Ленина из самых крупных деятелей только Сталин, Свердлов и Сокольников.

В марте 1918 года состоялся VII съезд партии. Избранный на нем ЦК вследствие октябрьских событий остался без Каменева, Рыкова, Ногина и Милютина. Не прошел бесследно и Брест.

Навсегда исчезла из рядов ЦК Александра Михайловна Домонтович–Коллонтай–Шляпникова–Дыбенко и т.д., и т.д., пропагандистка свободной любви, нарком государственного призрения, а позже идеолог «рабочей оппозиции». Сталин почему-то не тронул знаменитую партийную женщину, и она мирно дожила на разных дипломатических постах до 1952 года.

Не было в новом ЦК и Андрея Сергеевича Бубнова, сына купца из Иваново-Вознесенска, соратника Фрунзе по революционной деятельности в тех местах, обещавшего стать очень крупным деятелем (вспомним, что накануне Октября Бубнов был единственным, кроме Сталина, кто входил и в Политбюро, и в Военно-политический центр), но поскользнувшегося на «Бресте». Лишь в 1922 году Бубнова снова допускают в кандидаты, а в 1924 году – в члены ЦК. Тогда же он становится начальником политуправления Красной армии и членом Оргбюро, но это – вершина его карьеры. До Политбюро он так и не дошел, в 1929 году стал наркомом просвещения вместо Луначарского, а в годы великой чистки» бесследно сгинул.

Сломал «Брестом» свою карьеру и Ломов, точнее Георгий Ипполитович Оппоков, сын священника. VII съезд понизил его в кандидаты ЦК, потом он на время исчез и вернулся в ЦК лишь в 1927 году. XVII съезд избрал его заместителем председателя Комиссии Советского контроля (т.е. В.В. Куйбышева), ну а дальнейшее известно из выступления А.Н. Шелепина на XXII съезде КПСС: резолюция Молотова «за немедленный арест этой сволочи Ломова» и – приговор приведен в исполнение.

Вылетел из ЦК в кандидаты также М.С. Урицкий. Его соплеменник Канегиссер, застреливший его 30 августа 1918 года, оказал ему, по сути дела, большую услугу. Урицкий в прошлом был меньшевиком, старым другом Троцкого, примкнул вместе с ним к большевикам в числе прочих «межрайонцев» лишь в 1917 году. Держинский, деливший с Урицким тоску якутской ссылки, поставил его во главе Петроградской ЧК, но для этого учреждения он оказался слишком «либерален». Словом, не скосить бы Урицкому головы в грядущих передрягах, а так он попал в категорию мучеников, и это стоило названий тысячам улиц и площадей в русских городах.

Не состоялся как деятель и другой верный сподвижник Троцкого Иоффе, который не перенес краха своего кумира и покончил с собой в 1927 году. Похороны Иоффе почтила своим присутствием супруга Сталина Н. Аллилуева.

СВЕРДЛОВ

Очередной VIII съезд партии открылся 18 марта 1919 года под звуки траурных маршей: хоронили одного из ее крупнейших деятелей Я.М. Свердлова, который за 33 года своего земного существования успел наворотить немало. Однако и короткая жизнь Свердлова, и его безвременная, а может быть, наоборот, очень даже своевременная смерть еще таят в себе много загадок.

Ленин до небес превозносил Свердлова как главного организатора партии: «Я не в состоянии даже на сотую долю заменить его, потому что в этой работе мы были вынуждены всецело полагаться и имели полное основание полагаться на тов. Свердлова, который сплошь и рядом единолично выносил решения».

Как пишет Р. Медведев в своей статье «Семья и родственники Я.М. Свердлова» («Ленинское знамя», 12 ноября 1989 г.), «для периода от весны 1917 и до весны 1919 года именно Свердлов являлся вторым по влиянию и авторитету человеком после В.И. Ленина... Когда Ленин был тяжело ранен эсеркой Каплан, Свердлов стал на несколько недель фактическим главой Советского государства, и его подпись стоит под воззванием ВЦИК, объявляющим «красный террор» – «беспощадный массовый террор против всех врагов революции». Запомним это обстоятельство, а то Лев Колодный пытается выгородить своего соплеменника и свалить все на Ленина, высказывая в статье «Из ЦК в ЧК и обратно» («Московская правда», 21 апреля 1992) предположение, что текст завизированной Л. Фотиевой телеграммы от 5 сентября 1918 года с требованием усиления террора надиктовал сам Ленин: здоровье, дескать, ему позволяло, раны оказались не такими страшными.

К вопросу о покушении на Ленина мы еще вернемся, начнем же с того, что звезда Свердлова засияла на партийных небесах, можно сказать, внезапно. Из статьи Л. Троцкого «Памяти Свердлова» известно, что Ленин вначале был против введения Свердлова в ЦК и «на этот счет были изрядные споры». Ленин, правда, потом сожалел, что недооценил такого человека, но Троцкий умалчивает о мотивах, почему Ленин был против, и из-за чего велись «изрядные споры».

Журнал «Молодая гвардия» опубликовал в №10 за 1989 год статью Г. Назарова «Я.М. Свердлов: организатор гражданской войны и массовых репрессий» (в одном из пассажей этой статьи Свердлов именуется также «инициатором разжигания гражданской войны»). Вообще-то гражданскую войну, к сведению Г. Назарова, нельзя ни организовать, ни разжечь. Она является неизбежным следствием дошедших до крайностей социальных противоречий. Ленин в первые же месяцы революции неустанно подчеркивал, что привилегированные классы так просто своих привилегий не отдадут. «Им, – говорил он, – грозит опасность лишиться всего. И в то же время у них есть сотни тысяч людей, прошедших школу войны, сытых, отважных, готовых на все офицеров, юнкеров, буржуазных и помещичьих сынков, полицейских, кулаков». Так что гражданская война, скорее всего, разразилась бы в любом случае, но ее размах, ее жестокость могли бы быть гораздо меньшими, не приложи к этому делу руку такие люди, как Свердлов.

Врожденным пороком Свердлова, Троцкого и, по-видимому, всех еврейских революционеров вообще, был взгляд на крестьянство в целом, как на реакционную массу. Троцкий, правда, с пеной у рта отрицал за собой этот грех, как будто не он в первом томе своей книги о Сталине назвал крестьянство «бесформенным обломком средневековья в современном обществе». Свердлов переводил словесные красоты Троцкого на язык некрасивых дел. Уже в мае 1918 года он поставил задачу «расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии». Орудием этой политики и стали комбеды, учрежденные декретом от 11 июля 1918 года. Это была первая атака на крестьянство, зловещая репетиция позднейшей коллективизации.

В период перестройки все стали храбрыми и бросились наперебой обличать «палача Свердлова». Но справедливости ради следует напомнить, что об антикрестьянской политике партии в 1918 году очень правильно говорилось в статье с символическим названием «Свердловщина», которую еще в 70-х годах написал М. Бернштам. И в те же годы Р. Медведев в своей книге о трагической судьбе командарма Миронова, потрясающую песню о котором сочинил И. Тальков, рассказал, какую гнусную роль сыграл Свердлов в проведении политики «рассказачивания». Теперь-то мы все знаем, что именно Свердловым была единолично подписана 24 января 1919 года директива Оргбюро ЦК РКП(б), требовавшая «провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью.»

Герцена в 1836 году ужаснул один «безумный указ» относительно цыган, напомнивший ему «библейские рассказы об избиениях и наказаниях целых пород и всех к стене мочащихся». Свердлова, как человека иудейского вероисповедания, подобные рассказы не ужасали, а наоборот, вдохновляли. Правда, Владимир Генис в статье о красном терроре на Дону («Независимая газета», 23 апреля 1992) всячески старается, подобно Льву Колодному, затушевать индивидуальную роль Свердлова, изобразить главными палачами Сырцова и Колегаева, зато, мол, Сокольников (Бриллиант), был очень хороший человек и выступал за отмену директивы Свердлова. Все это делается по методу того же Сталина, который в 1930 году обвинил в «перегибах» коллективизации местные власти, хотя последние действовали согласно директивам центра.

На обеление Свердлова направлены и все «альтернативные» версии зверского ритуального убийства царской семьи в Екатеринбурге 17 июля 1918 года, которое организовал его соплеменник Шая Голощекин, впоследствии, в 30-х годах, выморивший голодом Казахстан. Известно, что Троцкий хотел устроить публичный суд над царем и блеснуть на этом суде в качестве обвинителя, однако не довелось. Вернувшись в Москву с фронта, Троцкий неожиданно узнал от Свердлова, что царскую семью уничтожили. «Как, всех?» – удивился Троцкий. – «Да, – ответил Свердлов, – мы тут с Ильичем посовещались и решили. А что?» – И Свердлов настороженно и подозрительно посмотрел на Троцкого: неужели могут быть какие-то возражения? Возражений не было. Троцкий поспешил согласиться, что все сделано правильно.

Но не все делалось правильно, даже с точки зрения большевиков, по отношению к деревне. Ленин, надо отдать ему должное, иногда пытался сдерживать антикрестьянские заскоки своего еврейского окружения. И когда по всей стране в результате «свердловщины» запольхали крестьянские и казачьи восстания, VIII съезду пришлось срочно менять политику. Ленин признал на этом съезде: «Удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство. Здесь мы погрешили чрезвычайно». Он был вынужден констатировать: «Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет из себя величайший вред». «Если подобным же образом действовать по отношению к среднему крестьянству, – это будет таким идиотизмом, таким тупоумием и такой гибелью дела, что сознательно так работать могут только провокаторы». «Не смей командовать!» – этот лозунг был брошен Лениным именно тогда. Однако все эти хорошие и правильные слова были начисто забыты парией в 1929–1930 годах во время коллективизации, когда «раскулачивание» опять ударило не столько по кулаку, сколько по середняку, а точнее, по крестьянству в целом. О причинах этого рецидива мы еще будем говорить: они в общем-то, те же, что и в 1918 году.

Крайне удивительно выглядит то обстоятельство, что на посту председателя ВЦИК сверхделового еврея сменил по рекомендации того же Ленина тверской мужичок-балагур М.И. Калинин, фигура явно декоративная и

совершенно неравнозначная своему предшественнику. Свердлов, повторяю, исчез с политического горизонта очень своевременно. И дело было не только в его политике истребления крестьянства, которая с его смертью была изменена, но и в том, что он, пользуясь известным выражением «сосредоточил в своих руках необъятную власть», – чтобы этого впредь не случилось, на его пост и назначили соответствующего преемника.

Свердлов, как мы помним, был вторым человеком после Ленина. Но ни один честолюбец никогда не удовлетворится вторым местом – он захочет стать первым. Свердловым же двигало не только честолюбие, но и стоявший за ним клан, который желал видеть во главе России не Ленина, «человека непонятных кровей», выражаясь словами Ю. Кузнецова, а настоящего «царя иудейского», чистокровного иудея – Свердлова.

В последнее время в печати появляются разные версии, касающиеся Фанни Каплан (Ройд): по одной, ее покушение – месть отвергнутой любовницы, по другой – вообще стреляла не Каплан, а неизвестно кто. В любом случае подозрителен скоропалительный расстрел Каплан, который мог быть произведен только по приказу свыше. По чьему? Опять вспомним: фактически главой государства в это время был Свердлов. Но он не думал пробить в этой роли лишь несколько недель, он рассчитывал в ней утвердиться. Когда же Каплан промахнулась, пришлось срочно заметать следы.

А задумка была великолепной: в один прием избавиться от соперника и создать повод для развязывания террора. Сталин более успешно осуществит аналогичный замысел в 1934 году. Свердлову же в 1918 году план удался лишь наполовину. Посредником между ним Каплан мог быть В. Загорский (Лубоцкий) – соратник Свердлова по революционной деятельности в Нижнем

Новгороде, знакомый с Каплан по сибирской ссылке. Псевдоним этого деятеля долгие годы осквернял православный Сергиев Посад.

Где же был в момент покушения верный страж революции железный Феликс? А у него было железное алиби: он уехал в Петроград расследовать убийство Урицкого, тоже весьма подозрительное, потому что Канегиссера убрали столь же быстро, как и Каплан. Урицкий с его некоторым либерализмом мешал Зиновьеву, который требовал от ЧК немедленно вооружить рабочих с предоставлением им права самосуда, в чем Зиновьева поддерживал Свердлов. Дзержинский вообще был большой специалист по части алиби. Немногим ранее, 6 июля 1918 года он отсиживался в плену у левых эсеров, как Горбачев в Форосе, выжидая, чья возьмет. После этого он вынужден был подать в отставку с поста председателя ВЧК и полтора месяца находился не у дел, до 22 августа 1918 года, то есть вернулся на свой пост за неделю до нового «дела».

Покрыта завесой непроницаемой тайны и история поездки Дзержинского якобы за женой в Швейцарию в октябре 1918 года в сопровождении секретаря ВЦИК, то есть помощника Свердлова, А. Аванесова. Странно, что при такой тесной дружбе между семьями Свердлова и Дзержинского жена Дзержинского узнала, что инициатором швейцарского вояжа его супруга был именно Свердлов, лишь в 1936 году (С.С. Дзержинская. В годы великих боев. М., 1975, с. 283). Мистики утверждают, будто Дзержинский увез с собой отрубленную голову Николая II для выставления в масонском храме в Чарльстоне, но скорее цель была более прозаичной: получить директивы непосредственно от тайного центра, как быть дальше с Лениным после неудачи 30 августа? Предпринять новую попытку или пусть пока побеждает?

Но недолго бегать оставалось самому Свердлову. Очевидно, в руководстве партии были люди, не только не согласные с политикой Свердлова, но и знавшие подоплеку событий 30 августа или подозревавшие о ней. На процессе 1938 года упоминалось о покушениях на Свердлова. Зная методику этих процессов, на которых действительны деяния и мотивы одних подменялись липовыми деяниями и мотивами других, можно предположить, что за Свердловым на самом деле охотились и в конце концов достали. Он не простудился на митинге в Орле, как гласит официальная версия, и не был избит до смерти рабочими, как утверждает неофициальная, – его убили свои. И гибель Загорского при взрыве усиленно охранявшегося здания МК в Леонтьевском переулке 25 ноября 1919 года, надо думать, тоже была не случайной. Слуга последовал за хозяином.

Кто все это устроил? Только те, кто привык валить все подозрительные смерти на Сталина, не будут ни минуты колебаться с отнюдь не простым ответом. Сталин хоть и канонизировал Свердлова, но явно недолго любил его. Однажды они вместе оказались в ссылке, причем Свердлов прямо вился мелким бесом, встречая Сталина, словно приказчик барина, но старания Свердлова не были оценены. Сталин уничтожил его выкормыша – Г. Ягуду (Иегуду), превратившего в 30-х годах НКВД в еврейскую лавочку, мужа Иды Авербах – дочери старшей сестры Свердлова Софьи Авербах (по мужу, богатому купцу).

Сын этой Софьи, «литературный гангстер Авербах», по выражению Н. Асеева, травивший русских писателей разделил судьбу своего зятя, равно как и брат Я.М. Свердлова Вениамин. О сыне Свердлова Андрее Р. Медведев в упомянутой статье сообщает, что он работал следователем НКВД, пытал Г. Пётровского, сфабриковал дело на Павла Васильева и даже одно время был личным адъютантом Берии.

ТРОЦКИЙ

Свердлов, как уже было сказано, единолично решал разные вопросы, причем очень угождал Ленину и Троцкому, которые нарадоваться на него не могли: только они успеют что-нибудь задумать, оказывается, Свердлов это уже сделал. После же его смерти был создан коллегиальный орган – Политбюро, правивший страной 1990 года, когда Горбачев его фактически ликвидировал, развязывая себе руки для ликвидации всей партии. Первыми членами Политбюро были Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев и Крестинский, кандидатами – Зиновьев, Бухарин и Калинин.

Разумеется, в годы гражданской войны собирать регулярно эту коллегию было невозможно. Троцкий и Сталин все время мотались по фронтам, а из остальных членов Политбюро Крестинский часто расходился во мнениях с Лениным, в результате чего большинство решений принималось от имени всего Политбюро двумя людьми – Лениным и Каменевым, как пишет Жорес Медведев в своей книге «Генеральный секретарь» (Дармштадт, 1987, с.12).

Но на устах у всех были не эти два имени, а другие – Ленин и Троцкий. Это сочетание в годы войны было столь же неразрывным, как на памяти нашего поколения Ленин и Сталин.

Лев Давыдович Троцкий (Бронштейн) родился 26 октября (8 ноября) 1879 года, но уверял впоследствии, Октябрьскую революцию он под день своего рождения не подгонял, наоборот, совсем даже забыл о нем в 1917 году в суматохе событий. Местом же его рождения деревня Яновка Херсонской губернии.

Магаданский историк С. Наумов за свои статьи о еврейской верхушке ГУЛАГа подвергся нападкам со стороны некоего Ф. Врублевского, который в «Магаданской правде» от 12 ноября 1989 года использовал примерно такую контраргументацию: ну как же было евреям не возглавить ГУЛАГ, ведь они до революции были такие бедные и несчастные, их притесняли, царский закон запрещал евреям иметь землю и даже жить и работать в сельской местности, заниматься земледелием». Лучшим опровержением измышлений Врублевского служит автобиография Троцкого «Моя жизнь» (Изд. Гранат, Берлин, т. I), а в ней говорится (с.22–23): «Отец мой был земледельцем, сперва мелким, затем более крупным... В Херсонской и Екатеринославской губерниях имелось в те годы около сорока еврейских земледельческих колоний с населением около 25000 душ. Отец купил у помещика Яновского свыше ста десятин, да десятин двести держал 1 аренде». «В годы больших посевов нанимали сотни рабочих (там же, с.42).

Первой любовью молодого Троцкого, еще до знакомства с марксизмом, было масонство. В течение нескольких месяцев он усердно читал книги по истории масонства и завел себе специальную тетрадь по масонству в тысячу пронумерованных страниц, куда мелким бисером записывал выдержки из многочисленных книг, чередуя их со своими собственными соображениями о масонстве (там же, с.144–145). Жаль, пропала тетрадь, интересно было бы сегодня почитать эти «соображения», особенно в свете того факта, что, вырвавшись из сибирской ссылки и попав во Францию, Троцкий вступил там в одну из лож Великой ложи Франции и получил степень подмастерья (Людвиг Хасс. Масонство в Центральной и Восточной Европе в XVIII и XIX веке. Вроцлав, 1982, с.487). Правда, потом, утверждает Л. Хасс, Троцкий порвал с масонством, и эту версию подхватила Н. Берберова, которая говорит, будто Троцкий «вошел и вышел». Но мы-то знаем, что из масонства так просто не выходят. Как писал И. Кобзев в поэме «Выстрел»

...в ложе той
Был счет своих особых выгод,
Точь-в-точь как в шайке воровской,
Где рубль за вход, и два – за выход!

Люди, якобы выходящие из масонства, как правило, выходят из него со спецзаданиями, чтобы в случае провала последних тень не пала на масонство. И хотя именно Троцкий вместе с Бухариным и Радеком потребовал поставить на повестку дня IV Конгресса Коминтерна в ноябре 1922 года вопрос о несовместимости членства в компартии с пребыванием в масонских ложах (см. статью Ж. Коля «Масоны и коммунисты», журнал «Крупный», №41, зима 1976), это ничего не доказывает: папа Бенедикт XIV тоже осудил в 1751 году масонов, сам будучи масоном. Следует обратить внимание и на сделанный Троцким выбор: он вошел в систему Великой ложи Франции, т.е. отдал предпочтение шотландскому ритуалу, а ведь знал, что в этой системе «сильны элементы прямой феодальной реакции». Откуда вдруг подобные симпатии у такого убежденного революционера?

Троцкий начинал на II съезде как верный соратник Ленина, но внезапно и резко с ним разошелся, разглядев в нем диктаторские замашки, и тогда же придумал кличку «Максимилиан Ленин» (с намеком на Робеспьера). Такие же замашки были и у самого Троцкого, но об этом он скромно умалчивает. От большевиков он отошел, но и к меньшевикам не прибил, за что Мартов (Цедербаум) прозвал его «человеком, который всегда приходит со своим собственным стулом». Уже в годы первой русской революции Троцкий спелся с Парвусом (Гельфандом), который впоследствии организовал финансирование партии большевиков германским генеральным штабом. В оценке либеральной буржуазии Троцкий и Парвус были согласны с большевиками, а в типичной, как мы уже говорили, для еврейских революционеров, оценке, точнее, недооценке крестьянства – с меньшевиками, так что «собственный стул», как видим, состоял из половины двух чужих стульев. Но, так или иначе, Троцкий приобрел всероссийскую известность, как руководитель Петроградского совета, раньше Ленина.

Возвращение блудного сына в объятия Ленина и партии большевиков произошло лишь в 1917 году, но он вернулся не один, а в сопровождении раз-

ношерстной оравы так называемых «межрайонцев», в состав которой входили, в частности, Урицкий, Иоффе, Луначарский, Рязанов (Гольдендах), Юренев (Кротовский), Карахан, Мануильский, и Владимир (Шенфинкель).

В первом советском правительстве Троцкий был наркомом иностранных дел, а в 1918 году занял пост председателя Реввоенсовета (РВС), т.е. наркома обороны, и прославился в годы гражданской войны как «непобедимый вождь Красной армии». На своем персональном поезде он объезжал войска, выступая с напыщенными речами, но не всегда имел успех у аудитории. Однажды в районе Царицына иззябшие, голодные красноармейцы, увидев этого барина в роскошной шубе, взревели: «В штыки его, суку!» – и чуть не приколотили. Троцкого спас комиссар части, отец писателя Л. Корнюшина, со слов которого и известно об этом эпизоде.

Но неправильно думать, будто Троцкий только произносил речи, и когда Д. Волкогонов утверждает, что у Троцкого «самая сильная сторона заключалась не столько в организаторском таланте, сколько в ораторских способностях и остром, часто парадоксальном уме» (Триумф и трагедия. М., 1989, кн. I, ч. I, с. 116), он расходится в этой оценке с Лениным, который ценил в Троцком именно организаторские способности, а с Троцким, как известно работал Ленин, а не Волкогонов. В особую заслугу Троцкому Ленин ставил привлечение военспецов. Сам Троцкий рассказывает, что Ленин в марте 1919 года подумывал о том, не прогнать ли всех спецов, но, он, Троцкий, ответил ему, что в Красной армии служат 30 тысяч лучших царских офицеров, а в 1918 году они составляли 76% ее командного и административного аппарата (Л. Троцкий. Сталин. 1985, т. II, с. 80–81). Расходится с ленинской оценкой и Р. Медведев, когда приводит на стр. 81 своей книги «К суду истории» отрывок из письма В. Трифонова (это отец писателя Ю. Трифонова, мать писателя носила фамилию Лурье), который называет Троцкого «бездарнейшим организатором» и хвастается: «Армию создавал не Троцкий, а мы, рядовые армейские работники» О том, каким «работником» был сам В. Трифонов, можно судить по оценке Сталиным его роли как члена РВС 3-й армии: Трифонов «не наблюдает за снабжением, не наблюдает за органами политического воспитания армии и вообще как будто ничего не делает» (Д. Волкогонов, цит. соч., с. 96). Кроме того, высказывание В. Трифонова явно отдает душком «военной оппозиции», отстаивавшей методы партизанщины. За этой оппозицией, которую возглавляли бывшие левые коммунисты В. Смирнов, Ярославский и Сафонов, негласно стоял Сталин, пытавшийся уже тогда с ее помощью прощупать окольным путем, насколько прочно сидит Троцкий. Но в военную оппозицию» Сталин вместо себя подтолкнул Ворошилова, сам же выступил в поддержку линии Ленина, Троцкого и Сокольников на создание регулярной армии.

Ценя организаторские таланты Троцкого, Ленин в то же время журил его за увлечение «чисто административными методами». Конкретное содержание этой эвфемистической фразы раскрывает Р. Медведев, который пишет о Троцком на стр. 46 своей книги «К суду истории»: «Жертвами его быстрых и далеко не всегда справедливых расправ иногда оказывались и командиры, и комиссары отдельных отрядов и частей», а на стр. 74 рассказывает, как Троцкий после отступления одного из полков на Восточном фронте приказал расстрелять командира, комиссара и каждого десятого.

По характеристике Д. Волкогонова, Троцкий был «высокомерен, заносчив, авторитарен, категоричен, нетерпим к другим мнениям» (цит. соч., с.165). Оценку Ленина все хорошо помнят: «С нами, а не наш. Честолюбив. И есть в нем что-то нехорошее, от Лассалья». Что именно, Ленин не пояснил, но это можно узнать из написанной датским критиком Г. Брандесом биографии Лассалья: расовый признак ума Лассалья, основную черту его темперамента Г. Брандес характеризует еврейским словом «хуцпе», «означающим одновременно присутствие духа, наглость, дерзость, бесстыдство и мужество». «Хуцпе», – продолжает Г. Брандес, – у обыкновенных представителей еврейской расы принимает иногда возмутительный характер навязчивости и ни на чем не основанной страсти выставляться и играть роль».

Среди ближайших помощников Троцкого по РВС было немало «хуцпеносителей», однако Троцкий относился к ним по-разному. Своего заместителя, врача Эфраима Марковича Склянского, утонувшего или утопленного по приказу Сталина в Америке в 1925 году, он превозносил до небес и постоянно сравнивал с Лазарем Карно, который прослыл крупнейшим военным организатором во времена великой французской революции. Зато возглавлявшего политуправление Красной армии так называемого Сергея Ивановича Гусева (настоящие ф.и.о. Яков Давыдович Драбкин) Троцкий терпеть не мог, хотя тот и подмахнул не глядя вышеупомянутый приказ о децимации. По словам Троцкого, этот «Гусев» после революции 1905 года лет на десять уходил в буржуазную жизнь. За мелкие интриги Ленин и Троцкий отстранили его от военной работы, и он впоследствии специализировался на фальсификации истории гражданской войны. Троцкий характеризует его как «апатичного циника» и «флегматичного кляузника». Сталин тоже испытывал к Гусеву большую неприязнь, которую Р. Медведев почему-то считает «ничем не оправданной», но если столь разные люди, к Троцкий и Сталин, сходятся в оценке попеременно с жившей им личности, то эта оценка, несомненно, справедлива.

Собственная гордыня подвела Троцкого. Когда началась борьба за власть, он и пальцем не пошевелинул, ждал, что ее принесут ему на блюдечке. Так Атос в «Трех мушкетерах» ждал, что амуниция найдется сама. Но в политике не бывает так, как в приключенческих романах. Атос дождался своего, а Троцкий нет. Будучи оттертым от власти, Троцкий с горя подался в поборники свободы, но, как правильно отмечает Р. Медведев, «неожиданная забота Троцкого о внутрипартийной демократии отдавала в значительной степени демагогией» (цит. соч., с.86). И лишь под конец жизни до Троцкого дошло, как до жирафа, что рабочая оппозиция была права: в СССР нет социализма, а бюрократия превратилась в «новый класс» (И. Дойчер. Троцкий в изгнании. М., 1991, с.127, 351).

В 1929 году Троцкий был выдворен из СССР, но Сталин потом понял, что это была ошибка, и приказал добить Троцкого, хотя тот был уже очень далеко, в Мексике. Главным организатором «мокрого» дела стал агент НКВД Леонид Котов (Эйтингон), а его подручными – Кодовилья, будущий вождь аргентинской компартии, Видали – будущий вождь компартии Триеста и знаменитый художник Сикейрос. Первый неудачный налет на виллу Троцкого был совершен 23 мая 1940 года. После этого промаха в дело был пущен Рамон Меркадер, мать которого, испанская коммунистка, была любовни-

цей Эйтингона. Втершийся в доверие к Троцкому молодой наймит 20 августа 1940 года расколол альпенштоком голову бывшего вождя пролетарской революции, после чего честно отсидел от звонка до звонка 20 лет в мексиканской тюрьме, а по освобождении сразу же выехал на Кубу. Берия представил мать Р. Меркадера Каридад Сталину, а Эйтингон после падения Берии просидел 12 лет в советских лагерях. Все сестры получили по серьгам.

ПОЛИТБЮРО И ЦК

В отличие от Троцкого, которого Д. Волкогонову так нравится называть «демоном революции», зловещего, демонического ореола был начисто лишен другой член первого Политбюро, Лен Борисович Каменев (Розенфельд). Родственные узы, которые связывали его с Троцким (Каменев был женат на сестре Троцкого Ольге), отнюдь не стимулировали какую-то особую близость между этими двумя лидерами, относившимися друг к другу весьма холодно, если не враждебно. Каменев, еврей лишь наполовину, со стороны отца, родился в Москве в 1883 году. Во времена первой русской революции он работал в Кавказском комитете партии вместе со Сталиным, вместе они потом были и в сибирской ссылке. Близкие отношения Каменева со Сталиным, с одной стороны, и с Зиновьевым, с другой, и стали тем стержнем, который позволил сформировать знаменитую «тройку» столь ловко, к вящему неудовольствию Авторханова, оттершую от власти Троцкого в 1923–1924 годах. Если бы Каменев вовремя понял, кто в этой тройке главный, он, возможно, и уцелел бы, но он сделал неверный выбор, склонившись в сторону Зиновьева и подчинившись его влиянию. Каменев и Зиновьев стали ближайшими сподвижниками Ленина еще до революции, после того как Богданов и Луначарский впали в ересь эмпириокритицизма. И Каменева, и Зиновьева обуял одинаковый страх накануне октябрьского переворота, вместе они пали с высот власти в 20-х годах и вместе кончили жизнь под пулями 25 августа 1936 года.

Как уже говорилось, решения за все Политбюро Ленин и Каменев часто принимали вдвоем. Еще при Ленине Каменев, как правило, председательствовал на заседаниях Политбюро. После Октябрьской революции Каменев несколько дней был председателем ВЦИКа (его сразу же заменил Свердлов), а затем – председателем Моссовета. В период болезни Ленина Каменев фактически возглавлял Совнарком и существовавший тогда более узкий орган – Совет труда и обороны (СТО). Такое сосредоточение власти в одних руках Сталину не понравилось, и он после смерти Ленина предложил разделить должности председателя Совнаркома и СТО, присовокупляя к прочим мотивам еще и тот аргумент, что неудобно еврею возглавлять Совнарком в такой стране, как Россия.

Согласно характеристике М. Якубовича, из воспоминаний которого почерпнуты приведенные выше сведения, «Каменев не был честолюбив и не был властолюбив... Отсутствие честолюбия переходило у него в некоторую пассивность и излишнюю уступчивость» (Р. Медведев. Каменев. «Литературная газета», 3 мая 1989 года). Д. Волкогонов отмечает у Каменева «какую-то импульсивность: способность быстро приходить к определенным решениям, но так же быстро и отказываться от них». В то же время «Каменева умело вел

переговоры, улаживая различные щекотливые дела в партийной среде» (Д. Волкогонов, цит. соч., с.121). И когда Ленин рекомендовал назначить на место Сталина другого человека, который был бы «более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам», можно было бы подумать, что речь идет о Каменеве, но Каменеву, как впрочем и Зиновьеву, как писал Троцкий, «не хватало той мелочи, которая называется характером» (Моя жизнь, т.11, с.263–264), и это все прекрасно знали. Знал и Ленин, который шутил, что правильней было бы называть Каменева Тюфяковым и отмечал, что Каменев умный политик, но никудышный администратор. Но даже ядовитый Троцкий, рисовавший злые карикатуры на своих соратников, о Каменеве отзывался с мягкой иронией в том духе, что в нем «всегда жил маленький сибарит» (Сталин, т. II, с.133) и ему был свойственен «добродушный цинизм» (Моя жизнь, т. II, с.229). Пример этого «добродушного цинизма» приводит в своих воспоминаниях писатель Б. Зайцев, обратившийся однажды к Каменеву с просьбой освободить Соболя. «Какого Соболя? – небрежно спросил Каменев. – Который написал роман «Пыль»? – «Да». – «Плохой роман. Пусть посидит» (Серебряный век. М., 1990, с.298). Но такие «шуточки» Каменева кончились плохо для него самого.

В числе членов первого Политбюро мы видим и Сталина. Он уже тогда, безусловно, являлся одним из вождей партии, а вовсе не был «серой фигурой», неожиданно отделившейся в известный момент от кремлевской стены», как изощрялся Троцкий (Сталин, т. II, с.145). Сталин принимал участие уже в IV и V съездах партии, после Пражской конференции 1912 года был кооптирован в состав ЦК, а на VI съезде выступал с политическим отчетом ЦК. Правда, в это время Ленин и Зиновьев скрывались в Разливе у рабочего Н.А. Емельянова (впоследствии Сталин посадил этого рабочего, его жену и трех сыновей – не прячьте, кого не следует!), а Каменев и Троцкий были арестованы. В октябре 1917 года Сталин – член Политбюро и Военно-политического центра, даже Р. Медведев, понятно как относящийся к Сталину, признает: «Сталин обнаружил большую энергию, значительный организаторский талант, силу воли и целеустремленность» и добавляет: «Бесспорно, что Сталин проделал в Царицыне немалую работу по снабжению продовольствием промышленных центров Советской России», хотя и не одобряет методов, которыми действовал Сталин, приказывавший, например, выжигать дотла дагестанские аулы, чтобы местным бандитам неповадно было делать набеги на поезда, идущие с Северного Кавказа (К суду истории, с. 29, 40, 46). И когда Солженицын, движимый личной неприязнью, карикатурно изображает Сталина злобным идиотом («В круге первом»), эта картина далека от реальной. Даже Роберт Конквест, тоже отнюдь не поклонник Сталина, считает его «более глубокой и сложной натурой, нежели Гитлер» (Великий террор, с.116), с которым либералы очень любят сравнивать Сталина. В марте 1919 года Сталин возглавил еще один коллективный орган, созданный одновременно с Политбюро, – Оргбюро, которое просуществовало до 1952 года.

Пятый член первого Политбюро ныне почти совершенно забыт. Николай Николаевич Крестинский, ровесник Каменева и Зиновьева, бывший присяжный поверенный, занимал с 1918 по 1921 пост наркомфина РСФСР. Бунт против Бреста не повредил карьере Крестинского, наоборот, он взлетел еще выше и по своему политическому весу сравнялся со Сталиным, поскольку вошел также в Оргбюро, а с ноября 1919 года стал и секретаре ЦК. Но, как уже го-

ворилось, Крестинский в Политбюро постоянно оппонировал Ленину, а в 1920 году во время дискуссии о роли профсоюзов вместе с двумя другими секретарями ЦК Серебряковым и Преображенским поддержал платформу Троцкого, чем окончательно разъярил Ильича, который на X съезде предложил разогнать секретариат и выкинуть всю эту троицу из ЦК, что и было сделано к вящему удовольствию Сталина, – путь к захвату последним секретариата и превращению его в свою цитадель был открыт. Крестинский же был отправлен в Берлин по применявшемуся уже тогда принципу «посол вон». Продолжить активную борьбу в рядах троцкистов Крестинскому не давала его жена, Вера Моисеевна, которая уговаривала мужа: «Надо бросить оппозицию, надо пользоваться жизнью» (Л. Троцкий. Сталин, т. II, с.267). Крестинский внял этим полезным советам, стал даже замнаркоминдела при Литвинове (Финкельштейне), но «пользоваться жизнью» послушному супругу оставалось уже недолго. Сталин не мог забыть, что Крестинский называл его «дрянной человек с желтыми глазами», а Троцкий, не заботясь о судьбе ренегата, предал этот отзыв гласности в своей автобиографии (Моя жизнь 1930, т. II, с.183). И Солженицын прав, когда пишет, что Сталин выводил на показательные процессы «самых податливых», «знал и вообще, что они слабаки, и слабости каждого порознь знал». И когда Крестинский на процессе 1938 года попробовал козырнуть тем, что он давно отошел от оппозиции, его живо привели в чувство. Как догадывается Солженицын, если Крестинский вдруг сбился, чекисты знали заранее, кто к нему должен бежать и что с ним делать.

Если от первого Политбюро перейти к ЦК 1919 года, то, прежде всего, бросается в глаза изобилие в нем будущих троцкистов – их в центральном органе партии было тогда более половины. Если говорить о них персонально, то, прежде всего, следует обратить внимание на уже упоминавшегося секретаря ЦК Леонида Серебрякова (первого мужа писательницы Г. Серебряковой), которого Ленин как-то назвал «гениальным рабочим». Эти слова были вынесены в заголовок хвалебной статьи И. Анфертьева в «Красной звезде» 18 февраля 1989 года. Л. Серебряков действительно был коренной пролетарий родом из Самары, но работавший первоначально в Донбассе. «Гениальность» Серебрякова проявлялась, очевидно, в том, что он самоуверенно говорил: «Сталина мы не боимся. Если начнет зазнаваться – снимем его» (Л. Троцкий. Сталин, т. II, с.207). Вероятно, зная это высказывание, Ю. Ларин и написал в 1927 году фельетон «Оппозиция у власти», в котором в порядке фантазии сообщалось об избрании Серебрякова генеральным секретарем. Но в действительности его ждала иная судьба – одна скамья подсудимых вместе со вторым мужем его родной жены Сокольниковым в 1937 году и расстрел.

Другая фигура – А.Г. Белобородов, который в 1918 году как председатель Уральского совета подписал приказ о расстреле царской семьи, а позже свирепствовал на Дону. За эти заслуги Белобородов стал, правда, ненадолго, – членом ЦК и даже Оргбюро, а в 20-х годах – наркомом внутренних дел РСФСР. Одни уверяют, будто настоящая фамилия Белобородова Вейсбарт, другие – будто он потомок знаменитого пугачевца. Думать, будто Троцкого поддерживали одни евреи, неверно, затесались в эту компанию и несколько русских чудаков и, скорее всего, Белобородов был одним из них. С Троцким его связывали тесные, дружеские отношения, и после провала «путча»

7 ноября 1927 года Троцкий даже жил у него на квартире. Белобородов тогда еще числился наркомом, хотя сам был под слежкой (Моя жизнь, т. II, с.282).

А вот личность в высшей степени колоритная. Карл Радек (Собельсон), видный деятель коммунистического интернационала, человек, которому в этой организации было самое место, потому что он представлял революционное движение нескольких стран сразу. «Недаром его зовут Крадек – вор и жулик с обезьяньей мордой», – так, по мнению А. Рыбакова, думал о Радеке Сталин. Что думал Сталин на самом деле, никто не знает, но он был очень доволен, когда ярый троцкист Радек «разоружился» и написал 6 июля 1929 года покаянное письмо. Податливость Радека Сталину, безусловно, понравилась: какую комедию потом заставляли ломать таких «податливых» людей, мы знаем. Знал это заранее и Троцкий, написавший по этому поводу: «Капитулировав, Радек просто вычеркивает себя из состава живых. Он попадет в возглавляемую Зиновьевым категорию полуповешенных, полупрощенных» («Собеседник», 1988, №50). И даже льстивые статьи, такие как «Зодчий социалистического общества» и «Полководец пролетариата», Радеку не помогли. Ему была отведена другая роль. Он честно ее сыграл на процессе 1937 года, но не спас этим свою жизнь, как думал на первых порах.

Когда наша пресса в эпоху горбачевского реабилитанса бросилась наперебой восхвалять бывших троцкистов, помянул добрым словом журнал «Наука и жизнь» в №6 за 1988 год и латыша Ивара Смилга, который с 1919 по 1921 год возглавлял (после Серебрякова) Политуправление РККА. Однако после этого названный журнал получил письмо из Таганрога от А. Николаенко с вопросом: не тот ли это Смилга, на совести которого незаконный расстрел Б. Думенко и его боевых товарищей, суд и смертный приговор над Ф. Мироновым? Да, пришлось ответить С. Бурину, тот самый. Но, видите ли, Смилга искренне верил в виновность Думенко и Миронова». Тех, кто искренне верил в виновность обвиняемых на процессах 30-х годов, Бурин не прощает, зато Смилгу за искренность его веры готов простить.

В 1920 году на IX съезде когорты троцкистов пополнилась еще тремя членами. Евгений Преображенский, сын священника, стал секретарем ЦК и членом Оргбюро. Именно этот деятель разработал теорию «первоначального социалистического накопления», которая предусматривала максимальную перекачку прибавочного продукта из «несоциалистической среды» и строительство социализма за счет экспроприации крестьянства, превращаемого во внутреннюю колонию. Разумеется, эту теорию осудили и потом всегда тыкали в нее, как в доказательство преступных замыслов троцкизма, но на самом деле все «социалистическое переустройство сельского хозяйства» свелось при Сталине к последовательному воплощению в жизнь теории Преображенского.

Одним из самых верных сторонников Троцкого был Иван Никитич Смирнов, «самый общительный, жизнерадостный и остроумный из людей», по отзыву того же Троцкого (Моя жизнь, т. II, с.139). Смирнов, как и Смилга, сработался с Троцким, будучи членом РВС. Сталина же он, подобно Серебрякову, недооценивал и удивлялся, когда ему говорили, что Сталин – это кандидат в диктаторы. «Да ведь это совсем серый и ничтожный человек. Это посред-

ственность, серое ничтожество!» (Л. Троцкий. Сталин, т. II, с.167). Впоследствии Смирнову пришлось горько пожалеть о своей недалекости.

Сторонником Троцкого был тогда и будущий многолетний член Политбюро А.А. Андреев, которого спасла быстрая смена ориентации.

Схватка с троцкистами началась в том же 1920 году с упомянутой ранее дискуссии о профсоюзах. Фанатично уверенный во всемогуществе методов администрирования, Троцкий предложил «перетряхнуть профсоюзы с песочком» и целиком подчинить диктату партийных и государственных органов. ЦК, состоявший тогда из 19 человек, раскололся почти надвое. Троцкого поддерживали Бухарин, Дзержинский, Крестинский, Серебряков, Преображенский, Андреев, Раковский и Смирнов. Нет сомнения, что Ленин не меньше Троцкого хотел поднять профсоюзы, которые тогда, под руководством Томского, не в меру нынешним, были вполне самостоятельными и незадолго перед этим нанесли оплеуху самому Ленину в так называемой дискуссии о единоначалии, что заставило Ленина стать осмотрительней и выступить за внешне более гибкую позицию по отношению к профсоюзам. Ленина поддержали Зиновьев, Каменев, Сталин, Калинин, Томский, Рыков, Радек, Артем и Рудзутак. Склока докатилась до X съезда (март 1921) и закончилась первой крупной чисткой в верхах. Из ЦК вывели трех вышеупомянутых секретарей, а также Андреева. Новый секретариат составили совершенно новые люди: Молотов (Скрябин), который одновременно стал кандидатом в члены Политбюро и членом Оргбюро, Ярославский (Губельман) и В. Михайлов, также включенные в Оргбюро. В Политбюро Крестинского заменил бывший до того времени кандидатом Зиновьев.

Наши источники обычно пишут о Григории Евсеевиче Зиновьеве, будто настоящая его фамилия Радомысльский, но и это неверно. В оригинале его звали Гирш Апфельбаум, происходил он из той же Херсонской губернии, что и Троцкий, революционную деятельность начинал в Елизаветграде, который позже носил его имя, а теперь (пока) называется Кировоградом. Отец Зиновьева, как и положено бедному еврею, имел молочную ферму, а сын учился не где-нибудь, а в Бернском университете («Неделя», 1988, №29). Членом ЦК Зиновьев стал уже в 1907 году и с тех пор был неразлучен с Лениным (Каменев в 1914 году поехал в Россию и был там арестован). Ленин и Зиновьев выступали как соавторы, вместе вернулись в Россию в знаменитом запломбированном вагоне, потом вместе прятались в Разливе и между ними сложились «очень теплые личные взаимоотношения» (Р. Медведев. К суду истории, с.97).

Однако отношение Ленина к Зиновьеву можно рассматривать как исключительный случай в среде коммунистов. Р. Конквест, изучив мемуарную литературу, делает вывод: «Трудно найти кого-нибудь, кто писал бы о Зиновьеве иначе как во враждебном тоне. Очевидно, он производил на всех впечатление тщеславного, невежественного, наглого и трусливого ничтожества... Он не имел и политического чутья, не понимал экономических проблем. Он был очень эффектным оратором, но его речам недоставало основательности и они производили лишь временный эффект на возбужденную массовую аудиторию» (Великий террор, с.29).

Не менее отрицательный букет качеств находит у Зиновьева и Р. Медведев: «неразборчивость в средствах, честолюбие, тщеславие, склонность к демагогии и недостаток выдержки». К этому добавлялась еще и крайняя жестокость. Как пишет тот же Р. Медведев, ни в одном городе Советской России красный террор не был осенью 1918 года более массовым, чем в Петрограде, вотчине Зиновьева. Широко практиковался здесь и расстрел заложников (цит. соч., с.97,98).

Как вспоминает Н. Берберова, в «Петроградской правде» каждое утро Зиновьев писал: «Я объявляю», «Я приказываю», «Я запрещаю», «Я буду карать безжалостно», «Я не потерплю»... и за этим чувствовался чудовищный аппарат неимоверной силы, который был у него в руках и которым он владел, не давая ни себе, ни другим ни минуты покоя» (Железная женщина. Нью-Йорк, 1982, с.124).

Н. Берберова предполагает, что Зиновьев, как ближайший человек к Ленину, не терпел мысли о возможности Горького занять его место в сердце великого человека, поэтому старался вредить Горькому где мог и как мог. Арестованным, за которых хлопотал Горький, нередко грозила худшая участь, чем если бы он за них не хлопотал. Продовольствие, топливо и одежда, которые Горький с величайшим трудом добывал для ученых, писателей, художников, перехватывались по распоряжению Зиновьева и распределялись неизвестно по каким учреждениям. Дерзость Зиновьева доходила до того, что его агенты перлюстрировали горьковскую переписку, в том числе письма самого Ленина, а в 1920 году Зиновьев устроил в густо и пестро населенной квартире Горького повальный обыск (цит. соч., с.128, 130).

Горький ото всех этих зиновьевских забав уехал в эмиграцию, но и сам был хорош. Ведь это он облаял в Несвоевременных мыслях» русского человека, назвав его зверем, пакостно-трусливым при всей своей жестокости. Эти слова были явно сказаны не по адресу, но зато они могут быть с полным правом отнесены к отнюдь не русскому человеку – Зиновьеву, совершенно беспощадную характеристику которому дал его соплеменник и соратник Троцкий: «Свердлов говорил мне: «Зиновьев – это паника». А Свердлов знал людей, И действительно: в благоприятные периоды, когда по выражению Ленина нечего было бояться», Зиновьев очень легко взбирался на седьмое небо. Когда же дела шли плохо, Зиновьев ложился обычно на диван, не в метафорическом, а в подлинном смысле, и вздыхал. Начиная с 1917 года я мог убедиться, что средних настроений Зиновьев не знал: либо седьмое небо, либо диван» (Моя жизнь, т. II, с.158). Приехав в Петроград во время наступления Юденича, Троцкий застал Зиновьева «на диване» и, сам, будучи человеком не робкого десятка, не дал Зиновьеву обратиться в паническое бегство, как здесь же, под Петроградом, Троцкий однажды, вскочив на лошадь, остановил отступающих красноармейцев. И тот же Зиновьев, когда его потащили в 1936 году на расстрел, визжал, как свинья: «Позвоните Сталину!», а увидев, что на Сталина надежды нет, воззвал к высшей инстанции, к своему еврейскому богу: «Шема Исраэл: Адонай Элохейну, Адонай Эхад!».

Но возмездие пришло потом, а в начале 20-х годов Зиновьев раздувался от гордыни, возглавляя Коминтерн и Петроградский Совет. Отметим для себя, что в 1921– 1922 годах из пяти членов Политбюро трое были евреи – это для

иллюстрации к рассуждениям на тему о «русской революции». Если мы добавим к этому, что в ЦК 1921 году сохранялась прежняя пропорция, то есть около половины инородцев, а комсомол возглавляли сначала Оскар Ривкин, а потом Лазарь Шацкий, то мы будем иметь достаточно ясное представление о том, в чьих руках находилась власть в те времена. Но недолгим было торжество этих временщиков. Как сказано в Коране «Пусть же они наслаждаются, потом они узнают». Потом они узнали.

ШИФРОВАННОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА

Новый, молодой секретариат ЦК, образованный 1921 году, не обладал, однако, достаточным авторитетом в партии. Ощущалась необходимость поставить во глав его более крупную личность. И поскольку функции Оргбюро и секретариата пересекались, поневоле напрашивалась кандидатура Сталина, и в апреле 1922 года Сталин был назначен на новый для себя и для партии пост Генерального секретаря ЦК. Он оставил в секретариат только Молотова, двое других ушли, а взамен их пришли Куйбышев и вернувшийся в ЦК прощенный Андреев. Оба они были механически введены также в Оргбюро.

Теперь доискиваются, по чьей рекомендации Сталин был сделан Генеральным секретарем. Троцкий уверяет, что инициатива выдвижения принадлежала Зиновьеву, который «на буксире тянул за собой своего будущего палача» (Сталин, т. II, с.188, 189), но версия Троцкого не соответствует действительности и объясняется, по-видимому, крайне неприязненным отношением Троцкого к Зиновьеву. На самом деле особенно настойчиво предлагал кандидатуру Сталина Каменев (Р. Медведев. Каменев. «ЛГ», 3 мая 1989 года), и в свете давних связей между ними это вполне понятно. Но следует повторить, что назначение Сталина было вполне логичным, а его собственный политический вес достаточно большим, так что в «выдвижении» он не нуждался. В поддержке – другое дело, но только на уровне блока равных. И уж совсем непонятно, откуда пошла гулять версия, будто другим кандидатом на пост Генерального секретаря был упомянутый ранее И.Н. Смирнов. X съезд понизил этого троцкиста в кандидаты в члены ЦК, XI съезд вновь вернул в ЦК, но кто и за какие заслуги мог продвигать в генсеки эту фигуру гораздо более легкой «весовой категории» (в политическом смысле) по сравнению со Сталиным? Такое предположение выглядело бы тогда совершенно фантастическим.

А между тем приближались важные и трагические события. В декабре 1922 года заболел Ленин, и вплотную встал вопрос о преемнике.

Подлинные обстоятельства болезни и смерти Ленина до сих пор покрыты мраком неизвестности. Хронологическая последовательность событий такова.

С 5 ноября по 5 декабря 1922 года в Москве проходил IV Конгресс Коминтерна. К этому периоду относятся последние публичные выступления Ленина – на самом Конгрессе 14 ноября и на пленуме Моссовета 20 ноября. 5 декабря 1922 года Конгресс Коминтерна принял резолюцию о несовместимости членства в коммунистической партии с участием в масонских ложах (интересно отметить, что председатель Коминтерна Зиновьев при голосовании

этой резолюции воздержался). 6 декабря Ленин по требованию врачей уехал в Горки, 12 декабря попытался вернуться к работе, 13 декабря ему предписали полный покой, 16 декабря его разбил паралич.

В последние годы усиленно муссировалась версия об отравлении Ленина Сталиным. Восходит она к Троцкому, который утверждал на страницах своей книги «Сталин (т. II, с.253): «Небольшое число хорошо посвященных людей, и я в том числе, всегда подозревали, что Сталин содействовал ускорению смерти Ленина. Я сейчас а доказать это при помощи ряда косвенных улик и соображений, которые в совокупности своей были бы, пожалуй, достаточны для судебного приговора, не оставляя места сомнению».

Троцкий, как всегда, был излишне уверен в себе и в убедительности своих доказательств. На самом деле они вовсе не так убедительны, зато выстраивается другая цепочка доказательств.

Ленин «заболел» сразу же после принятия Конгрессом Коминтерна антима-сонской резолюции. После этого – не вследствие ли этого? Заболел или его технично «вырубили»? Зная неразборчивость Ленина в средствах, можно предположить, что он разыгрывал и масонскую карту, полагая, что ему удастся перехитрить масонов точно так же, как перехитрил он германский генеральный штаб.

Вспомним еще раз о таинственной поездке Дзержинского в Швейцарию в октябре 1918 года. Какие инструкции были ему тогда даны? Похоже, сохранить Ленина во главе государства, пока он не начнет выходить из-под контроля. В декабре 1922 года Ленин предпринял такую попытку и был сразу же наказан. Лидер диктаторского государства неизбежно попадает в зависимость от своей службы безопасности, если не сумеет создать ей противовеса (но кто охранит от охраняющих? – гласит пословица). Попытка разделаться с масонами стала для Ленина столь же роковой, как в 1953 году для его преемника – попытка повести радикальную борьбу с сионизмом. В обоих случаях служба безопасности быстро показала зарвавшимся вождям, кто настоящий хозяин страны.

Личную охрану Ленина возглавлял Абрам Беленький, но ближайшее отношение к этой охране имел Ягода (Л. Троцкий. Сталин, т. II, с.255), заместитель Дзержинского, родственник и выдвиженец Свердлова. двигатель зловещего тандема Свердлов–Дзержинский давно мертв, но Дзержинский еще жив и именно он возглавляет комиссию по организации похорон Ленина, и под руководством Дзержинского осуществляется мумификация тела вождя в стиле древнего Египта, к которому масоны возводят свою «премудрость», хотя, как утверждают еще более осведомленные люди, «масонские таинства»... безнадежно искаженные и разжиженные версии подлинных мистерий древних времен» (Роберт Темпл. Тайна Сириуса. Н.-Йорк, 1976, с.74). Над саркофагом Ленина воздвигли мавзолей в стиле вавилонского зиккурата. Простые смертные, а тем паче не знакомые с чертовщиной коммунисты до сих пор не понимают, что «почести», которые стали оказываться Ленину после его смерти, на самом деле представляют собой акт масонской мести. Ленин заключен в своего рода посмертную тюрьму, и не зря у входа в мавзолей стоят часовые.

Знал ли Ленин в декабре 1922 года, откуда нанесен постигший его удар? да, знал. Поэтому и написал сразу же свое так называемое «завещание», смысл которого остается сокрытым, хотя все уже выучили этот текст наизусть.

Сразу необходимо оговорить: в последних произведениях Ленина и в «завещании» в том числе нет никаких признаков нарушения умственной деятельности автора. Ленинская логика остается четкой, как всегда, И вдруг: «Октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но... он также мало может быть ставим им в вину лично, как необольшевизм Троцкому». Что это? Откуда такая внутренне противоречивая фраза? Если виляния названной троицы не случайны, значит, они закономерны. Оступившийся раз может оступиться снова и даже обязательно оступится. Значит, нужно предостеречь от этого человека. Но вместо предостережения вдруг: «это нельзя ставить им в вину». Почему? Если это не вина, то зачем об этом говорить? Получается какое-то странное противоречие. Но только на первый взгляд. На самом деле никакого противоречия нет. Перед нами масонский шифр.

Дешифровку придется начать с дальнего разбега. Вскоре после выхода в 1983 году его книги о масонах «Братство» умер совсем молодым в результате навязанной ему совершенно ненужной операции (как Фрунзе) английский журналист Стивен Найт. Еще раньше, в 1976 году, он успел опубликовать другую книгу «Джек Потрошитель». По мотивам этой книги снят фильм «Убийство по приказу», показанный российским телевидением в прошлом году.

«Джек-Потрошитель» давно стал журналистским штампом. На самом деле никакого Джека-Потрошителя не было. Зверские убийства нескольких женщин, совершенные в Лондоне в 1888–1889 годах, не были делом рук неизвестного маньяка, а совершались по приказу лейб-медика Галла в соответствии с масонскими ритуалами с той целью, чтобы скрыть тайную женитьбу наследника престола на католичке, что могло вызвать народное возмущение из-за ненависти англичан к католикам. Скрыть правду об этих убийствах помог тогда комиссар полиции Уоррен, который прочел на месте одного из преступлений надпись: «Джувес – это люди, которым ничто не может быть поставлено в вину». Уоррен, сам будучи масоном, понял, что «Джувес» – это условное обозначение масонов и усердно стал замечать следы. Но один аккуратный полицейский успел скопировать эту надпись, и она сохранилась в архивах, где ее потом и обнаружил С. Найт.

Точно такой же смысл имеет и фраза из ленинского завещания о людях, которым ничто не может быть поставлено в вину. Посвященные должны были сразу понять, кто эти люди.

В 1932 году в Париже Н. Свитков выпустил книгу «Масонство в русской эмиграции». К этой книге был приложен список российских масонов. В этом списке, наряду с примелькавшимися фамилиями, такими как, Гучков, Керенский, Милюков, Терещенко и т.п., мы встречаем и не столь привычные: Бронштейн-Троцкий, Парвус, Пешков-Горький, Радомысльский-Зиновьев, Раковский, Розенфельд-Каменев, Свердлов, Собельсон-Радек, Ульянов-Ленин, Финкельштейн-Литвинов. Как видим, Ленину было к кому обращаться и было

из кого выбирать. Вопрос в том, имел ли Ленин право выбора или это право принадлежало другим лицам, имевшим более высокий масонский ранг. Может быть, по этой причине, провозгласив неприкосновенность еврейско-масонской троицы из Политбюро, Ленин воздержался от конкретной рекомендации и не назвал своего преемника. Во всяком случае документально не зафиксировал свой выбор или соответствующий документ пропал. Указания могли быть даны и устно. Косвенные данные свидетельствуют о том, что кандидатурой Ленина был Зиновьев. О тесной дружбе между ними уже говорилось. И не случайно Зиновьев, несмотря на свою непопулярность в партии, выступал с политическими отчетами ЦК на XII и XIII съездах партии соответственно в 1923 и 1924 годах. В эти годы Зиновьев фактически являлся вождем партии и вокруг его личности спешно создавался культ, причем особенно усердствовал Луначарский, величавший Зиновьева «ближайшим помощником и доверенным лицом Ленина», И тоже не случайно, что, когда Зиновьев и Каменев были оттерты от власти и составили «новую оппозицию», во главе этой оппозиции вместе с ними оказалась вдова Ленина Н.К. Крупская. Но это произошло потом, а в 1923–1924 годах Зиновьев считал своим главным конкурентом Троцкого и прежде всего старался свалить именно его. Пресловутая еврейская солидарность – не более чем миф. Тем, кто слишком верит в нее, рекомендую всегда помнить про эту замечательную пару.

В сознании масс вторым человеком после Ленина был именно Троцкий. И в протоколах пленумов ЦК за 1918–1921 годы порядок перечисления присутствующих обычно был такой: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин. И не один Зиновьев, все, кто был представлен далее в этом списке, видели в Троцком главное препятствие на пути своих честолюбивых устремлений, и это служило объединяющим началом. Бухарин в 1925 году сам признался Троцкому: «У нас нет демократии, потому что мы боимся вас» (Моя жизнь, т. II, с.227). Эта боязнь объединила партийное большинство вокруг того, кого бояться надо было больше.

А Троцкий, как уже говорилось, высокомерно взирал на всю эту возню и ждал, когда власть ему преподнесут на блюде. А. Авторханов в своей книге «Происхождение партократии» смотрит на тогдашнюю ситуацию целиком глазами Троцкого, заимствуя у него версию о «заговоре тройки» (т.е. Зиновьева, Каменева и Сталина) против Ленина. для того, чтобы доказать, что Ленин и Троцкий были на одной стороне, а «тройка» на другой, Троцкий и Авторханов ссылаются на расстановку сил, создавшуюся в 1922–1923 годах во время так называемого грузинского инцидента.

Инцидент этот раскручивался в последние месяцы активной деятельности Ленина и очень осложнял и без того запутанную ситуацию в партийных верхах. Захват Грузии был осуществлен совсем недавно, в 1921 году, причем на немедленном вторжении Красной армии в Грузию настаивал Орджоникидзе при поддержке Сталина, утверждая, что восстание там будто бы назрело (Л. Троцкий. Сталин, т. II, с.49). Троцкий был против, тем не менее акция была осуществлена, причем за восстание грузинского народа против меньшевистского правительства выдали восстание армян в спорном Борчалинском уезде. Оккупированную Грузию стали сразу же насильно запихивать в Закавказскую федерацию, против чего было руководство грузинской компар-

тии, которое выступало за вхождение Грузии в СССР, но в качестве отдельной республики. Орджоникидзе вел себя в Закавказье, как настоящий са-трап, и в знак протеста против его действий ЦК Компартии Грузии в конце октября 1922 года коллективно подал в отставку, заявив, что для Орджоникидзе «травля и интриги – главное орудие против товарищей, не лакействующих перед ним. Стало уже невозможно работать при его держимордовском режиме» («Правда», 12 августа 1988 года). В этой накаленной обстановке Орджоникидзе у себя на квартире ударил А. Кабахидзе, обозвавшего его «сталинским ишаком». Как отмечает Троцкий, Орджоникидзе «был человеком по существу малокультурным и не способным к контролю над собой» (цит. соч., с.196), так что происшедшему удивляться не приходится. для расследования безобразной драки в Грузию выехала комиссия во главе с Дзержинским, который по возвращении, докладывая Ленину 12 декабря, стал оправдывать Орджоникидзе, разволновал Ленина и довел до нового тяжелейшего приступа (чего, собственно, и добивался). И последний документ, который в своей жизни продиктовал Ленин 6 марта 1923 года, был адресован грузинским руководителям Мдивани, Махарадзе и другим и гласил: «Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского». Накануне Ленин отправил резкое письмо Сталину, оскорбившему Крупскую, и одновременно обратился к Троцкому с просьбой «взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии» против Сталина и Дзержинского. Именно на это обстоятельство и ссылался потом Троцкий, изображая себя наиболее близким к Ленину по взглядам человеком, однако он не выполнил поручение Ленина и пальцем о палец не ударил в защиту грузинского дела, оправдывая свое бездействие болезнью – простудой, подхваченной на охоте. Ленин не так берег свое здоровье, и Д. Волкогонов не исключает возможности, что «грузинский инцидент» ускорил роковое течение болезни Ленина (Триумф и трагедия, кн. I, ч. I, с.143). И если потом бывшие грузинские лидеры Б. Мдивани, М. Окуджава, С. Кавтарадзе и другие поддерживали Троцкого, то скорее в пику Сталину, чем в знак признательности, – благодарить Троцкого им было, в общем-то, не за что.

Да и Ленин тоже – что Гекубе он и что ему Гекуба? Почему он так переживал за Грузию? Да не за Грузию он переживал, им двигали сугубо отрицательные эмоции, ненависть к «шовинистической великорусской швали», олицетворением которой были для него Сталин, Дзержинский и Орджоникидзе, инородцы, стремившиеся доказать, что они больше русские, чем сами русские. Сталин лучше Ленина понимал, что «национальная стихия работает на окраинах не в пользу единства советских республик, а формальная независимость способствует этому», Ленин же, воюя с «великорусским шовинизмом», отстаивал именно эту формальную независимость и тем заложил под государство множество мин, которые сегодня взорвались все разом. Сталин в начале 20-х годов и своим грузинам спуска не давал, обвиняя их в шовинизме по отношению к абхазам, осетинам и другим национальным меньшинствам и в стремлении занять привилегированное положение в Закавказье (см. доклад Сталина на XII съезде). Федерация якобы препятствовала этому, но если она была такая хорошая, тогда непонятно, почему ее все же распустили в 1936 году. Не распустили бы, глядишь, сегодня и Карабахского конфликта не было бы. Но мы отвлеклись.

После отключения Ленина в Политбюро начали, наконец, понемногу проникать люди, русские хотя бы по фамилиям. В 1923 году в него вошли Рыков и Томский.

Алексей Иванович Рыков родился в 1881 году в крестьянской семье, начинал свою деятельность в Саратове. В ЦК впервые вошел еще на II съезде партии в 1903 году. Несколько подпортил свою карьеру в конце 1917 года излишним либерализмом, но потом руководил снабжением Красной Армии, возглавлял ВСНХ и стал заместителем Ленина в Совнаркоме. Как уже говорилось, главным претендентом на место председателя Совнаркома после смерти Ленина был Каменев, но Сталин счел неудобным, чтобы это место занимал еврей, и поддержал Рыкова, М. Якубович считает этот выбор пагубным, потому что «самолюбие толкнуло Рыкова на путь интриг против Каменева... и сделало Рыкова орудием Сталина в его борьбе за полное отстранение Каменева от правительственной деятельности» (Р. Медведев. Каменев. «Литературная газета», 3 мая 1989 года).

Согласно характеристике Д. Волкогонова, Рыков был исключительно прямой, откровенный человек и обычно говорил в лицо то, что думал (Д. Волкогонов, цит. соч., с.125), из-за чего у него не раз бывали конфликты с ближайшими сотрудниками. Слабостью Рыкова была его приверженность к зеленому змию, столь сильная, что руководителя Советского государства даже посылали в Германию лечиться от пьянства (Н. Берберова. Курсив мой. Нью-Йорк, 1983, т. I, с. 207).

Женат Рыков был на Нине Семеновне Маршак, тетке драматурга М. Шатрова, до того бывшей замужем за Иосифом Ароновичем Пятницким (Тарсисом), впоследствии деятелем Коминтерна.

Михаил Павлович Томский (Ефремов) родился в 1880 году и происходил из питерских пролетариев. Томский возглавлял ВЦСПС и всегда ратовал за независимость профсоюзов, не боясь бросать вызов самому Ленину. Когда наступил заключительный этап расправы с оппозицией, Томский не захотел, чтобы из него сделали кающуюся марионетку, и застрелился 22 августа 1936 года во время первого большого процесса. Рыков завидовал решимости Томского, но последовать его примеру не нашел сил.

В 1924 году членом Политбюро стал Николай Иванович Бухарин. Русский? Но можно ли считать русским человека, который откровенно хвастался тем, что на Россию ему наплевать? (см. его письмо, опубликованное в журнале «Наш современник» в Г 8 за 1990 год). Можно ли считать русским человека, который опубликовал в «Правде» 12 января 1927 года омерзительную и злобную даже по названию статью о Есенине? В отношении к последнему Бухарину не грех было бы поучиться у еврея Троцкого, писавшего о русском поэте с проникновенным лиризмом.

В конце 80-х годов у нас вдруг стали делать из Бухарина политическую фигуру необыкновенной величины (правда, потом эту игру быстро бросили и занялись другим делами, процесс пошел дальше). «Огонек» в 45 за 1988 год поместил отрывок из биографии Бухарина, написанной американским историком Стивеном Коэном, под названием «дуумвират: Бухарин и Сталин».

С. Коэн утверждает, будто нашей страной во второй половине 20-х годов правили именно эти два человека. Это утверждение просто смехотворно. Не только впереди Сталина, но даже рядом со Сталиным Бухарина ставить нельзя. Эти фигуры несопоставимы.

Бухарин сам говорил о себе, что он только теоретик и самый никудышный организатор во всей партии. Однако и в теории Бухарин был большим путаником. Как отмечал Ленин в своем завещании, теоретические воззрения Бухарина «очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)», Но лучше всех характер Бухарина понял и описал Троцкий: «Свойство этого человека таково, что он всегда должен опираться на кого-либо, состоять при ком-либо, прилипнуть к кому-либо. В такие периоды Бухарин является просто медиумом, через который говорит и действует кто-то другой. Но надо не спускать с медиума глаз, иначе он незаметно для себя подпадет под прямо противоположное влияние., и начнет поносить своего идола с той же беззаветной восторженностью, с какой только что превозносил. Я никогда не брал Бухарина слишком всерьез и предоставлял его самому себе, а это значит – другим. Бухарин стал после смерти Ленина медиумом Зиновьева, затем Сталина» (Моя жизнь, т. I, с.311).

В. Астров, сам входивший в окружение Бухарина, описывает в своей автобиографической книге «Круча» впечатления от первой встречи со Сталиным. Впечатления эти выражены в словах «Бухарин перед ним просто мальчик».

Живые свидетельства тех лет лучше помогут нам разобраться, кто какую роль играл, чем измышления американского профессора, рожденные в тиши библиотек бездарной от своего благополучия страны.

КОНЕЦ «ЛЕВОЙ» ОППОЗИЦИИ

Интересные личности появились в 1924 году и среди кандидатов в члены Политбюро. В кои-то веки дослужился до этого ранга Дзержинский. Почему-то от общего внимания ускользает тот факт, что Ленин, охотно пользуясь услугами Дзержинского для грязных дел, и близко не подпускал его к Политбюро, но Троцкий специально подчеркивает это обстоятельство в своей книге о Сталине (т. II, с.197) и рассказывает, как Дзержинский жаловался ему, что Ленин не считает его политической фигурой. Под влиянием этой обиды, утверждает Троцкий, Дзержинский и взял сторону Сталина, с которым они вместе ездили в Вятку в 1919 году. В 1921 году Сталин ввел Дзержинского в свое Оргбюро, хотя Дзержинский, по словам Троцкого, «не был организатором в широком смысле слова». Однако обида Дзержинского как-то не вяжется с характеристикой, данной Троцким этому деятелю ранее, в 1930 году, в «Моей жизни», а там говорится (т. II, с.225,226), что Дзержинский и «сам не считал себя политиком», «Политически Дзержинский всегда нуждался в чьем-нибудь непосредственном руководстве. В течение долгих лет он шел за Розой Люксембург», Здесь Троцкий совсем уж низводит Дзержинского на роль товарища Копенкина из «Чевенгура» с его зашитым в шапке портретом. Следуя за Розой, как за лидером, Дзержинский знал о ней, похоже, не боль-

ше Копенкина, Сама себя Р. Люксембург оценивала не очень высоко и признавалась в минуты откровенности: «Я только по недоразумению верчусь в водовороте мировой истории, в действительности же рождена для того, чтобы пасти гусей» (цит. соч., т. I, с.232).

Что за гусь Дзержинский, Ленин, надо думать, знал лучше других. В этой связи вспоминается одно таинственное место из воспоминаний Горького о Ленине. В них говорится, что отзыв Ленина о Троцком «с нами, а не наш» был повторен по отношению к еще одному человеку, тоже очень крупному, умершему вскоре после Ленина. Фигура умолчания наводит на мысль о том, что эти слова относились к какой-то канонизированной фигуре, назвать которую прямо было и невозможно, и небезопасно. Вскоре после Ленина умерли Ногин (1924), Фрунзе (1925), Красин (1926) и Дзержинский (1926). Больше всего указаний на то, что речь в данном случае шла именно о Дзержинском.

Мать «железного Феликса» была яркой польской националисткой и католичкой и в соответствующем духе воспитала своего сына (см. А. Хацкевич. Солдат великих боев. Минск, 1965, с.7). Дзержинский, таким образом, вырос в атмосфере русофобии, в семье, где испытывали отвращение даже к русскому языку, и этим объясняются не только неправильности выговора шефа ВЧК, но и многое в его поведении в те годы, когда Россия была отдана ему на разрезание.

Отказавшись от своей первоначальной мечты стать ксендзом, Дзержинский «пошел другим путем» в поиске способа, как лучше отомстить ненавистной России, и примкнул к социал-демократической партии Польши и Литвы. В руководстве этой оригинальной партии, надо сказать, не было ни одного поляка и ни одного литовца, – сплошь евреи. Дзержинский целиком поддерживал линию этого руководства (куда входила и его любимая Роза), возмущался интригами ленинцев, взявших в 1912 году курс на создание обособленной большевистской партии, и в 1917 году продолжал, по примеру той же Розы, отрицать право наций на самоопределение.

Мы уже упоминали о том, с какой яростью Дзержинский выступал против Брестского мира. Он кричал тогда, что Ленин предает революцию, как Зиновьев и Каменев в Октябре, только делает это более технично. В свете подобных высказываний понятно и двусмысленное поведение Дзержинского во время левоэсеровского мятежа 6 июля 1918 года – ведь левые эсеры как раз хотели сорвать ненавистный ему Брестский мир. Официальные советские биографы с придыханием описывали потом «героизм Дзержинского, отважно явившегося в логово врага в поисках убийцы германского посла Мирбаха чекиста Блюмкина. На самом деле никакой отваги не было: напросившись на заведомо безопасный для себя плен, Дзержинский тем самым ловко избавил себя от необходимости принимать какие-то реальные действенные меры против симпатичных ему мятежников. И хочется еще раз обратить внимание на сходство почерка: форосский вариант 1991 года был разыгран по московскому шаблону 1918 года.

Во время профсоюзной дискуссии Дзержинский опять оказывается не на стороне Ленина, а грузинским конфликтом окончательно вгоняет любимого во-

жда в роб, после чего, руководствуясь полученными в октябре 1918 года в Швейцарии инструкциями, оформляет этот фоб согласно предписанным ритуалам. Что дальше?

А дальше Дзержинского начали противопоставлять уже Сталину. Есть сведения, что накануне XIV съезда партии, состоявшегося в декабре 1925 года, на квартире члена ЦК, председателя ЦИК Украины Г.И. Петровского, было проведено полулегальное совещание группы членов ЦК, на котором говорилось о необходимости смещения Сталина с поста генсека и взамен выдвигалась именно кандидатура Дзержинского. Однако Орджоникидзе выступил против такого шага, заявив, что он был бы расценен, как уступка Троцкому. (Р. Медведев. К суду истории, с.119). Это была по сути дела репетиция заговора 34 года, только с Дзержинским вместо Кирова. Однако первый кандидат прожил после этой заявки еще меньше, чем второй, немногим более полугода: в июле 1926 года Дзержинский скоропостижно скончался.

Кто же все-таки, по замыслу закулисных дирижеров, должен был возглавить нашу страну? Троцкий? Зиновьев? Дзержинский? Больше всего будоражил партию и беспокоил Сталина, конечно, Троцкий. Приходилось слыть такое мнение, что Троцкий не мог быть масоном, ибо обладал слишком яркой индивидуальностью, чтобы ходить у кого-то на поводке. О принадлежности Троцкого к масонству теперь доподлинно известно, но насчет индивидуальности тоже верно, это качество и привело к тому, что Троцкий ослушался приказа, а за ослушание у масонов известно что бывает. Первое место Троцкому не предназначалось, но он продолжал на него претендовать, чем испортил игру своим хозяевам. Зато очень хорошо подыграл Сталину.

Осенью 1924 года Троцкий выпустил свои знаменитые «Уроки Октября» с такой трактовкой событий 1917 года, по которой получалось, что Ленин чуть ли не насильно, на аркане тянул партию к Октябрьскому восстанию. Но главной целью Троцкого было скомпрометировать своих конкурентов в партийном руководстве, прежде всего Зиновьева и Каменева, октябрьскую ошибку которых он широко использовал, хотя его предупреждали, что это «не может быть поставлено им в вину».

Троцкий был немедленно наказан снятием с поста Предреввоенсовета, то есть потерял главный рычаг, которым мог бы воспользоваться в борьбе за власть, – армию. Зиновьев и Каменев, разъяренные нападками Троцкого лично на них, потребовали немедленно исключить Троцкого и из Политбюро, но Сталин сделал ловкий ход, стал изображать либерала и неожиданно выступил в защиту Троцкого, заявив: «Политика отсечения – не наша политика». Тонкий замысел состоял в том, чтобы оставить Троцкого в качестве красной тряпки и довести этим Зиновьева и Каменева до утраты равновесия, до совершения опрометчивых шагов. И цель была достигнута. Зиновьев через своих людей, в частности через Куклина, попытался поднять против ЦК партии ЦК комсомола, который тоже потребовал исключения Троцкого из Политбюро. Результат получился обратный – из самого ЦК комсомола вылетели 15 человек.

После этого Зиновьев и Каменев перенесли свой гнев на Бухарина, которого начали обвинять в кулацком уклоне. Н. Попов в своей «Истории ВКП(б)»,

написанной 1926 году, критиковал тогда Зиновьева и Каменева за то что, следуя их предложениям, партии оставалось только брать курс на раскулачивание, что вопиющим образом расходилось с постановлениями XIV партконференции подразумевало полный поворот партийной политики деревне на 180 градусов. Бедный Попов не подозревал, что всего через несколько лет Сталин совершит такой поворот и, избавившись от Зиновьева, будет проводить зиновьевскую политику и бить зиновьевскими тезисами Бухарина.

Пока же, в конце 1925 года Зиновьев и Каменев возглавили так называемую новую оппозицию вместе с Крупской и избранным в 1924 году кандидатом в член Политбюро Сокольниковым (Бриллиантом), доктором политэкономии, получившим образование в Париже.

В 1918 году Сокольников, заменив оконфузившегося Троцкого, подписал Брестский мир, потом курам на смех пытался изображать полководца, командовал армиями, был председателем Туркестанской комиссии ВЦИК и организатором советской власти в Бухаре. В рассматриваемый период Сокольников занимал пост наркомфина и именно у него предписывалось проведение денежной реформы, хотя Бухарин, приятель Сокольникова с гимназических времен, ехидно острил в уже упоминавшемся письме («Наш современник», 1990, №8), что Сокольников помер месте с Кутлером, то есть что подлинным наркомом финансов, на мозгах которого паразитировал Сокольников, был умерший в 1924 году кадет-экономист Н.Н. Кутлер.

Остается открытым вопрос, поддерживал ли оппозицию М.В. Фрунзе, тоже ставший кандидатом Политбюро 1924 году, а в 1925 году поставленный вместо Троцкого главе РВС. По оценке Троцкого, разумеется, предвзятой, Фрунзе «как военный администратор был несравненно слабее Складанского. Его увлекали абстрактные схемы, он плохо разбирался в людях и легко подпадал под влияние специалистов, преимущественно второстепенных» (Моя жизнь, т. II, с.254), Важнее другое сообщение Троцкого: «Зиновьев и Каменев уверяли меня впоследствии, что Фрунзе был настроен в их пользу против Сталина (Сталин, т. II, с.258). Кроме того, известно, что еще летом 1923 года на совещании, проведенном неофициально в пещере близ Кисловодска, в котором приняли участие Зиновьев, Г. Евдокимов, Лашевич, Фрунзе, Орджоникидзе и ряд других членов ЦК, было выражено опасение по поводу усиления руководимых Сталиным секретариата и Оргбюро и для уравнивания сил в Оргбюро ввели Зиновьева, Троцкого и Бухарина (Д. Шелестов. Г. Зиновьев: жизнь и борьба. «Неделя», 1988, №29). С «новой оппозицией» Фрунзе мог быть связан через Сокольникова, с которым вместе Экспортировал революцию в Туркестан в 1920 году.

Фрунзе умер 31 октября 1925 года во время операции, как было объявлено официально, запущенного аппендицита. Сразу же поползли темные слухи. Поговаривали, будто Фрунзе лег на совершенно не нужную операцию исключительно по настоянию Сталина, сам того желая, и обстоятельства его смерти крайне подозрительны. На основании этих слухов Борис Пильняк (Воган) написал свою «Повесть непогашенной луны», где под другими именами были выведены легко угадываемые лица. В 30-х годах эта повесть стоила Пильняку жизни.

Фишмен и Хуттон в грязной, сплетнической книжке «Личная жизнь И. Сталина» (Мюнхен, 1967), совершенно безграмотной и недостоверной, пытаются изобразить дело так, будто Фрунзе готовил военный переворот, назначил своих людей командующими военными округами», и упоминают всуе МВО, которым в 1924–1925 годах командовал Ворошилов. Эти авторы механически переносят на 20-е годы обстановку 30-х годов, которая обуславливала возникновение заговора Тухачевского, но в 1925 году оппозиция еще сохраняла надежду на политическую победу и у ней не было необходимости прибегать крайним средствам.

Когда заходит речь о том, какую позицию на самом деле занимал Фрунзе, и считать ли его смерть естественной или нет, нужно еще учитывать, что самым близким Фрунзе человеком был Куйбышев. Их сотрудничество началось в январе 1919 года, когда они вместе встали во главе 4-й армии. Как говорится в официальной биографии Куйбышева (М., 1968, с.102,103), они «быстро только сработались, но и крепко подружились», «понимали друг друга с полуслова», причем «горячий, темпераментный Фрунзе и внешне обычно спокойный, уравновешенный Куйбышев прекрасно дополняли друг друга».

Когда в 1923 году по инициативе Ленина, который пытался создать какой-то организационный противовес Политбюро, было проведено объединение ЦКК и РКИ, возглавить новую структуру поручили Куйбышеву, который таким образом стал обладателем независимых рычагов власти, однако он не воспользовался ими после смерти Фрунзе, а послушно, хоть и без особой охоты, последовал за Сталиным. Почему же Куйбышев не отомстил за своего друга, если того действительно убили, почему не организовал хотя бы расследование под предлогом опровержения враждебных слухов? Возможны два объяснения: либо Фрунзе не убивали, либо Куйбышеву чем-то заткнули рот. Чем? В статье В. Гениса «Бутафорская революция в Туркестане» («Независимая газета», 1 января 1992) рассказывается о том диком грабеже, который Красная армия учинила в захваченной Бухаре, и содержится намек, что и Фрунзе, возможно, поживился этом деле. Так может, не только Фрунзе, но и его друг Куйбышев? А Сталин такие вещи любил знать и умел использовать.

На XIV съезде партии в декабре 1925 года с отчетным докладом выступил уже не Зиновьев, а Сталин.

Партия снова обрела настоящего вождя. Зиновьев же сыграл роль всего лишь переходной фигуры, как Маленков в 1953–1954 годах.

Оппозиция после съезда ослабла. Каменева понизили в кандидаты в члены Политбюро, а Сокольникова вывели из кандидатов. Политбюро начинает понемногу заполняться людьми, чьи портреты потом будут десятилетиями вешиваться по праздникам на официальных зданиях. Его членами становятся Калинин, Молотов и Ворошилов, назначенный на место Фрунзе.

Считать их просто ставленниками Сталина неверно. Калинина, как мы помним, рекомендовал в председатели ВЦИК Ленин, хотя Троцкий приписывал эту инициативу себе. К Сталину Калинин относился с опаской и предупреждал: «Этот конь завезет когда-нибудь нашу телегу в канаву». Но Калинин,

как пишет Троцкий, быстро понял, что силой становятся не массы, а бюрократия и что бюрократия – против «перманентной революции», за «счастливую жизнь», за Сталина. Поняв это, Калинин выработал особый стиль хитрого простака, перестал робеть перед профессионалами, артистами и, особенно, артистками (Л. Троцкий. Сталин, т. II, с.208, 209), так что когда Сталин за поношения в свой адрес приказал арестовать жену Калинина Екатерину Ивановну Лорберг, всесоюзному старосте» было не так тяжело.

Молотов (Скрябин) в 1912 году работал секретарем редакции «Правда», а в период Февральской революции был членом Российского бюро ЦК, то есть давно уже играл видную роль. Секретарем ЦК Молотов стал в 1921 году, то есть даже раньше Сталина. Если Калинин стушевался перед Сталиным по слабохарактерности, то Молотовым двигал голый расчет. Черчилль в своих мемуарах с содроганием пишет о нем, что это был не человек, а живой компьютер, начисто лишенный эмоций. Лишь один раз Черчиллю удалось увидеть в лице Молотова что-то человеческое, когда тому предстоял полет через линию фронта.

Ворошилова в партии тоже знали с давних пор, он присутствовал в качестве делегата на IV съезде партии в 1906 году. Троцкому не нравилось, что Ворошилов не интернационалист, а только «национальный революционный демократ из рабочих», «сторонник сталинского национал-социализма», и он объяснял это тем, что «хотя Ворошилов из луганских рабочих, из более привилегированной верхушки, но по всем своим повадкам и вкусам он всегда гораздо больше напоминал хозяйчика, чем пролетария» (Моя жизнь, т. II, с.172–173).

Ворошилов звезд с неба не хватал и так до старости лет и остался «партийным мальчиком», нуждающимся в руководителе. Он очень любил позировать для фотографий и портретов, слушать оперу и петь (таким он изображен в воспоминаниях Хрущева). Говорить о нем как о полководце, разумеется, смешно. Проверки настоящей войной он не выдержал.

Оттираемый от власти Зиновьев бросился в объятия своего вчерашнего злейшего врага Троцкого и заключил с ним союз, но было уже поздно. Проигравших вождей валили одного за другим. Июльский пленум 1926 года, во время которого скоропостижно скончался Дзержинский, исключил Зиновьева из Политбюро. Одновременно с позором прогнали из ЦК заместителя председателя РВС М. Лашевича, устроившего в лесу нелегальное собрание. Этого Лашевича Троцкий знал еще по Одессе, где то учился в одесском ремесленном училище «Труд» и потому носил кличку «Миша Трудник», а Ленин в 1919 год одно время даже носился с мыслью назначить Лашевича главкомом.

Октябрьский пленум 1926 года вывел Троцкого и числа членов, а Каменева – из кандидатов в члены Политбюро. Тогда и пошла гулять пущенная Радеком «хохма»: Чем отличается Сталин от Моисея? Моисей ныне евреев из Египта, а Сталин – из Политбюро.

Сталин, конечно, счел нужным пояснить: «Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры. Троцкий счел такое заявление двусмысленным: оно вроде было направлено против «эксцессов» антисемитизма и в то же время совершенно

преднамеренно питало его. «Не забывайте, что вожди оппозиции – евреи», – такой был смысл заявления Сталина в трактовке Троцкого (Сталин, т. II, с.171).

Так называемую «левую оппозицию» 20-х годов полным правом можно назвать еврейской. Не случайно больше всего сторонников она набрала в вузах, где процент евреев тогда был огромен. Во время дискуссии 1923 года оппозиция собрала большинство только в вузах, где за нее голосовало 40 ячеек (6594 человека) против 32 за ЦК (2790 человек). Для еврейского образа мышления космополитические лозунги мировой революции были привлекательней, чем идея строительства социализма в одной стране (тем более в России).

В день десятилетия Октябрьской революции оппозиция попыталась поднять массы, но подняла лишь хилое еврейское студенчество. Захватить власть с такой «армией» было, конечно, невозможно. Многие тогда лишились партийных билетов, в том числе бывшие члены Политбюро Троцкий, Зиновьев и Каменев, бывшие секретари ЦК Серебряков и Преображенский, бывшие члены ЦК Смилга, Радек, Раковский, И. Смирнов, Пятаков, Лашевич, Г. Евдокимов, Залуцкий, а также многие другие, среди которых пестрят фамилии типа Аусем, Ваганян, Вардин, Гессен, Гордон, Гертик, Гуральский, Дробнис, Зорин, Касперский, Командир, Ленин, Лелозол, Лилина, Лидзинь, Натансон, Петерсон, Паульсон, Рейнгольд, Равич, Роцкан, Рафаил, Тартаковская, Шрайгер, Слизовкер, Устимчик и т.д., и т.п. 1926–1927 годы – период первой основательной чистки инородных элементов в верхах.

ВТОРАЯ ВОЛНА

А между тем неумолимо приближались самые страшные для нашей страны (если не считать военных г) времена. Я имею в виду не пресловутый 1937 год, а 1930-й и непосредственно следующие за ним.

Выступая в мае 1992 года в программе «Караул при истине» Р. Хасбулатов уверял телезрителей, будто в 20-х годах сельское хозяйство нашей страны успешно развивалось и было подрублено на корню коммунистами исключительно по политическим соображениям. Подобное утверждение свидетельствует лишь о том, что Р. Хасбулатов, будучи специалистом по экономике Канады, историю отечественной экономики представляет себе весьма превратно. Винит КПСС в трудностях хлебозаготовок во второй половине 20-х годов и экономист Н. Тепцов в статье «Великий перелом» («Ветеран», 1988, №50), считая главной причиной этих трудностей непомерно большой вывоз хлеба за границу с целью получения средств для индустриализации. Но коренной просчет был допущен коммунистами не тогда, а в первый же год революции, которая съела все плоды столыпинской реформы. Маркс когда-то изрек: «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция». Так и получилось. Если накануне а 1917 года на 7,4 млн. общинных хозяйств приходилось 8 млн. частных, то в 1927 году снова абсолютно возобладал общинные хозяйства – 95,5% (М. Левин. Русское крестьянство и советская власть, с.85). Наши славянофилы могут по этому поводу прослезиться от счастья, но в стране от этого плакать пришлось по-настоящему. Полученные

крестьянами после революции дополнительные 104 млн. га не пошли на пользу ни им, ни России. Если в 1913 году был собран урожай 81,6 млн. т., то после революции ближе всего к этой цифре удалось подойти лишь в 1925–1926 гг. – 76,6 млн. т., а потом показатели снова покатились под гору: 1926–27 гг. – 73,1 млн. т., 1928–29 гг. – 71,7 млн. Производство зерна на душу населения сократилось с 584 кг в 1914 г. до 484 кг в 1928–29 гг. Особенно резко уменьшилась товарность: если до войны на рынок поступало 1300 млн. пудов – 26% продукции, то в 1927–28 гг. – 630 млн. пудов – 13,3%. Если до войны Россия экспортировала 11,4 млн. т. зерна в год, то в 1928 году экспорт зерна фактически прекратился. В январе 1926 года заготовки составили 428 млн. пудов при необходимом минимуме 500 млн. пудов, а в декабре 1927 года – всего 300 млн. пудов, и в стране создалась катастрофическая ситуация (все статистические данные взяты из той же изданной в США книги М. Левина).

Наши беды часто относят за счет коллективизации, однако кризис нашего сельского хозяйства имел гораздо более глубокие корни. Столыпин указал путь выхода из этого кризиса, и сельское хозяйство России поднялось в результате проведенной им реформы на небывалую высоту, а после революции снова вернулось к допотопному уровню, и коммунисты столкнулись с таким же кризисом, как и царское правительство в конце прошлого века. С мелких клочков взять было нечего, а постоянно прижимаемые так называемые кулаки в пик режима стали прижимать хлеб. В результате вся система была потрясена до основания.

Пришлось вводить карточки. В городах начались волнения. Закупили в 1928 году, поразив весь мир, 250 тысяч т. зерна за рубежом. Руководство замечалось. Вожди, включая самого Сталина, разъехались по стране в писках хлеба. Кстати, тот случай, о котором Сталин рассказал в речи «О правом уклоне в ВКП(б)» в апреле 1929 года, произошел не с безвестным агитатором, а с самим Сталиным. Это он в ответ на призыв сдать хлеб снабжения страны услышал от какого-то крестьянина: «А ты попляши, парень, тогда я тебе дам пуда два хлеба».

Кое-что удалось наскрести чрезвычайными мерами, но они принесли лишь временное облегчение, постоянно править подобным образом было невозможно. Требовалось кардинальное решение проблемы, и оно померещилось в коллективизации, которая вовсе не была заранее Запланированной Мерой: партия ухватилась за нее, как Утопающий за соломинку, в лихорадочных поисках выхода из кризиса и ничтоже сумняшеся принялась рьяно проводить в жизнь идеи только что разгромленной зиновьевской Оппозиции. Начался второй этап «свердловщины». Этот поворот радостно встретил Троцкий и призвал своих сторонников поддержать Сталина, дабы на смену ему не пришла военная диктатура... Ворошилова и Буденного (!). Троцкий в это время явно уже жил в каком-то нереальном мире и перестал что бы то ни было понимать в действительном раскладе сил.

Против новой политики выступили члены Политбюро Бухарин, Рыков и Томский, а также кандидат в члены Политбюро Н.А. Угланов, который с 1924 года возглавлял московскую парторганизацию, сменив на этом посту Исаака Зеленского. Рыков и Угланов сами были из крестьян, поэтому неудивительно,

что беды крестьян вызывали у них большее сочувствие, чем у других, однако следует отметить, что установки так называемой «правой оппозиции» имели один очень существенный изъян с точки зрения национальных интересов. Правые требовали снижения темпов индустриализации и большего развития легкой промышленности за счет тяжелой. Если исходить из непосредственных нужд народа в тот период, эти требования были совершенно справедливыми, но в дальней перспективе – опасными для государства ввиду угрозы самому его существованию. Ленин это понимал и предупреждал: без тяжелой промышленности «мы вообще погибнем, как самостоятельная страна... Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство – я уже не говорю, как социалистическое, – погибли». Сталин продолжал ту же линию и подчеркнул в речи «О заданиях хозяйственников» 4 февраля 1931 года: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». И смяли бы в 1941 году, если бы «правый уклон» возобладал.

Главные удары по правой оппозиции были нанесены в 1929 году, когда Бухарина вывели из Политбюро, Угланова из кандидатов, а Томский потерял свой пост в профсоюзах. В итоге из «правых» в Политбюро остался один Рыков, да и то лишь до декабря 1930 года, когда председателем Совнаркома стал Молотов.

Разгром правой группировки, русской по национальному составу, вновь усилил позиции инородческих элементов. Вторая волна инородческого засилья захлестнула Россию и совпала по времени с коллективизацией, определив способы, какими последняя проводилась.

Здесь следует сделать отступление и подчеркнуть, что нужно четко различать по времени именно две волны. Большую путаницу в этом отношении внесли книги А. Дикого «Евреи в России и СССР» (Н.-Йорк, 1967) и «Русско-еврейский диалог» (Н.-Йорк, 1970). А. Дикий объединяет эти волны, в результате чего создается впечатление, будто Троцкий возглавлял армию, Гамарник – политуправление армии, а Ягода НКВД одновременно, тогда как Троцкий был снят со своего поста в 1925 году, а Ягода и Гамарник достигли вершины влияния лишь к 30-м годам. Допускает А. Дикий и много фактических ошибок. Например, Зиновьев никогда не был наркомом внутренних дел. Но особенно фантастичен приводимый А. Диким список «членов ЦК во второй половине 30-х годов», который многие наши авторы механически переписывают, как двоечники, снова и снова тиражируя одни и те же ошибки. В этом списке перемешаны кандидаты и члены ЦК, причем в члены ЦК затесались кандидаты Уншлихт, Булин и Калманович, а также Бейка, Цифринович и Трахтер, которые вообще не были ни членами, ни кандидатами, равно как и Битнер, Каннер и Крицман. Из 71 члена ЦК А. Дикий почему-то перечислил лишь 34, умудрившись опустить все Политбюро, кроме Сталина и Кагановича. Такой метод одностороннего показа может работать только на неосведомленную публику, а фактические ошибки, допускаемые А. Диким, могут быть использованы для того, чтобы поставить под сомнение ценность его работы в целом. Так, например, настоящая фамилия Володарского не Коген, а Гольдштейн, Пятницкого – не Блюмберг, а Тарсис. Фамилия «Радомысльский» приписывается Зиновьеву, а не Урицкому и т.д. Как после этого при-

нимать на веру утверждение А. Дикого, будто Кабаков на самом деле Розенфельд, Любимов – Козлевский, а Чудов – Асков? А. Дикий настолько запутался в евреях, что одни и те же люди фигурируют у него то как евреи, то как неевреи – такая история случилась с Зеленским и Серебровским. В результате на А. Дикого просто опасно ссылаться, когда приводимые им сведения нельзя проверить по другим источникам. Но мы отвлеклись – вернемся снова в «год великого перелома».

Кто у нас тогда занимался сельским хозяйством? Во-первых, А.И. Микоян, на котором, как на наркоме торговли и продовольствия, лежала ответственность за заготовки. Он первым принял на себя удар в 1928 году. Но через год, к началу коллективизации главную роль играл уже не он, а два других ответственных работника. Первый из них, латыш Карл Бауман (к Н.Э. Бауману никакого Отношения не имеет), прибрал к своим рукам в 1929 году все должности опального Угланова – стал секретарем ЦК и МК и кандидатом в члены Политбюро. Бауман выполнял роль главного партийного надзирателя, а непосредственным исполнителем стал назначенный в 1929 году наркомземом СССР Яков Аркадьевич Яковлев (Эпштейн).

Журнал «Коммунист» №17 за 1988 год разразился статьей «Старые мифы – новые страхи», направленной против тех, кто относит насильственные способы коллективизации на счет «зарвавшихся инородцев». «Коммунист» объявил эту версию бездоказательной, основанной на «незнании», хотя в действительности сам этот журнал не утруждал себя доказательствами и явно не был обременен грузом знаний.

Р. Медведев в статье «Сталин и Каганович» («Московские новости», 1988, №52) предпринял попытку затушевать роль Я. Яковлева. Он писал: «Я не хочу отрицать ответственность Яковлева за перегибы коллективизации. Но Яковлев имел столь же мало влияния на внутреннюю политику Сталина, как и все быстро меняющиеся наркомы и министры сельского хозяйства при Сталине, Хрущеве и Брежнев».

Вот так, одним изящным мановением руки, Р. Медведев затолкнул Яковлева в безликую толпу бенедиктовых и мацкевичей. Так обычно действуют хулиганы, когда вырывают своего приятеля из рук милиции. Но из пятнадцати не перечисленных Р. Медведевым наркомов и министров именно Яковлев сыграл самую гнусную роль.

Я. Яковлев (Эпштейн) – интеллигент, сын мелкого служащего. Работал в агитпропе, был зав. отделом печати ЦК, редактировал «Бедноту» и «Крестьянскую газету», т.е. все время подвизался на пропагандистском поприще, и вдруг этого человека, который подобно одному персонажу поэмы «Кому на Руси жить хорошо» вряд ли мог отличить ржаной колос от ячменного, назначают наркомземом. Мало того: ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б) ставит его во главе специальной комиссии по коллективизации. Это как раз время «великого перелома» станового хребта России, в чем, как видим, самое активное участие принимал Яковлев, которого теперь пытаются представить всего лишь мелкой сошкой.

В одной компании с Бауманом, Яковлевым и Микояном работал также руководитель колхозного центра Г. Каминский, который выступал за форсиро-

ванные темпы коллективизации и рассылал директивы, которые теперь мягко и стыдливо именуют «непродуманными». Совхозами ведал тогда М. Калманович, а во главе укрупненных областей стояли Хатаевич (Средняя Волга), Варейкис (Черноземный центр), Эйхе (Западная Сибирь), Андреев (Северный Кавказ), Шеболдаев (Нижняя Волга). Однако из всех «героев» коллективизации пережили 30-е годы только Микоян и Андреев.

Те кошмарные методы, какими осуществлялась коллективизация, и начало осуждению которых было положено статьей Сталина «Головокружение от успехов» 2 марта 1930 года, становятся совершенно понятными когда видишь, кто этим занимался. Повторилось все то, что осуждал Ленин в 1919 году: удары, предназначавшиеся кулаку, сплошь и рядом попадали по середняку. И причина была та же, что и тогда: наплыв на высшие посты евреев с их специфическим отношением к крестьянству и скрытой или явной русофобией и прочих инородцев со сходными комплексами.

Авторам журнала «Коммунист» которые считают злокозненных инородцев всего лишь плодом фантазии сеятелей «мифов и страхов», следовало бы перечитать хотя бы стенограммы XVI съезда ВКП(б). На этом съезде К. Бауман каялся, что он и подчиненные ему парторганизации Московской области «увлеклись быстрыми, непосильными для нас темпами коллективизации. Это на практике привело к большому количеству административных перегибов и головотяпств».

И. Варейкис сам не каялся, зато его призвал к покаянию С. Сырцов: «Варейкису надо было признать свои ошибки. В Центрально-Черноземной области перегибы и извращения допущены были в большей мере, чем в других областях. Там было достаточно сделано антисередняцких ошибок».

Для справки: В ЦЧО, которую возглавлял Варейкис, процент коллективизации подскочил с 5,9 на 1 октября 1929 года до 81,8 к 1 марта 1930 года. В Московской области Бауман за тот же период взвинтил показатели с 3,3 до 73% (История СССР. Эпоха социализма, М., 1957, с.338).

Авторы статьи «Партбилет № 0000030» («Ленинское Знамя», 7 мая 1989) пытаются как-то оправдать К. Баумана, доказать, что он действовал под давлением сверху. Но ведь он и сам давил. В той же статье цитируется его диалог с секретарем Подольского райкома Козьминым. Козьмин: «Нам дали контрольную цифру... от 250 до 300 человек. Сейчас арестовано 150». Бауман: «Мы вам дали до 250». Козьмин: «Но мы еще доберем, товарищ Бауман».

Пройдет совсем немного времени – и доберут самого Баумана, А пока что его только перевели из Москвы в Среднюю Азию. Г. Каминского с сельского хозяйства перебросили на здравоохранение. Во многих областях поснимали местных советских и партийных работников, многих даже судили. Но Яковлев сохранил свой пост.

Вторая волна захлестывала страну. Литвинов (Финкельштейн) заменил Чичерина на посту наркоминдела, а Гамарник Бубнова в главном политуправлении армии. ГПУ все больше прибирал к рукам Ягода, фактически вершивший

все дела за наркомана Менжинского. Но самую главную роль играл Л.М. Каганович, который вернулся в 1928 году с Украины на пост секретаря ЦК в порядке рокировки с С. Косиором, принял активное участие в погроме кадров Томского в профсоюзах, унаследовал от Баумана московскую вотчину и в 1930 году был возведен в ранг члена Политбюро.

Вокруг личности Кагановича накручено много мифов. Особенно постарался эмигрантский автор, писавший под псевдонимом В. Ушкуйник, Загипнотизированный гипотезой А. Кестлера о хазарском происхождении восточных евреев-ашкенази (гипотезой, кстати, совершенно несостоятельной) и созвучием титула «каган» и фамилии Каганович, этот автор придумал такую историю: «Захватив власть в свои руки, потомки хазар, следуя своим старым обычаям, не только ввели ту же двойную систему управления в поработенной ими стране, но... посадили своим КАГАНОМ потомка хазарских ханов Лазаря КАГАНовича... и назначили Сталина его «Беком» (Памятка русскому человеку. Н.-Йорк, 1982, с.22). Но если мы вернемся от выдумок к историческим реалиям, то дело обстояло следующим образом. В первой половине 30-х годов влияние Кагановича было действительно огромным, он несомненно был тем, что впоследствии стали называть «лицом №2 в партии». Позже его политический вес начал уменьшаться и к началу войны стал совсем незначительным, но никогда, даже в зените своей власти, Каганович не был ничем иным, кроме как орудием Сталина. Думать, будто Сталин был орудием Кагановича, значит совсем не представлять себе личность Сталина.

В том же 1930 году занял свое место в первом ряду и главный герой драмы тридцатых годов – С.М. Киров (Костриков). Он родился в 1886 году, рано остался без матери и вырос в Уржумском доме призрения. Подпольную работу начал в Томске, а потом перебазировался во Владикавказ, где женился на еврейке Марии Маркус и установил контакты с такими людьми, как Орахелашвили, Гикало, Фигатнер, которые в будущем займут важные посты. Здесь его и застала революция. В гражданскую войну Киров прославился обороной Астрахани и тем, что утопил там в крови рабочее восстание. В пьесе сталинских времен «Крепость на Волге» один из соратников Кирова с обескураживающей простотой говорит о восставших: «Какие же это рабочие, если они в нас стреляют? Разве это пролетариат?» Классовая принадлежность, таким образом, определялась не по роду занятий, а по направлению пальбы. Позже Киров вместе с Орджоникидзе установил советскую власть на Северном Кавказе и в Закавказье, а в 1926 году Кирова бросили из Азербайджана на усмирение мятежного зинovieвского Ленинграда.

Киров был человеком энергичным, властным и жестким. Зная эти его качества, Р. Конквест все же считает нужным оговорить, что он как будто не отличался той злобностью, которая характеризует Сталина... Безжалостный, он в то же время не был ни злобным, ни раболепным». Он же называет Кирова «лучшим оратором партии со времен Троцкого». Очевидно, к перлам красноречия следует отнести слова Кирова на роковом XVII съезде о строительстве Беломорканала: «Это действительно героическая работа, и надо отдать справедливость нашим чекистам, которые руководили этим делом, которые буквально чудеса сделали». Киров поскромничал, умолчав о своей личной роли в этом деле, но о ней счел нужным сказать Ворошилов: «Товарищ Киров вместе с товарищем Ягодой во главе героической армии беломорстроев-

цев соединил Белое море с Балтийским». Отменные Достоинства Кирова были оценены, он занял вакантное после Бухарина место «любимца партии».

Третьим вместе с Кагановичем и Кировым вошел в Политбюро летом 1930 года, невзирая на наличие брата, ярого троцкиста Иосифа Косиора Станислав Косиор, по происхождению поляк, почти все время работавший на Украине. Несколько позже, в декабре, к ним присоединился и близкий друг Кирова Г. Орджоникидзе, которого мы уже характеризовали в связи с грузинским инцидентом. Р. Конквест так оценивает Орджоникидзе: «Не будучи образованным, он производил впечатление веселого и дружелюбного, но хитрого человека. В 1925 году он интриговал с Зиновьевым, а в 1928 году с Бухариным. Но его колебания скорее проистекали от слабости, чем от злой воли». Орджоникидзе действительно играл в 20-е годы какую-то странную, полупровокационную роль. В 30-х годах он доигрался.

ГОЛОД

Так постепенно собралась вместе эта разношерстная компания, которой в 1934 году пришла в голову странная мысль объявить себя победителями. Над кем, спрашивается, была Одержана эта победа и какой ценой?

Страшный голод, последовавший за коллективизацией, вплоть до начала 80-х годов оставался запретной темой в советской печати. М. Лобанов в статье «Освобождение», посвященной роману М. Алексеева «Драчуны» и опубликованной в №10 журнала «Волга» за 1982 год, посмел акцентировать внимание на страшном, голодном 1933 годе, который «прокатился по-над Волгой-матушкой лютее иной войны, сколько народу смахнул с землицы – не счесть», – так Боже мой, что тут поднялось! Собралось управление Союза писателей, и все выступавшие поочередно били М. Лобанова сапогами. Руководил же этим избиением зам. завед. культ. ЦК А. Беляев, будущий рьяный «перестройщик» («Литературная Россия», 25 февраля 1983 года). А в авангарде литературных жандармов бежал, разумеется, В. Оскоцкий («Литературная Россия», 21 января 1983 года), – да, да, тот самый, который теперь воюет с «черносотенным» «Русским Вестником».

Голод 1933 года охватил те местности, в которых в конце предыдущего 1932 года свирепствовали комиссии ЦК. Одним из первых принял на себя удар Северный Кавказ, где сталинским наместником после того, как А. Андреев поднялся в Политбюро, стал Б.П. Шеболдаев, «жесткий функционер, для которого любые средства принуждения были хороши, чтобы осуществить поставленные задачи. Он создал также культ личности местного масштаба. Местные газеты захлебывались от похвал этому маленькому Сталину» (Ж. Медведев. Генеральный секретарь, с.36). Сын этого кавказского сатрапа заседает теперь в российском парламенте и в обществе «Мемориал» и, разумеется, почитает своего папу за «невинную жертву сталинизма».

Как Шеболдаев ни старался, с заготовками он все же не справился, и в октябре 1932 года на помощь ему была послана специальная комиссия ЦК во главе с самим Кагановичем, которого сопровождали Микоян, Ягода и Гамарник. Крестьянам был предъявлен ультиматум: сдать зерно в сжатые сроки.

За невыполнение станицы заносились на «черную доску». Это означало изъятие всего зерна подчистую, всего съестного, закрытие лавок потребительской кооперации и запрет покидать станицу, которую окружали войска. Как пишет в своей работе «Голод 1932–33. Жертвы и палачи» (Китеж, 1991) магаданский историк С. Наумов, за два с половиной месяца (до середины января 1933 года) на «черную доску» было занесено 15 станиц (13 кубанских и 2 донские). Из станиц Полтавской, Медведовской, Урупской были выселены в Сибирь все жители – 45 639 человек. С. Заворотный и П. Положевец в статье «Операция Голод» («Комсомольская правда». 3 февраля 1990 года) называют это генеральной репетицией будущих выселений целых народов.

Однако неверно думать, будто местное население покорно подставляло шею под нож. Сопротивление было отчаянным. Как докладывал на Политбюро начальник погранвойск ОГПУ Фриновский, по рекам Северного Кавказа плыли сотни трупов – так велики были потери воинских подразделений, участвовавших в карательных операциях.

Не оставлял Каганович своими заботами и соседнюю Украину. Р. Мухамедьяров в органе ДС «Свободно слово» (1989, №14) проявил крайнюю обеспокоенность тем, как бы на бедного еврея не навалили лишнего, провозгласил, что Каганович не повинен в массовом голоде на Украине, поскольку давно уже не работал там, это безграмотные, злобные антисемиты на него клеветают, а чрезвычайную комиссию на Украине возглавлял не Каганович, а Молотов. да, верно, сначала Молотов, но после того, как С. Косиор дал инструкцию не вывозить посевные фонды без разрешения обкомов партии, на Украину для исправления этого «уклона» в декабре 1932 года срочно прибыл Каганович, и под его давлением ЦК КП(б)У был вынужден отменить свою инструкцию. Как пишет в изданной на украинском языке брошюре «1933: трагедия голода» (Киев, 1989, с.38) С.В. Кульчицкий, в ходе хлебозаготовок на Украине Молотов и Каганович проявили «патологическую жестокость».

Были и русские люди, которые лютовали не хуже инородцев. Взять хотя бы П. Постышева, тоже из будущих «невинных жертв». Он возглавил в ноябре 1932 года комиссию по Нижне-Волжскому краю и потребовал «любыми средствами выполнить план хлебозаготовок». Секретаря райкома, возразившего, что это невозможно, Постышев немедленно снял, председателя колхоза, не дотянувшего до плана 4%, – арестовал. Рвение Постышева оценили по заслугам и приставили его к Косиору, дабы следить за неукоснительным выполнением указаний Кагановича («Комсомольская правда», 3 февраля 1990 года).

Появился драконовский закон от 7 августа 1932 года, известный в народе как «закон о пяти колосках». Наркомюст Крыленко требовал беспощадно карать «расхитителей социалистической собственности». Он еще не знал, что скоро беспощадно покарают и его, а пока что страдал простой народ: 55 000 человек осудили за колоски, из них к высшей мере – 2100 (там же).

Голод охватил огромную территорию с 25 млн. крестьянского населения. Называют самые разные цифры погибших – от четырех до десяти миллионов (там же). Однако даже в эти голодные годы СССР, как это ни чудовищно,

продолжал торговать хлебом с границей: в 1932 году в Западную Европу было вывезено 18,1 млн. центнеров зерна, а в 1933 году – около 10 млн. центнеров (там же), и европейцы спокойно ели советский хлеб, отнятый у голодающих и умирающих крестьян. Представители европейской элиты, посещавшие СССР, тогда, как и во все прочие времена, либо были слепыми идиотами, либо с успехом прикидывались ими. Так, в августе 1933 года к нам пожаловал известный французский государственный деятель Э. Эррио. Ублаготворенный пышными банкетами и приемами, насмотревшись «потемкинских» деревень, Эррио заявил по окончании поездки, что все сообщения о голоде на Украине являются большой ложью и выдумкой нацистской пропаганды. Авторы цитируемой статьи из «Комсомольской правды» считают, что эти слова «тогда сбили с толку многих обывателей на Западе». Если бы только обывателей! Самые утонченные европейские интеллектуалы наслаждались советской пропагандистской мякиной, когда наши крестьяне давились мякиной настоящей. Б. Шоу изощрялся в циничных шуточках насчет «выдумок о голоде в СССР». Нет, что ни говорите, как бы страшны и отвратительны не были бандиты, отвратительней любого бандита прекраснотушный «либерал».

Победители торжествовали на костях. Такие торжества всегда выходят боком, историческая справедливость находит самые неожиданные, окольные пути, и возмездие настигает тех, кто его заслужил.

Кое-кто из партийцев начал задумываться. Но не все поняли, что думать еще можно, а говорить уже нельзя. На этом курьезным образом погорел промелькнувший в 1929–1930 годах в роли председателя Совнаркома РСФСР и кандидата в члены Политбюро С.И. Сырцов, один из палачей донского казачества в гражданскую войну, возглавлявший тогда Отдел гражданского управления Донбюро, идеолог «беспощадной борьбы с контрреволюцией», по приказу которого в одном только Вешенском районе в апреле 1919 года было расстреляно более 600 человек (Независимая газета», 23 апреля 1992 года). Сырцов имел неосторожность пошептать на антисталинские темы с главой Закавказской парторганизации В. Ломинадзе, но не знал, что у стен бывают уши. Это незнание стоило обоим собеседникам всех занимаемых постов.

В 1932 году разразился новый всесоюзный скандал. В сентябре этого года была раскрыта и арестована подпольная группа под названием «Союз марксистов-ленинцев». Возглавлял ее Мартемьян Никитич Рютин. Он родился 12 февраля 1890 года, происходил из крестьян Иркутской губернии, в 1917 году возглавил Харбинский совет, был командующим войсками Иркутского округа, командовал партизанскими отрядами, был председателем Иркутского губкома партии, секретарем дагестанского обкома. В 1924–1928 годах, т.е. при Угланове, Рютин работал секретарем Краснопресненского райкома партии Москвы и на XV съезде в 1927 году был избран кандидатом в члены ЦК. Партийная карьера Углanova и Рютина закончилась одновременно в конце 1928 года. После этого Рютин проработал еще два года в редколлегии «Красной звезды».

Личность Рютина – живое опровержение домыслов о «рабской природе» русского человека. Журналисты теперь ломают голову: с чего это Сталин осенью 1930 года вдруг пригласил Рютина отдохнуть в Сочи? Это была большая

честь даже для людей из самого близкого окружения Сталина, а для человека, находящегося в опале, такая милость вождя могла рассматриваться как прощение. Сталин и Рютин вместе гуляли, фотографировались на память. Хотел ли Сталин услышать от Рютина слова покаяния, Склонить его на свою сторону, или это была коварная игра со своей обреченной жертвой? («Московская правда», 14 февраля 1990). Вообще-то Сталин отличался склонностью к такого рода играм, но в данном случае мы имеем перед собой, пожалуй, несколько иной случай. Сталин легко гнул людей в бараний рог, и столкнуться с человеком негнувшимся ему было в диковинку, тем более что Рютин был фигурой незначительной по сравнению со Сталиным, и это особенно поражало: как можно с таких шатких позиций бросать вызов всемогущему вождю? Сталин ценил безропотных исполнителей, но больше всего боялся людей двуличных. Смелость ему нравилась, недаром пели потом «Смелыми Сталин гордится», И желание поближе познакомиться со смельчаком Рютиным было для Сталина вполне естественным, конечно, не без задней мысли перетянуть его на свою сторону – Сталин, когда хотел, умел быть обаятельным. Незадолго до этого, действуя тем же оружием. Гитлер превратил Геббельса из оппозиционера в своего преданнейшего сторонника. Но на Рютина чары Сталина не подействовали. И даже первый кратковременный арест вскоре после поездки в Сочи его не напугал. Рютин решил приступить к созданию подпольной организации, и его деятельность в этом направлении журналистка С. Ерисова называет «самой значительной за все время нахождения Сталина у власти попыткой оказать реальное и организованное сопротивление его деспотии» («Московская правда», 11 февраля 1990 года). В марте 1932 года Рютин составил документ под названием «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и обращение «Ко всем членам ВКГГ(б)». Сталин подавался Рютиным как великий агент, провокатор, разрушитель партии, могильщик революции в России» («Известия ЦК КПСС», 1989, №6). Платформа Рютина обсуждалась на конспиративной квартире в деревне Головино под Москвой 21 августа 1932 года. Позже с этим документом были ознакомлены Зиновьев, Каменев, бывший шеф Рютина Угланов и латыш Ян Стэн, преподаватель Института красной профессуры, бывший член ЦКК и консультант Сталина по философским вопросам.

Организация Рютина не просуществовала и месяца, все кончилось быстро, в обычной последовательности тех лет: донос–арест. В октябре 1932 года по этому же делу поволокли целую группу молодых теоретиков из окружения Бухарина во главе с А. Слепковым и заговорили о «контрреволюционной группе Рютина–Слепкова».

Теоретики, о которых идет речь, объединились вокруг А. Слепкова во время учебы в ИКП, впоследствии они работали в редколлегиях газеты «Правда», журнала «Большевик» и т.п. Сам Слепков был в 20-х годах зав. агитпропом Исполкома Коминтерна и членом МК, т.е. работал вместе с Рютиным. Его ближайшим Сподвижником был Д. Марецкий, автор научной биографии Бухарина. К той же компании принадлежали А. Айхенвальд, сын известного критика, В. Астров единственный уцелевший, автор упоминавшегося романа «Круча», П.Г. Петровский, сын председателя ЦИК Украины Г.И. Петровского и ряд других. Вместе с молодежью погорели и отставные партийные лидеры – Зиновьев, Каменев, Угланов. Одним из основных пунктов обвинения было распространение платформы Рютина.

Сталин прочел, что писал о нем Рютин, счел, что подобные оценки могут подвигнуть кого-нибудь на покушение на жизнь генсека, и потребовал на этом основании расстрела Рютина, однако встретил сопротивление со стороны своих ближайших соратников. Первым запротестовал Рудзутак, возглавлявший тогда ЦКК–РКИ. Затем на Политбюро против высшей меры выступили Киров, Куйбышев, Орджоникидзе, Косиор и Калинин. Это затормозило месть Сталина: тогда Рютин получил лишь 10 лет, а расстрелян был позже, 10 января 1937 года. Вместе с ним погибли его жена и два сына, уцелела только дочь.

За делом Рютина–Слепкова последовала новая волна репрессий. Раскаявшихся, амнистированных и восстановленных в партии бывших вождей и членов левой оппозиции снова стали исключать, начав с Зиновьева и Каменева, а потом и сажать. В начале 1933 года арестовали бывшего члена ЦК И.Н. Смирнова, занимавшего тогда пост директора Горьковского автозавода, и посадили на 10 лет. Другой бывший член ЦК Смилга получил 5 лет.

В январе 1933 года советских граждан обрадовали разоблачением еще одной оппозиционной группы. Во главе ее стоял уже не бывший, а действительный член ЦК Александр Петрович Смирнов, старый большевик, родом из крестьян, входивший еще в 90-х годах в Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса. В 20-х годах он был наркомом земледелия, генеральным секретарем Крестьянского интернационала, секретарем ЦК и членом Оргбюро, но для коллективизации Смирнов, конечно, был фигурой неподходящей: здесь требовался Эпштейн. И Смирнова задвинули в Президиум ВСНХ, оставив, правда, в ЦК. В сговор со Смирновым вступили В.Н. Толмачев, нарком внутренних дел РСФСР, сын костромского учителя, работавший до назначения наркомом заместителем председателя Северо-Кавказского крайисполкома, и Н.Б. Эйсмонт, нарком снабжения РСФСР, по национальности, очевидно, поляк.

На пленуме ЦК, разбиравшем дело группы Смирнова, с докладом выступил Каганович. Он дал такую установку: людей, побывавших во всяких оппозициях, надо строже проверять, особенно троцкистов. Так постепенно нагнеталась напряженность, сеялась подозрительность, готовились схемы обвинения для будущих процессов.

Да, в недобрый час собрался съезд «победителей». Голод в стране, брожение в партии, угрожающая международная обстановка. Всего за год до этого в Германии к власти пришел Гитлер, Япония еще в 1931 году завладела Маньчжурией. Все эти обстоятельства оказывали свое влияние на развитие событий на высшем партийном форуме.

ЗАГОВОР ПРОТИВ СТАЛИНА

Сведения о заговоре, составленном в январе 1934 года против Сталина, просочились в советскую печать в хрущевские времена. Один из членов клана Шаумянов намекнул: «Многие делегаты съезда, прежде всего те из них, кто был знаком с завещанием Ленина, считали, что наступило время переместить Сталина с поста генсека на другую работу, потому что он уверовал в свою непогрешимость начал игнорировать коллегиальность, вновь грубил» («Правда», 7 февраля 1964 года). Л. Шаумян не назвал никаких имен. За него это сделал Р. Медведев, по словам которого на XVII съезде образовался нелегальный блок, состоявший, в основном, из секретарей обкомов и ЦК национальных компартий. Есть сведения, что одним из руководителей этого нелегального блока был Варейкис. В генеральные секретари выдвигали Кирова. В самом начале съезда или еще до него с Кировым беседовала группа, в которую входили тот же Петровский, тот же Орджоникидзе, участники аналогичного совещания в 1925 году, а также Микоян и Орахелашвили. Киров, однако, отклонил предложенную ему честь. (Р. Медведев. к суду истории, с. 315).

Р. Медведев пишет дальше, что Сталин «каким-то образом» узнал об этой беседе. На мысль о том, каким именно образом, наводит то обстоятельство, что из всех перечисленных заговорщиков остался в фаворе и даже еще более возвысился один Микоян... Есть, правда, версия, будто Сталину обо всем чистосердечно рассказал сам Киров. Но эту версию опровергает А. Антонов-Овсеенко в статье «Убийцы Кирова» («Гудок», 11 апреля 1989): когда Сталин и Киров встретились с глазу на глаз сразу же после съезда, генсек уже знал все, а именно то, что в канун дня выборов в ЦК на квартире Орджоникидзе в Кремле, в небольшом доме у Троицких ворот, собралась группа делегатов. Петровский, С. Косиор, Шеболдаев, Эйхе, Орахелашвили, Шарангович, считая невозможным дальнейшее пребывание Сталина на посту генсека, предложили заменить его Кировым. Но тот отказался.

У современного читателя, естественно, возбудится интерес к забытой личности Варейкиса, и придется напомнить, кто это такой. Иосиф Варейкис, по национальности литовец, сын крестьянина, пришедшего на заработки в Подольск. В начале революции Варейкис работал на Украине под руководством Орджоникидзе, затем возглавил Симбирский комитет партии и вместе с Тухачевским подавил мятеж главнокомандующего Муравьева в июле 1918 года. В 1921–1923 годы Варейкис оказывается в Баку, т.е. у Кирова, и занимает пост заместителя председателя Бакинского совета. Там он и женился на некоей Любове Григорьевне, инструкторе райкома партии, фамилии которой официальный биограф Варейкиса Ланно даже не называет – до того, видать, страшная.

Потом Варейкиса перекидывают то снова на Украину, то в Туркестан, а в 1924 году он становится зав. отделом печати ЦК. В 1928 году Варейкис получает новое назначение – в его власть передается Центрально-Черноземная область, где он проводил коллективизацию. Как он это делал, мы уже рассказывали, как его критиковали за ЭТО на XVI съезде – тоже, И не только за это. Вот что говорил о нем тогда же Крыленко: «Варейкису принадлежит крылатая фраза: «Закон это дело наживное». Я точно не понимаю, что это

значит. Я думаю, что т. Варейкис сам не понимает этого, ибо логического смысла в этой фразе нет. Но смысл другой, общественно-политический в ней есть. Этот политический смысл означает, что закон – это вещь, которой можно пренебречь». Как видим, по части обращения с народом и с законом Варейкис был ничуть не лучше Сталина. Некоторые, руководствуясь примитивной логикой, думают: раз борец против культа, значит, хороший человек, либерал. Пример Варейкиса свидетельствует об обратном, равно как и пример другого деятеля, который с середины 20-х годов плел заговоры против Сталина, – Г.И. Петровского бывшего депутата Государственной думы, первого наркома внутренних дел (после отказа Рыкова), многолетнего председателя ЦИК Украины и кандидата Политбюро с 1926 года. Сталин, расправившись с одним из его сыновей П. Петровским (из группы Слепкова) и его зятем Загером, председателем Черниговского исполкома, самого Г.И. Петровского не тронул, как и никого другого из бывших депутатов думы, словно для Сталина и в самом деле что-то значила парламентская неприкосновенность. Низведенный в простые граждане, Петровский все же остался на свободе и на несколько лет пережил Сталина. Был ли сам Петровский столь великодушен? Ничего подобного. Ведь это по его приказу в 1918 году, в бытность его наркомом внутренних дел, были расстреляны тысячи заложников. Сталин-то с Петровским поступил гораздо либеральней, чем Петровский с беззащитными заложниками.

Среди антисталинских заговорщиков мы уже несколько раз упоминали фамилию М. Орахелашвили ныне тоже забытого. К моменту XVII съезда он уже догорал на пенсионной должности заместителя директора института Маркса–Энгельса–Ленина, но в 20-е годы это был крупный деятель, ближайший помощник Орджоникидзе в Закавказье, председатель Совнаркома Закавказской федерации, а после того, как Орджоникидзе пошел наверх, – секретарь крайкома. На этой должности его сменил сначала злополучный Ломинадзе, а потом – зловещий Берия.

Что, собственно, означал отказ Кирова от предложения заговорщиков? Жаль, что исследователи не занимаются этим вопросом: ведь отказ этот можно понимать двояко. Либо Киров вообще не хотел идти против Сталина, либо он отверг только метод, предлагавшийся заговорщиками, не захотел скандала на съезде и потрясения для всей страны, руководствуясь известным принципом, что лошадей во время брода не меняют. Есть основания полагать, что Киров предложил встречный план: постепенное оттеснение Сталина от руководства.

Скандал на съезде все же произошел, хотя и был скрыт. При выборах в ЦК против Кирова проголосовали только трое делегатов, а против Сталина, по данным Р. Медведева – 270, а по данным А. Антонова-Овсеенко – 292.

Словом, со Сталиным в 1934 году хотели поступить таким же образом, как тридцать лет спустя поступили с Хрущевым. Однако Сталин был не Хрущев. С ним этот номер не прошел.

донос Сталина насторожил. Голосование встревожило. Результаты съезда навели на одну-единственную мысль: медлить нельзя.

Рассчитывая на медленное вытеснение, Киров, в общем-то, рассчитывал правильно. Время работало на него, но при одном условии: если правила игры, именуемые внутрипартийной демократией, будут соблюдаться. Шанс же Сталина на победу заключался в нарушении этих и вообще любых правил.

Киров имел в руках сильные козыри. После съезда он стал секретарем ЦК, а в июле 1934 года вошел и в Оргбюро. Что же касается самого Политбюро, то оно раскололось надвое.

Главным союзником Кирова в Политбюро был Куйбышев. Они познакомились и сработались летом 1919 года, когда Куйбышева временно назначили членом РВС Астраханской группы войск. Не теряли они друг друга из вида и позже. После того, как Куйбышева в 1926 году поставили по главе ВСНХ вместо умершего Дзержинского, а Кирова – во главе ленинградской парторганизации вместо поверженного Зиновьева, они поддерживали «особо тесную связь», как говорится в официальной биографии Куйбышева (с. 283). В конце 1930 года Куйбышева назначают председателем Госплана, XVII съезд передает дополнительно в его распоряжение Комиссию советского контроля, в мае 1934 года Куйбышев уже первый заместитель председателя Совнаркома, а в июле вместе с Кировым член Оргбюро. Оппозиция явно готовила Куйбышева на замену Молотову, что должно было стать прелюдией последующей замены Сталина Кировым.

Третьим в этом союзе был Орджоникидзе, давно связанный с Кировым тесной дружбой, а с Куйбышевым работой как нарком тяжелой промышленности с этой троицей блокировался и С. Косиор, возглавлявший мощную украинскую компартию. На С. Косиора с одной стороны, влиял его брат, тоже член ЦК И. Косиор, заместитель Куйбышева, а с другой – давний враг Сталина Петровский. С. Косиор, вероятно, хотел, вытеснив Кагановича с Украины, вытеснить его из секретариата ЦК и занять его Место.

Податливый Калинин тоже склонялся на сторону этой группы. Сталин мог быть уверенным только в поддержке Молотова Кагановича, Ворошилова и Андреева.

Из кандидатов в члены Политбюро на верную сталинскую карту поставил один только Микоян. Кроме него этот ранг имели тогда три представителя Украины – Петровский, Чубарь и Постышев, а также Рудзутак, работавший с Куйбышевым в 1919 году в Туркестанской комиссии, а в 20-е годы – в ВСНХ.

За вождями оппозиции стояли обширные кланы членов и кандидатов в члены ЦК и работников более низких рангов. Эти кланы и явились в 1936 - 1938 годы главными объектами погрома.

В клан Кирова в ЦК, кроме упоминавшегося уже Варейкиса, входили: бывший зав. Отделом агитации и пропаганды Ленгубкома, а в 1934 году зав. тем же отделом ЦК, член Оргбюро Стецкий; бывший секретарь Ленгубкома, а в 1934 зам, председателя Комиссии советского контроля (т.е. Куйбышева) и зам. председателя Совнаркома Антипов, 2-й секретарь Ленинградского обкома Чудов, председатель Ленгорисполкома Кодацкий, председатель Ленин-

градского Совета профсоюзов Алексеев; соратник Кирова по Астрахани и Баку, 1-й секретарь Казахстанского обкома Мирзоян и 1-й секретарь Азовско-Черноморского Обкома Шеболдаев. К ним добавлялись кандидаты в члены ЦК: бывший командующий Ленинградским военным Округом Тухачевский (у которого, кстати, в самом начале гражданской войны, в 1-й армии, членом РВС был Куйбышев), 2-й секретарь Ленинградского горкома Позерн, председатель Леноблисполкома Струппе, секретарь Ленинградского горкома Угаров, бывший председатель Ленсовета Комаров, соратник Кирова по Кавказу 1-й секретарь ЦК КП Белоруссии Гикало, бывший председатель Азнефти, зам. наркома тяжелой промышленности Серебровский. В коллегии этого же наркомата, возглавляемого Орджоникидзе, подвизался и еще один ставленник Кирова – Фигатнер.

Мощно выглядела и украинская группа, которую в ЦК кроме братьев Косиоров, Петровского, Постышева и Чубаря представляли: член Оргбюро и начальник Главного политуправления армии Гамарник, наркомзем Яковлев (Эпштейн), наркомпрос РСФСР Бубнов, секретарь Западно-Сибирского крайкома Лаврентьев (он же Картвелишвили; Р. Медведев курьезным образом принимает Лаврентьева и Картвелишвили за двух разных лиц), зам. председателя Совнаркома РСФСР Лебедь, зам. председателя Совнаркома СССР Межлаук, командующий Украинским военным округом Якир, наркомпрос Украины Затонский, секретарь ЦК КП(б)У Хатаевич, секретарь донецкого обкома Чувирин, начальник ГПУ Украины Балицкий. Среди кандидатов в члены ЦК Украину представляли Демченко, Любченко и Н. Попов.

Наконец, третий крупный контингент будущих жертв составляли капитаны экономики, работники в СНХ, руководители промышленных наркоматов, группировавшиеся вокруг Куйбышева, Орджоникидзе и Рудзутака. К ним, кроме уже знакомых нам по другим линиям И. Косиора, Межлаука и Серебровского относились члены ЦК, зам. наркома тяжелой промышленности Рухимович, нарком лесной промышленности Лобов, директор Госбанка Пятаков, председатель Совнаркома РСФСР Сулимов (бывший заместитель Рудзутака в НКПС), нарком легкой промышленности Любимов, а также кандидаты в члены ЦК Уншлихт, Стриевский и Осинский. В состав Комиссии партийного контроля входил также брат В.В. Куйбышева, Н.В. Куйбышев, профессиональный военный, командовавший в 1937 году Закавказским военным округом.

Такова была в 1934 году расстановка сил в ЦК с точки зрения личного соперничества. Ну, а с национальной?

В Политбюро из десяти членов было четверо нерусских: сам Сталин, Каганович, Орджоникидзе и Косиор. Но интересно, что из шести русских только Куйбышев выбрал в жены дочь старого большевика А.М. Лежавы, остальные предпочли жениться на нерусских: Молотов – на Полине (Перл) Семеновне Карповской-Жемчужиной, Ворошилов – на Екатерине (Голде) Давидовне Горбман, Андреев на Доре Моисеевне Хазан, Киров – на Марии Львовне Маркус, Калинин – на обрусевшей эстонке Екатерине Ивановне Лорберг.

Самыми модными, таким образом, были еврейские жены. Ранее уже говорилось о том, что этой моде следовали и бывшие члены Политбюро из русских

Крестинский и Рыков. «Великий жизнелюб» Бухарин был женат трижды, притом только в первый раз на русской, сестре историка Н.М. Лукина, а потом - на Эсфири Исаевне Гурвич (без регистрации), и, наконец, – на дочери Ю. Ларина (Лурье). Создается впечатление, что для «неполноценных» русских наличие еврейской жены было своего рода «проходным баллом», открывающим путь наверх.

В ЦК главными евреями были, выражаясь словами Дона Аминадо, «два Кагановича, брата и щеголя» – Лазарь Моисеевич, член Политбюро, секретарь ЦК и МК, и Михаил Моисеевич – кандидат и члены Оргбюро. Кроме них в ЦК красовались: Гамарник – начальник Политуправления Красной армии, член Оргбюро; Криницкий – кандидат в члены Оргбюро; Ягода – нарком внутренних дел; Литвинов (Финкельштейн) – нарком иностранных дел; Яковлев (Эпштейн) – нарком земледелия, Зеленский – председатель Центросоюза, Разумов – 1-й секретарь Восточно-Сибирского крайкома, Якир – командующий Украинским военным округом, Рухимович – зам. наркома тяжелой промышленности, Хатаевич – член Политбюро ЦК КП(б)Украины и секретари Коминтерна Мануильский и Пятницкий (Тарсис). 14 человек из 70 – вроде бы не так много, но какие ключевые посты они занимают.

Представители других национальностей в ЦК – Сталин, Орджоникидзе братья Косиоры, Рудзутак, Микоян, К. Бауман – зав. отделом науки, Берия, Варейкис, Енукидзе – секретарь ЦИК, Икрамов, Кнорин – секретарь Коминтерна Лаврентьев Межлаук, Эйхе. Процент опять близок к половине.

Среди кандидатов в члены ЦК нас порадуют своим присутствием Каминский Калманович, Лозовский, Позерн, Мехлис, Шварц, Вегер, Дерibas, Розенгольц, Быкин, М. Михайлов (Каценеленбоген) Сокольников, Вейнберг, Бройдо, Штейнгардт Струппе, Уншлихт, а также Уборевич, Элиава, Прамнэк, Мусабеков, Багиров, Саркисов, Лепа, Исаев, Но самая удручающая картина открывается в комиссиях партийного и советского контроля и в ЦКК. Первую возглавлял Л. Каганович, его заместителями были Ярославский и бывший заместитель Дзержинского Петерс, а членами – Беккер, Брикке, Генкин, Гроссман, Давидсон, Ленин, Меерзон, Пospelов (Фейгельсон), Рабичев, Рубинштейн. Френкель, Хавкин, Шарангович, Кахиани, Шадунц. В Комиссии советского контроля заместительницей Куйбышева была Землячка (Залкинд), членами – Беленький, Анцелович, Гайстер, Розенман, Бауэр, Вейнбаум, Венгерова, Геммервердт, Гиндин, Гладштейн, Гольдич, Дейч, Карлик, Киссис, Сомс, Манфред, Меламед, Розит, Трилиссер, Фейгин, а также Межлаук, Назаретян и Хаханьян. Наконец, в ЦРК гнездились известные чекисты Агранов (Сорензон) и Реденс (свояк Сталина), а также Шелехес, Аронштам, Сойфер, Коган, Янсон, Ханджян и Орахелашвили.

Шансы Кирова на победу заключались в сохранении партийных верхов именно в таком виде, шансы Сталина – в их разгроме. Но парадоксальность исторической ситуации заключалась в том, что как раз это руководство партии и НЕЛЬЗЯ БЫЛО СОХРАНЯТЬ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ. И получилось так, что личные интересы Сталина совпали с национальными интересами страны.

Связано это было с появлением на Западе нового потенциального врага в виде системы, подобной которой история еще не знала. Сильное и беспо-

шадное руководство объединило немецкий народ под знаменем национальной идеологии, возбудило у него огромный энтузиазм и развило колоссальную энергию. Выходить на бой против такого противника с прежним идейным багажом было равнозначно самоубийству.

Гражданская война 1936–1939 годов в Испании явилась веским доказательством того, что интернациональная идея терпит поражение при столкновении с национальной. Требовалось самым решительным образом отбросить примитивный «интернационализм» в его прежней форме.

Рецидивы долго ведшейся пропаганды еще давали себя знать по инерции и потом. Вспомним, как широко были распространены перед войной иллюзии, будто в Германии, если она нападет на СССР, сразу же произойдет революция. Вспомним, как рассуждали некоторые даже после начала войны (об этом писал И. Эренбург в своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь»): против нас, мол, обманутые немецкие рабочие и крестьяне, надо им объяснить, и они повернут оружие.

Объяснять пришлось очень долго. Четыре года. Объяснять оружием. И до самого последнего часа «немецкие рабочие и крестьяне» сопротивлялись с фанатическим упорством, никак не поддаваясь объяснениям.

Урок как будто понятен. Но не всем. В «Политическом дневнике», издававшемся тем же Р. Медведевым, было однажды опубликовано письмо какого-то нафталинового большевика, если память мне не изменяет, Данишевского, с упреками в адрес Сталина: почему-де он на параде 7 ноября 1941 года говорил об Александре Невском и Суворове, а не о Марксе и Либкнехте. Да потому, что с такими заскорузлыми догматиками, как Данишевский, мы проиграли бы войну в два счета. Но, к счастью, руководство нашей страны оказалось на высоте и вовремя переориентировалось. Сопротивление революционной инерции было сильным, процесс протекал мучительно, но он был исторически необходим. И начался он не в 1941 году, как думают некоторые, а в 1934 – том самом, вокруг которого мы все время крутимся.

Многие до сих пор не поняли, что тогда произошло. И первым не понял это Гитлер. Когда он писал «Майн Кампф» в 1924 году, перед ним стоял образ России, съеденной и обглоданной евреями, пустого географического пространства, которое остается только занять. Но Россия – такой кусок, проглотить который не под силу никому, даже евреям. Она вынесла чудовищной силы удар, нанесенный ей примазавшимися к революции инородцами, и начала, отдышавшись, наносить контрудары, первый раз – в 1926–1927 гг., второй раз – в 1936–1938 гг. События на внутреннем фронте как бы предваряли сценарий грядущей войны: враг под Москвой – отброшен, враг под Сталинградом – снова отброшен.

Гитлер думал, будто Россия умерла, ее убили, но очень скоро ему пришлось убедиться в своей ошибке. Россия доказала, что она жива. Россия была, есть и будет. Странно, что и этот урок не пошел впрок некоторым людям, притом именующим себя «русскими патриотами». СССР они не признавали за Россию и ныли, что «России нет», а сегодня, когда Российское государство второй раз на протяжении нынешнего столетия оказалось .а грани краха, те же лю-

ди, как и их предшественники а 1917 году, вопят и стенают о гибели России, не задумываясь нам тем, каким образом Россия может погибнуть снова, если она однажды уже погибла. Если же она не погибла тогда, значит, есть надежда, что не погибнет и теперь.

Подобные настроения характерны для людей, любящих не реальную Россию со всеми ее бедами: сомнительными вождями, податливостью на демагогию, пьянством и тому подобными «прелестями», а Россию с сусального лубка.

УБИЙСТВО КИРОВА

Первым делом власть должна была перестать рубить главный сук, на котором сидит, прекратить размахивать жупелом «великорусского шовинизма». Инерция, заданная в этом направлении Лениным и его нерусским окружением, держалась очень долго. Еще на предыдущем XVI съезде в 1930 году Сталин обличал «великорусский шовинизм» как «главную опасность в партии в области национального вопроса». Но в отчетном докладе на XVII съезде звучали уже иные нотки: спор о том, какой уклон, к великорусскому национализму (уже не «шовинизму») или местному национализму, следует считать главной опасностью, Сталин оценил в таких выражениях: «При современных условиях это – формальный и поэтому пустой спор. Глупо было бы давать пригодный для всех времен и условий готовый рецепт о главной и неглавной опасности. Таких рецептов нет вообще в природе. Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться». Внешне это фраза выглядела двойственной, но на самом деле означала вполне определенный поворот руля. И не случайно на XVII съезде говорили уже не о русском шовинизме, а о националистическом уклоне на Украине. Из-за этих обвинений в 1933 году покончил с собой наркомпрос Украины Скрыпник, уклон которого Постышев назвал прямым продолжением уклона Шумского, «шумскизма», осужденного компартией Украины в 1926–1927 годах. Как видим, пики борьбы с национализмом на Украине совпадают с пиками очищения центра от инородцев.

Другой пример. В своем выступлении на XVII съезде секретарь Восточно-Сибирского крайкома Разумов цитировал курьезную брошюру некоего Хансуварова «Латинизация – орудие ленинской национальной политики» (Партиздат, 1932), в которой «отдельные националистически настроенные интеллигенты-якуты» осуждались за то, что они «вместе с великодержавными русскими из чиновничества и русской интеллигенции пытаются протащить и закрепить Русский алфавит» в качестве якутской письменности и выражалось сожаление по поводу того, что и русский язык не переводится на латинский алфавит, который победит и станет международным алфавитом вместе с победой пролетарской Революции. Такой извращенный интернационализм вызвал у Разумова крайнее недоумение

Откуда подули Новые Ветры? В «Политическом дневнике» Р. Медведева говорится о «вредном влиянии» на Сталина А.Н. Толстого, который вдальблывал в голову вождю аналогию с Петром I. Версия эта восходит к описываемым временам: весной того же 1934 года О. Мандельштам – Такой интеллигентный такой не приспособленный к жизни залепил пощечину А. Толстому как

«белогвардейской сволочи, приехавшей раздувать царистские настроения у генсека».

Неверно, конечно, представлять себе голову Сталина совершенно пустым местом, в которое тот или иной собеседник вкладывал нужное содержание. Сталин, по-видимому, уже давно подумывал о себе самом, как о преемнике традиций Российской государственности. Р. Медведев цитирует слова Сталина, будто бы сказанные им еще в 1925 году: «Мы живем в России, в стране царей, русский народ любит, когда во главе государства стоит какой-то один человек» (К суду Истории, с.628). Осознание Сталиным Русской традиции было лишь половинчатым: духовные основы русской культуры оставались ему чуждыми, хотя он и учился в духовной семинарии, но очень важный шаг в положительном направлении – в смысле возврата к русским традициям – все же был сделан.

А. Толстой политику партии не определял. Из ее собственных рядов должен был выдвинуться деятель нового типа, взгляды которого соответствовали бы требованиям нового исторического этапа. И такой человек не замедлил появиться. Сама его фамилия звучала символично, словно именно его ждала страна.

Андрей Александрович Жданов родился 26 февраля 1896 года в Мариуполе. Этот город носил впоследствии его имя, пока в период горбачевской катарстрофки не начался второй приступ антисталинской истерии. Не случайно спущенная тогда с цепи свора Демократических борзописцев накинута в первую очередь на Жданова.

Он был особенно ненавистен им как русский человек как лидер «русской партии» внутри ВКП(б). В его имени им мерещилась другая символика. Лопавшийся от злобы «интеллектуал» Ю. Карякин назвал свою статью в «Огоньке» №19 за 1988 год «Ждановская жидкость» имея в виду тот состав, который использовали для заглушения трупного запаха. Что ж, прием сравнение Карякина: да, именно такая жидкость была нужна для заглушения трупного запаха после смерти надежд антирусских сил на господство в России.

А.А. Жданов происходил из интеллигентной семьи – его отец занимал такую же должность, как и отец Ленина. Учился в сельскохозяйственной академии, в революцию действовал на Урале, а в 1924–1934 годы возглавлял Нижегородскую областную партийную организацию, одну из самых крупных в РСФСР, – до него в ней работали Молотов, Каганович, Микоян. В 1930 году Жданов стал членом ЦК, в 1934 году – секретарем ЦК.

Р. Конквест пишет о Жданове: «Сильный, хотя и не глубокий ум сочетался в нем с идеологическим фанатизмом, преобладавшим у него в большей степени, нежели у других деятелей его поколения. Ему страна обязана одним из немногих положительных явлений сталинской эпохи по сравнению с 20-ми годами – восстановлением системы образования, которая при всей ее узости и официальном славословии, по крайней мере в области неполитических наук, вновь обрела основательность и эффективность старой русской системы образования после ухудшения в промежуточный период экспериментов»

(Великий террор, с.35), даже Хрущев, не скрывающий в своих мемуарах смертельной ненависти к ближайшему соратнику Жданова Щербакову, совсем иначе, с уважением отзывается о Жданове как об очень крупном деятеле.

Тогда, в 1934 году Жданов, был еще совсем одинок наверху. Но у него установились какие-то особо близкие отношения со Сталиным. Они обычно вместе отдыхали на юге. В августе 1934 года во время такого совместного отдыха они составили замечания о конспектах учебников истории СССР и новой истории. В соавторы этих замечаний зачислили и Кирова, как раз заехавшего на юг к Сталину и Жданову, но сам Киров только удивился этому обстоятельству: «Какой же я историк?» – честно признался он (С. Красников. С.М. Киров. М., 1964, с.196).

Разговор об истории возник не случайно. 16 мая 1934 года было опубликовано постановление Совнарком и ЦК о преподавании истории, в котором отмечалось, что преподавание этой дисциплины носит отвлеченный, схематический характер, а вместо истории реальных народов учащимся преподносят абстрактные определения формаций. Позже, 27 января 1936 года новое постановление пояснило, что эти вредные тенденции и ПОПЫТКИ ликвидации истории как науки связаны, в Первую очередь, с распространением среди историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой «школе Покровского». Еще позже, в августе 1937 года были осуждены: непонимание прогрессивной роли христианства и монастырей; непонимание прогрессивного значения присоединения к России Украины в XVII веке и Грузии в конце XVIII века; идеализация стрелецкого мятежа, направленного против цивилизаторской политики Петра I; неправильная историческая оценка Ледового побоища. Таким образом, постепенно ликвидировалась омерзительная антирусская направленность советской исторической науки и заменялась взглядами, правильность которых сегодня приходится снова отстаивать в тяжелой борьбе, в условиях нового шабаша антирусских сил.

Но продолжим наш рассказ в хронологической последовательности. 10 мая 1934 года умер председатель ОГПУ В.Р. Менжинский. Созвучие его фамилии с фамилией Дзержинского не должно вводить в заблуждение. В отличие от «железного Феликса» его преемник происходил из Семьи давно обрусевшего православного поляка. О впечатлении, которое производил Менжинский, рассказывает Троцкий: «Будет точнее всего выражение, если я скажу, что он не произвел никакого впечатления. Он казался больше тенью какого-то другого человека, неосуществившегося, или неудачным эскизом ненаписанного портрета». «Иногда только вкрадчивая улыбка и потаенная игра глаз свидетельствовали о том, что этого человека снедает стремление выйти из своей незначительности» (Моя жизнь, т. II, с.181). Менжинский принадлежал в свое время к антиленинской группе «Вперед», возглавлявшейся Богдановым, и был непревзойденным конспиратором: лишь один раз, в 1906 году в Петербурге, полиции удалось застукать его в обществе Харики и Фрумкина, членов редколлегии газеты «Казарма», а также некоего А. Браудо (Т. Гладкова и М. Смирнова, Менжинский. М., 1969, с.99). Этому Браудо много внимания уделил В.Я. Бегун в своей книге «Рассказы о «детях вдовы» (Минск, 1983, с.84–89). В 1937 году в Париже вышел целый сборник воспоминаний об Александре Исаевиче Браудо (имя и отчество-то совсем как у

Солженицына!). Такая честь ему была оказана потому, что он был видным масоном, активным закулисным дирижером и живым связующим звеном между сионистской верхушкой и подчиненными ей масонскими кругами. В свете этих данных контакты Менжинского с Браудо представляют чрезвычайный интерес.

Организаторы процесса 1938 года потрясли публику душещипательной историей о том, как доктор Казаков убил Менжинского по наущению Ягоды, которому Менжинский будто бы мешал, но история эта явно отдавала липой. Менжинский был наркоманом, не зря, как отмечает Троцкий, «по лицу его блуждала обычно растерянная улыбка лунатика» (Л. Троцкий. Сталин, т. II, с.269). В 1934 году Менжинского, давно превратившегося в живой труп, даже не избрали в состав ЦК, так что он никому уже не мешал и никому не надо было его убирать. В июле 1934 года НКВД СССР, созданный взамен ОГПУ, законно возглавил ставленник и родственник Свердлова Г. Ягода, бывший зам. председателя ОГПУ с 1924 года. Первым заместителем Ягоды стал Я.С. Агранов (Сорензон), старый друг Сталина, убийца Н.С. Гумилева, любовник Лили Брик и непосредственный организатор «самоубийства» Маяковского. Наряду с Ягодой и Аграновым систему возглавили М. Берман – начальник ГУЛАГа, К. Паукер – венгерский еврей из австрийских военнопленных, бывший парикмахер Будапештской оперы, а потом начальник оперативного отдела ОГПУ и по совместительству – брадобрей и шут при Сталине: С. Урицкий

Племянник М.С. Урицкого, начальник контрразведки; А. Слуцкий – начальник иностранного отдела и его заместители – Б. Берман и Шпигельглас. К этой же славной когорте принадлежали и «герои» строительства Беломорканала, на откосах которого А. Солженицын предлагает выложить шесть фамилий главных надсмотрщиков, шестерых наемных убийц, записав за каждым тысяч по сорок жизней: Семен Фирин–Матвей Берман–Нафталий Френкель–Лазарь Коган–Яков Раппопорт–Сергей Жук. Да приписать сюда начальника ВОХРы Бродского. Да куратора канала от ВЦИК Сольца (Архипелаг ГУЛАГ, 1987, т. II, с.93). НКВД тех времен – это также Дерибас, Гай, Кацнельсон, Лацис, Мессинг, Стырне, Артузов, Аршакуни, Пилляр, Слонимский, Залин, Лордкипанидзе, Заковский – словом, совершенно жуткая организация, но ее никогда не обличал в своих магнитофонных балладах покойный А. Галич (Гинзбург), присяжный плакальщик «жертв 1937 года», т.е. утратившей свои господствующие позиции еврейской советской элиты. Как и для Ю. Карякина, для Галича самой ненавистной личностью был Жданов, «толстомордый подонок с глазами обманщика», а главными мучениками «треть эка из ЦК» и невинные младенцы, вроде Зощенко, который, кстати, входил в ту пресловутую группу из 36 советских писателей во главе с М. Горьким, авторов позорной книги о Беломорканале, заклеянных А. Солженицыным за то, что они впервые в русской литературе восславили рабский труд в ягодинских лагерях. И Ю. Карякин тоже, понося Жданова, выгораживает Ягodu. Этим обличителям сталинизма нет дела до исторической истины. Для них только Ежов изверг, а Ягода, очевидно, герой. Царствуй Ягода до сих пор, не нарушилось бы никакими катаклизмами процветание любезных сердцу А. Рыбакова «детей Арбата», той элиты, которая, как говорится в известном стихотворении С. Куняева, «танцевала танго и чарльстоны, чтоб заглушить

беломорские стоны, и продолжали бы эти детишки жить, как дальше в том же стихотворении

Дети Арбата свободою дышат
И ни проклятий, ни стонов не слышат,
Славят чекистов и любят Вождя, –

и продолжали бы любить и славить, и не подались бы в диссиденты сын члена ЦК Якира, внук члена ЦК Литвинова, племянник члена ЦК Пятницкого (Тарсис), сын одного из делегатов съезда «БЖ» Окуджава и многие им подобные. Они обозлились на Сталина за отнятые привилегии, но совершенно верно сказал в их адрес тот же С. Куняев:

Чад Арбата! Ты местию дышишь,
Но на грузинское имя не спишешь
Каждую чистку и каждую пядь –
Ведь от подвала в Ипатьевском доме
И до барака в республике Коми,
Как говорится, рукою подать.

(Размышления на Старом Арбате. «Наш современник», 1988, №7)

Мнение С. Куняева могут счесть предвзятым, но вот объективный голос из другого лагеря. Н.Я. Мандельштам, в своих воспоминаниях осуждает людей 20-х годов, которые не признают себя ответственными за то, что произошло после, хотя «именно люди 20-х годов разрушили ценности и нашли формулы, без которых не обойтись и сейчас: молодое государство, невиданный опыт, лес рубят – щепки летят... И именно люди 20-х годов начали аккуратно отделять овец от козлиц, своих от чужих, сторонников «нового» от тех, кто еще не забыл самые примитивные правила общежития». «Двадцатые годы, – заключает Н.Я. Мандельштам, – это период, когда были сделаны все заготовки для нашего будущего: казуистическая диалектика, развенчивание ценностей, воля к единомыслию и подчинению» (Н.Я. Мандельштам. Воспоминания. Нью-Йорк, 1976, с.175-176).

Завет Н.Я. Мандельштам не мешает напомнить нынешним демократам», требующим репрессий против инакомыслящих («красно-коричневых» на их собачьем жаргоне). Террор – это такой волк, который обязательно придет и к двери тех, кто спустил его с цепи.

Тридцатые годы выросли из двадцатых. Г. Ягода – фигура, объединяющая два этих десятилетия. Он, кстати, был «меценатом», – может быть, поэтому о нем так жалеет Ю. Карякин. Под крылышком Ягоды процветала группа литераторов во главе с его родственником Л. Авербахом, который направлял и организовывал травлю каждого русского таланта, появлявшегося на горизонте, – Есенина, Фурманова, А. Толстого, Шолохова, Маяковского. Зато до небес превозносились совершенно забытые сегодня еврейские «гении» – Безыменский, Уткин, Либединский. В одной компании с Авербахом подвизались Киршон, Б. Ясенский, а также, как ни странно (а, может быть, вовсе и не странно) Д. Мирский – сын П. Святополка-Мирского, царского министра внутрен-

них дел и главного организатора расстрела 9 января 1905 года.

По иронии судьбы, Сталин именно Ягоду и сделал главным исполнителем своих замыслов. Как сообщает Р. Конквест (Великий террор, с.75), второй заместитель Менжинского Меер Трилиссер подсиживал своего соперника и разрыл данные о том, что Ягода фальсифицировал свое дореволюционное прошлое (еще одна прелестная картинка на тему о еврейской солидарности). Сталин с удовольствием воспользовался этими сведениями, убрал Трилиссера из ОГПУ, а из Ягоды сделал послушное орудие своих замыслов.

Между тем, жизнь шла пока своим чередом. В августе 1934 года состоялся первый съезд союза советских писателей. Что это был за союз, нас опять осведомляет неумолимая статистика: из 400 делегатов на 200 русских приходилось 113 евреев (в московской делегации пропорция составляла соответственно 91:57). А. Куприн писал 18 марта 1909 года Ф. Батюшкову, что каждый еврей родится на свет Божий с предначертанной миссией быть русским писателем, – советская власть, как видим, предоставила евреям самые широкие возможности для выполнения этой их миссии.

Но роковые события приближались. В августе 1934 года Киров, как уже говорилось, заехал на юг к Сталину и Жданову, в сентябре навестил своего старого друга Л. Мирзояна в Казахстане, а 1 декабря 1934 года соперник Сталина был убит.

Убийство Кирова, как и убийство Кеннеди, до сих пор остается «тайной века», хотя и в том, и в другом случае речь идет о секрете полишинеля. Всем давно все ясно, просто вещи официально не названы своими именами. Хрущев на XXII съезде очень прозрачно намекал, что Киров был убит по приказу Сталина, но не решился сказать это прямо. Даже то, что говорилось на процессе 1938 года, могло бы заставить публику заподозрить неладное, происходит этот процесс в иной обстановке.

По схеме процесса дело обстояло так. В роли главного дирижера выступал Запорожец, заместитель начальника ленинградского НКВД Ф. Медведя, действовавший по приказу Ягоды. Сам Ягода на процессе уверял, будто получал распоряжения от Енукидзе, которого расстреляли в конце 1937 года, так что опровергать это утверждение было некому. Р. Конквест подозревает, что ссылка на Енукидзе со стороны Ягоды была только закамуфлированным намеком на приказ, исходивший от некоего грузина, причем на самом деле имелся в виду Сталин, так как Енукидзе по своему положению (он был всего лишь секретарем ЦИКа) приказывать Ягоде не мог (Великий террор, с.76). Так или иначе, Николаев, убийца Кирова, дважды задерживался сотрудниками НКВД с оружием и схемой передвижения Кирова по городу и оба раза освобождался по приказу Запорожца. Так или иначе, на следующий день после убийства Кирова была организована гибель в автомобильной катастрофе его охранника Борисова. Все эти факты фигурировали уже на процессе 1938 года, Хрущев не сказал ничего нового.

В том, что Киров был устранен по приказу Сталина, сомневаться не приходится. Сталин таким образом убивал сразу двух зайцев: избавлялся от глав-

ного соперника и создавал напряженную обстановку, позволявшую произвести массовую расправу с неугодными людьми.

«Зная сегодня Сталина,— пишет Д. Волкогонов,— его исключительную жестокость, коварство и вероломство, вполне можно предположить, что это его рук дело». «Даже сталинская любовь к Кирову (факты убеждают, что она была) не остановила, по-видимому, его перед тем, чтобы устранить популярнейшего человека, потенциального противника» (Триумф и трагедия. кн. I, ч.2, с.89,95). Если Волкогонов решается на такое предположение, то уж не следует говорить о «любви», иначе получается анекдот на уровне песенки «У попа была собака». Но многие до сих пор не решаются. Бывший охранник Сталина А. Рыбин по-прежнему снято верит всему, что говорилось на процессах 30-х годов («Русский Вестник», 1991, №4), подобно тому, как дон Кихот уверовал в реальность событий кукольного спектакля. Но особенно старается историк партии А. Кирилина, которая то, как А. Рыбин подозревает в Ягоде инициатора, а не исполнителя, и даже выгораживает Запорожца, которого в конце ноября – начале декабря 1934 года не было в Ленинграде, то даже не исключает «элемент трагической случайности». По мнению А. Кирилиной, «объяснять эту трагедию только результатами голосования на XVI съезде – значит упрощенно толковать проблему» (А. Кирилина. Роковой выстрел. «Московская правда», 10 ноября 1988).

Смехотворность потуг А. Кирилиной убедительно доказал А. Антонов-Овсеенко в серии статей «Убийцы Кирова» («Гудок», 11–13 апреля 1989). По его словам, А. Кирилина «упорно, последовательно отводит подозрения от Вождя» и осознанно уводит нас на ложный путь». А. Антонов-Овсеенко прекрасно понимает цену «алиби» Запорожца, предусмотрительно уехавшего лечиться в Кисловодск. Но всего важнее новые сведения, приводимые в упомянутых статьях об убийцах Кирова.

Покидая здание ЦК после беседы со Сталиным по окончании съезда, Киров имел все основания опасаться за свою жизнь. Об этом он сказал Ф. Медведю, полномочному представителю ОГПУ в Ленинградской области. В центральном аппарате НКВД ситуация, сложившаяся наверху, стала ясна сразу. Гибель Кирова предрешена – об этом толковали в гостинице НКВД на Сретенке «Селект».

Летом 1934 года Киров встретился в Сестрорецке со своим другом бакинских времен А. Севостьяновым и сказал ему: «Алеша, моя голова уже на плахе. Меня убьют». Аналогичные опасения высказывал он и секретарю Выборгского райкома партии П. Смородину. Свояченица Кирова Софья Маркус лишь через много лет рассказала, что Киров с февраля 1934 года жил в ожидании смерти.

Осенью 1934 года в Казахстане была подстроена авария, Машина, в которой ехал Киров, полетела под откос, но тогда Киров уцелел. После этого Кирова пытались устранить с помощью уголовников братьев Орловых, сидевших в ленинградской тюрьме в ожидании смертной казни. За убийство Кирова им была обещана жизнь, но их попытка была неудачной.

За месяц до убийства Кирова к Иовлеву, секретарю председателя Леноблисполкома П. Струппе, пришла жена одного из ответственных сотрудников НКВД и рассказала, как ее муж с сослуживцами в ее присутствии обсуждали во время пьянки предстоящее убийство Кирова. Заботливый муж после этого упрятал опасную свидетельницу в сумасшедший дом.

А блюстительница чистоты партийных риз А. Кирилина все еще не исключает «элемент трагической случайности». Нет, Николаев оказался в Смольном 1 декабря 1934 года столь же случайно, как пресловутый рояль в кустах. Простым людям, в отличие от историков партии, все было ясно уже тогда. И сразу же после убийства Кирова пошла гулять по Ленинграду частушка:

Эх, Огурчики да помидорчики...
Сталин Кирова убил в коридорчике.

В ОЖИДАНИИ РАЗВЯЗКИ

Как пишет А. Антонов-Овсеенко в «Гудке», чекисты долго натаскивали Л. Николаева, науськивая его на Кирова. Озлобленному неудачнику дали понять, что такие черствые вожди, как Киров, подрывают партию изнутри, поэтому необходимо спасти партию, избавить ее от опасного врага. К политическим Мотивам добавили и личный: Николаеву намекнули, что Киров состоит в интимной связи с его женой, Мильдой Драуле.

Кстати, вполне возможно, что это вовсе не было выдумкой. Как утверждает А.Т. Рыбин, жена Кирова М.Л. Маркус была «женщиной неуравновешенной, страдающей отклонениями в психике и по состоянию здоровья весьма слабой. По этой причине Киров имел знакомых женщин в городе и под Ленинградом» («Русский Вестник», 1991, №4). Очень мило, конечно, звучит: не только в городе, но и в окрестностях. Одного города Кирову, при его темпераменте, было мало. Находившийся в ссылке бывший секретарь Орджоникидзе В. Панкратов сказал, узнав о гибели Кирова: «Если его убил Сталин, он теперь всех нас уничтожит. Если Сергей Миронович погиб из-за женщины – это другое дело» («Гудок», 13 апреля 1989). Зная нравы Кирова, Панкратов, таким образом, допускал, что Киров мог погибнуть из-за женщины.

Л. Николаев был маленьким человеком с большими претензиями. В своем дневнике он писал: «Я пришел в этот мир, как новый Желябов. Я совершу освободительный акт и спасу Россию». Но, по верному наблюдению Ницше, «одно – мысль; другое – дело, третье – образ дела». Преступник, который был на высоте своего дела, когда совершал его, не выносит образ уже совершенного дела. Так произошло и с Николаевым: сразу же после убийства он впал в истерику, а когда в Ленинград прибыла следственная комиссия с самим Сталиным во главе, Николаев на первом же допросе повалился на колени и указал на чекистов: «Это они меня заставили! Четыре месяца меня ломали! Они сказали мне, что это нужно партии и государству». Свидетелями этой сцены были второй секретарь Ленинградского обкома Чудов, выражавший уверенность, что Николаева сразу же после этого прикончили, и областной прокурор Пальгаев, который застрелился, поняв, что услышанное все равно будет стоять ему жизни («Гудок», 12 апреля 1989).

Сталин поспешил извлечь из убийства Кирова максимум политических выгод и приказал разыграть для публики судебный фарс. Сначала следили дело о Ленинградском террористическом центре, главой которого объявили Ивана Котолынова, бывшего члена ЦК ВЛКСМ, исключенного из партии в 1927 году за участие в зиновьевской оппозиции. 13 человек, пришитых к Николаеву, виновными себя не признали, но, тем не менее, были расстреляны. Потом к одному Ленинградскому центру решили добавить и второй – арестовали 77 человек во главе с бывшим членом ЦК П. Залуцким, после чего распространили репрессии и на Москву. Арестовали Зиновьева и Каменева, бывшего секретаря Ленинградского обкома Григория Евдокимова, бывшего начальника Ленинградского ГПУ Ивана Бакаева и ряд других бывших функционеров.

Здесь необходимо дать одно пояснение. А.Т. Рыбин, видимо, по старости, путает двух Евдокимовых. Он называет Секретарем Северо-Кавказского крайкома «ярого троцкиста Г. Евдокимова», тогда как на самом деле этот пост занимал Ефим Евдокимов, Старый чекист, «прославившийся своими зверствами после занятия красными Крыма и фабрикацией пресловутого «шахтинского дела».

По делу Московского центра Зиновьеву дали десять лет, Каменеву сначала пять, потом добавили еще пять, Евдокимову и Бакаеву – по восемь. Тогда же, в январе 1935 года, судили ленинградских чекистов. Из двенадцати человек наибольший срок получил Бальцевич – десять лет, а Ф. Медведь – всего три года и поехал на Беломорканал к Раппопорту. Запорожец прибыл на Колыму, как рассказывают очевидцы, при всех регалиях, и возглавил Дальстрой. Всю эту компанию расстреляли в 1937 году.

Не прошло и двух месяцев после гибели Кирова, как оппозиция понесла новую тяжелую утрату. 25 января 1935 года, не дожив до 47 лет, скончался В.В. Куйбышев.

На процессе 1938 года и эта Смерть была объявлена неестественной. Обвинили в ней секретаря Куйбышева Максимова-Диковского, якобы тоже действовавшего по наущению Ягоды и Енукидзе. Но и тогда это обвинение выглядело слишком надуманным. Куйбышеву, видите ли, во время сердечного приступа нужно было лежать, а Максимов позволил ему уйти домой. Тогда эта версия была, скорее всего, состряпана наспех, просто для нагнетания напряженности, но если в те времена все валили на «врагов народа», то в наши времена стало модным налить все на Сталина, на которого теперь вешают и смерть Куйбышева. Занимается этим, в частности, сын Куйбышева Владимир (см. статью Н. Зеньковича «Коба не мог простить» «Подмосковные известия», 11 октября 1991). Психологическая подоплека якобы заключалась в том, что Сталин относился с предубеждением и подозрительностью к таким людям, как Куйбышев, выходцам из потомственных дворянских семей, получившим прекрасное образование. Но главное, чего «Коба не мог простить» Куйбышеву, – это требования создать параллельную комиссию ЦК по расследованию обстоятельств гибели Кирова, внесенного Куйбышевым на заседании Политбюро в конце декабря 1934 года. Приплетается к делу и скандал, якобы разыгравшийся в конце сентября 1934 года на закрытом заседании Политбюро в связи с разглашением Сталиным военных тайн в беседе с иностранной делегацией. Заседание это, как нас уверяют, было созвано по

инициативе Куйбышева и Орджоникидзе, и «если бы Молотов и Енукидзе не воздержались тогда при голосовании и если бы Калинин не выступил с примирительной речью, то еще неизвестно, как бы сложилась судьба Сталина». Вся эта история сильно отдает липой. Подозрительно уже одно то, что на закрытом заседании Политбюро по этой версии принимает участие и даже голосует Енукидзе, который в Политбюро не входил и посему прав таких не имел.

Куйбышев, скорее всего, умер своей смертью, просто будучи не в силах перенести потерю второго «ведущего» после Фрунзе. И на тот свет он последовал за Кировым столь же верно, как следовал за ним при жизни.

1 февраля 1935 года Пленум ЦК пополнил поредевшие ряды Политбюро, избрав его членами Микояна и Чубаря, кандидатами – Жданова и Эйхе и секретарями ЦК – Андреева и Ежова. Влияние последней личности растет с каждым месяцем.

Выдвигая Микояна, Сталин награждал его за верную службу, а, с другой стороны, создавал у оппозиции иллюзию, будто соотношение сил в Политбюро остается прежним, если, конечно, она продолжала считать Микояна за своего и еще не раскусила его двойную игру. Иллюзия эта подкреплялась тем, что Куйбышева заменил В.Я. Чубарь, много лет занимавший пост председателя Совнаркома Украины, а в 1934 году назначенный заместителем председателя СНК СССР.

Латыш Роберт Индрикович Эйхе, «хозяин» Сибири, уже упоминался ранее как один из «героев» коллективизации, до расплаты за свои злодеяния этим «героям» оставалось кому два, кому три года, но в 1935 году они еще не знали, что их ждет, а кое-кто, как видим, даже продолжал возвышаться.

Новое назначение Андреева предвещало оттеснение на второй план Кагановича. Они поменялись местами: Андреев из наркомов путей сообщения перешел в секретари ЦК, а Каганович стал наркомом путей сообщения, номинально оставаясь секретарем ЦК, но фактически уже уступив этот пост. В МК Кагановича одновременно заменил Хрущев. Список жертв позднейшей чистки показывает, что кадровая политика Кагановича в Москве определялась его национальными симпатиями. Так, секретарями МК были Коган и Марголин, заместителем председателя исполкома Губерман секретарями райкомов – Воловик, Левенштейн Маргевич Трейнас, Першман, Гутин, зав. отделами МК – Крымский, Верклов, Барлебен, Фурер и т.д.

1935 год ознаменовался так называемым «кремлевским делом» (см. «Известия ЦК КПСС» 1989 года г №7). Дело это сплели вокруг работавшей в Кремлевской библиотеке Нины Розенфельд, армянки, бывшей жены художника Николая Розенфельда, брата Каменева. За знакомство с членами этой семьи пострадали в общей сложности 110 человек, включая библиотекарей и уборщиц из технического персонала Кремля, а также двое помощников коменданта Кремля Дорошин и Павлов, секретарь для поручений коменданта Кремля Синелобов, начальник АХО Поляков, комендант Большого Кремлевского дворца Лукьянов и работники разведуправления Красной армии Чернявский и Бенет. Библиотекарей Р. Розенфельд и Муханову, а также поручи-

ченца Синелобова обвинила в подготовке покушения на Сталина. По приговору военной коллегии Верховного суда СССР были расстреляны двое – Синелобов и Чернявский, остальные осуждены к разным срокам заключения. Сам Л.Б. Каменев получил 10 лет вместо первоначальных пяти, бывшие супруги Розенфельды по 10 лет, их сын Борис, инженер – 5 лет, другой инженер Сергей Седов, сын Троцкого, тоже пять лет.

В этой Связи на июньском (1935) Пленуме ЦК ВКП(б) был заслушан доклад Ежова «О Служебном аппарате секретариата ЦИК СССР и товарище А. Енукидзе». В докладе говорилось, что из-за преступного попустительства Енукидзе на территории Кремля была создана целая сеть «террористических групп». Пленум постановил вывести Енукидзе из состава ЦК и исключить его из рядов партии. В печати появилась статья Жданова и Хрущева, обвинявших Енукидзе в «гнилом либерализме» и в том, что он давал приют «контрреволюционерам». Так закончилась партийная карьера Авеля Енукидзе, «рыжего Авеля», как любовно называет его Н. Мандельштам благодарная ему за участие в Судьбе своего мужа.

Но, в общем, жизнь пока шла своим чередом, без особенных потрясений, и даже стала лучше, чем прежде: повысился жизненный уровень, была отменена карточная система. И только стрелки чутких сейсмических приборов слегка подрагивали, готовясь к бешеной пляске.

Сталин оставался неудовлетворенным: он выжал еще не все возможности из старой оппозиции. Физическое уничтожение давно обезвреженных политических деятелей отнюдь не было для него самоцелью, главной задачей оставалось раздувание страстей, создание атмосферы истерической подозрительности, которая одна только и могла развязать ему руки для полной и окончательной расправы с верхушечной оппозицией. И исподволь начал готовиться первый из знаменитых московских «больших процессов».

Важную роль в этой операции играли провокаторы НКВД, двойные агенты, неожиданно для себя ставшие жертвами. Игра велась по разработанной давно, со времен операции «Трест» методике: как в начале 1936 года провокатор Валентин Ольберг, безуспешно пытавшийся пролезть к Троцкому, разыграл из себя троцкистского эмиссара и создал тайную организацию среди студентов, так на большой процесс первым стали натаскивать провокаторов НКВД в Германской компартии и Коминтерне Фрица Давида и Конона Берман-Юрина, а также двух явных лжесвидетелей, Моисея и Натана Лурье. Заставили признаться в не совершенных ими преступлениях бывшего начальника охраны Троцкого Эфраима Дрейцера, бывшего секретаря Зиновьева Рихарда Пикеля, бывшего председателя профсоюза текстильщиков Исаака Рейнгольда. К этой же компании пришили уже знакомого нам Ивана Никитича Смирнова, якобы оспаривавшего у Сталина должность генсека, Николая Ивановича Муралова, военного руководителя Октябрьской революции в Москве, а позже – командующего МВО, а также Гольцмана, Тер-Ваганяна, Мрачковского и других.

Ошибочно думать, будто все эти признания добывались только битьем. Применялись и более изощренные, иезуитские методы, основанные на знании извращенной психологии старых партийцев, готовых на все ради Партии –

высшей ценности в их жизни. Эти методы описаны в романе А. Кестлера «Слепая тьма», и сам Кестлер был удивлен, насколько точно он угадал их, когда прочел воспоминания беглого советского разведчика Кривицкого, рассказывавшего, как его сослуживец Слуцкий переубедил героя гражданской войны Мрачковского, который, как и И.Н. Смирнов, несмотря на все пытки, отказывался подписывать липовые показания. Мрачковский знал, что в стране накопилось недовольство, угрожающее взрывом, но объединение с людьми, посторонними партии, означало бы конец однопартийной системы, а Мрачковский слишком сильно веровал в идею диктатуры пролетариата и не смел посягнуть на нее даже мысленно. Мрачковский согласился со Слуцким, что настоящий большевик обязан подчинить собственные помыслы и Волю помысла, и воле партии и, если нужно, бестрепетно идти на смерть, а то и позорную смерть. И поскольку альтернативы сталинской машине власти, как выяснилось, нет, не остается ничего, кроме как, спасая этот режим, постараться предупредить обреченный взрыв недовольства разочарованных, дезориентированных масс. Для этого партии нужно, чтобы бывшие лидеры оппозиции публично признались в совершении чудовищных преступлений.

Придя к этому выводу, Мрачковский попросил о встрече со Смирновым и сказал ему: «Иван Никитич, дай им, чего они хотят. Это нужно дать.» (А. Кестлер. Трагедия «стальных людей». «Литературная газета», 1988, №31).

Советские чекисты охотно делились своим опытом в порядке оказания «интернациональной помощи», и работники братских секретных служб с успехом применяли те же методы. Польский журналист Виктор Ворошильский рассказал в своем «Венгерском дневнике» 1956 года, как в 1949 году готовили процесс Ласло Райка. Этому венгерскому коммунисту говорили примерно то же, что и Мрачковскому: «Страна переживает трудности. Но народ не поймет, почему, – в тонкостях экономики и политике он не разбирается. Скажем ему о предательстве – это говорит воображению каждого. Ты должен взять вину на себя. Это страшно, но ведь ты старый товарищ – неужели ты не поможешь партии?»

Вот такая партийная традиция тянулась с лета 1936 года. Этим летом, 18 июня, умер А.М. Горький. На процессе 1938 года эту смерть навесили на Ягоду, равно как и смерть сына Горького, Максима Пешкова. Ягода якобы подучил Крючкова, секретаря Горького, давать Максиму как можно больше алкоголя, а потом простудить его, «оставить как-нибудь полежать в снегу». Во исполнение этого приказа Крючков в сырую, холодную ночь 2 мая 1934 года оставил Максима одного, пьяного, на скамейке московского бульвара, после чего Максим заболел воспалением легких и умер. Как пишет Н. Берберова (Железная женщина, Нью-Йорк, 1982, с.262), «мало кто этому Верил. Максим был молод, спортивен, здоров». Ради правдоподобия пришлось добавить неправильное лечение, проводившееся сообщниками Ягоды, «докторами могильной медицины», как изощрялись газеты 1938 года, Левиными и Плетневым. Ягода, правда, уверял на суде, что действовал не по политическим, а по личным мотивам, – жена Максима Пешкова Надежда Введенская была любовницей Ягоды.

Этим же докторам было предъявлено обвинение, будто они по приказу Ягоды «залечили» и самого Горького. Обвинение это и тогда уже выглядело в достаточной степени липовым. Позже возникла встречная версия, будто Горького убрал Сталин, потому что «великий пролетарский писатель» якобы мешал развязать террор. На самом деле Горький давно уже никому и ничему не мешал. С одной стороны, вознесенный до небес и окруженный фимиамом, а с другой – взятый под неусыпный контроль, физически и морально сломленный, Горький, не глядя, подмахнул бы любой приговор, завизированный Сталиным. Фактически, как писатель и как человек, Горький умер уже давно, его физическая смерть за два месяца до начала «великого террора» не должна своей кажущейся своевременностью наводить на мрачные подозрения.

В номере 6 «Социалистического вестника» за 1954 год появилась фантастическая версия некоей Бригитты Герланд, будто бы сидевшей вместе с доктором Плетневым в лагере на Воркуте и слышавшей от него рассказ об отравлении Горького шоколадными конфетами. Н. Берберова пересказывает эту байку на стр. 303–304 своей упомянутой книги и считает это свидетельство «убедительным». На самом деле Б. Герланд не могла общаться с Плетневым: оставшихся в живых свидетелей инсценировок 30-х годов держали в строгой изоляции и не давали им особенно заживать. Как теперь установлено, Плетнев был расстрелян в 1941 году и по одной этой причине не мог ничего рассказать в 1948 году Б. Герланд (см. статью В.С. Барахова, зав. архивом Горького, в «Литературной газете», 1989, №28).

Если бы Сталин мог читать нашу прессу последних лет, статьи, в которых ему приписывались убийства Фрунзе, Куйбышева, Горького и других, он, наверно, не преминул бы процитировать монолог Бориса Годунова:

Кто ни умрет, я всех убийца тайный:
Я ускорил Феодора кончину,
Я отравил свою сестру царицу, – Монахиню смиренную... все я!

Первый большой процесс проходил в августе 1936 года под отдаленный грохот начавшейся 18 июля гражданской войны в Испании. Этот аккомпанемент был для Сталина как нельзя более кстати, но испанские дела все же не настолько отвлекли розовую западную интеллигенцию, чтобы она не пришла в ужас от обилия смертных приговоров в Москве. 25 августа 1936 года Зиновьев, Каменев, И. Смирнов и другие отправились в тот мир, отправку куда политических противников они одно время считали своей политической монополией, в чем глубоко заблуждались.

ЕЖОВ И ЕГО ЭСФИРЬ

В особое производство по процессу 1936 года были выделены дела Гертика, Гринберга, Гавена, Маторина, П. Ольберга, Файниловича, комдива Д. Шмидта, с которого начали разматывать Оппозицию в армии, и ряда других. Приплели к этому делу и Виссариона Ломинадзе, который после опалы работал Секретарем Магнитогорского горкома и своевременно покончил с собой в 1935 году.

Однако попытка сразу же развить атаку не удалась. 10 сентября 1936 года «Правда» объявила о Снятии обвинений с Бухарина и Рыкова. В отличие от Зиновьева и Каменева, давно бывших политическими трупами, эти деятели еще держались на последней Ступеньке власти. На XVII Съезде Бухарин, Рыков и Томский были избраны кандидатами в члены ЦК. Бухарин редактировал «Известия», Рыков занимал пост наркома связи.

Р. Конквест полагает, что за них ходатайствовали «некоторые члены Политбюро», не уточняя, о ком именно идет речь (Великий террор, с.214). В Политбюро к этому времени остался, пожалуй, лишь один человек, который мог рискнуть выступить с подобным ходатайством, – это Орджоникидзе. Внезапно уперся и безотказный до тех пор Ягода. Связи между бывшей правой оппозицией, Ягодой и Орджоникидзе можно проследить по линии ЦИКа, через Енукидзе, который стал Секретарем ВЦИК еще при жизни Свердлова, а Ягода, как уже говорилось, был Родственником и протеей Свердлова. С другой стороны, членом ЦИК долгое время был Томский. Енукидзе также с давних пор был хорошо знаком с Орджоникидзе. Не Случайно на процессе 1938 года из Енукидзе сделали главную пружину заговора и приписали ему роль связующего звена и передатчика приказов между несуществующим «правотроцкистским центром» и Ягодой. Мифология творилась не на пустом месте, а вокруг вполне реальных связей, но совсем иного характера. Однако Енукидзе не удалось сломать и заставить изображать из себя шута на процессе 1938 года. Напраслину налили уже на мертвого: самого Енукидзе расстреляли в декабре 1937 года.

Обнаружившаяся ненадежность Ягоды послужила поводом для того, чтобы устроить наконец-то погром в той еврейской лавочке, в которую он превратил НКВД, и которую до сих пор оплакивает горячими крокодиловыми слезами Ю. Карякин. 25 сентября 1936 года с юга полетела знаменитая телеграмма-молния Сталина и Жданова (они опять отдыхали вместе): «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение Т. Ежова на пост наркомвнудела, Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на четыре года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД» .

В результате через 19 лет после установления Советской власти ее карательный аппарат впервые возглавил русский. Возможно, именно это обстоятельство и вызывает особую злобу у некоторых нынешних авторов, вроде В. Тополянского, который в своей статье «Ежов: портрет палача» («Независимая газета», 4 декабря 1991) рисует нам портрет не человека, а какого-то изначально ущербного существа с целым букетом физических и нравственных пороков: здесь и «инфантилизм», и «сопутствующая общему физическому инфантилизму задержка психического развития», и «особая жестокость испорченного и недоразвитого ребенка», и алкоголизм. Г. Цитриняк в статье «Расстрельное дело Ежова» («Литературная газета», 1992, №7) добавляет к этому еще и заимствованное из приговора по делу Ежова обвинение в педерастии.

Эту тенденцию изображать Ежова заведомым монстром еще в 70-х годах пытался предупредить в своей самиздатской статье о Ежове М. Бернштам, кото-

рый, наоборот, подчеркивал ординарность Ежова, видя в нем типичного партийного функционера. И действительно, в биографии Ежова нет ничего необычного: родился в 1895 году в Петербурге, из рабочих, сам работал с 14 лет, в 1917 году стал большевиком, участвовал во взятии Зимнего дворца, в 20-х годах работал секретарем Казахского крайкома. Паренька заметили, и его взял в свой секретариат Сталин. Это уже было залогом грядущей карьеры. Из этого же аппарата, который возглавлял сначала И.П. Товстуха (умер в 1935 году), а потом А.Н. Поскребышев, взлетели позже к вершинам власти Маленков и Мехлис. В 1929–1930 годах, то есть в разгар коллективизации, Ежова приставили заместителем к наркому земледелия Яковлеву (Эпштейну), а в 1930–1934 годах поставили во главе распредотдела и отдела кадров ЦК.

Сталин дураков и бездельников не держал. В Ежове ему понравились исполнительность и пунктуальность – качества, которыми инфантильные люди, к сведению В. Тополянского, как раз не блещут. И можно вполне поверить Молотову, что Ежов был «очень напористый, крепкий работник». И напрасно Г. Цитриняк задним числом выговаривает Н.Я. Мандельштам за ее отзыв о Ежове как о «скромном и довольно приятном человеке», Хрущев ведь тоже подтверждает: «Ежов на меня производил впечатление хорошее, он был внимательным человеком». Подобные отзывы говорят в пользу версии Бернштама: Ежов не был Монстром от рождения, Монстром его сделала система, Монстром от рождения была та организация, во главе которой Ежова поставили в 1936 году.

Следующий вопрос: сказалось ли как-то на деятельности Ежова его русское происхождение? На этот вопрос нужно дать совершенно четкий отрицательный ответ. Считать Ежова «русской метлой» столь же нелепо, как Сталина – «русским вождем». Хотя Ежов и возмущался «ягодинским отродьем» за то, что оно «каждое троцкистское дело называло «липой», и хвастался тем, что «почистил 14 тысяч чекистов», он сам признавал: «Огромная моя вина заключается в том, что я мало их почистил» (эти показания Ежова цитируются в статье Г. Цитриняка). Ежова продолжало окружать то же самое «ягодинское отродье». Сначала его первым заместителем был М. Берман, бывший начальник ГУЛАГа, затем – садист Заковский, орудовавший ранее в Ленинграде и кичившийся тем, что и Маркса заставил бы признаться в шпионаже в пользу Бисмарка. Другим заместителем Ежова был Фриновский, бывший начальник погранвойск, который, как мы помним, в начале 30-х годов подавлял восстание на Северном Кавказе. Оставались в аппарате Ежова и другие ягодинские кадры, которые позже добивал уже Берия.

Возможно, кто-то, может быть, тот же Жданов и рассчитывал использовать Ежова в качестве «русской дубинки», однако материал для этого орудия был выбран крайне неудачно.

Есть такая книга «Эсфирь XX века», изданная в Израиле (к сожалению, не имею возможности назвать ни ее автора, ни выходные данные). И вы знаете, о ком она? О Евгении Соломоновне Хакотиной, супруге Н.И. Ежова. Библейская Эсфирь, как известно, будучи любовницей персидского царя, сумела отвести беду от евреев, обратив репрессии, нацеленные на них, против персидских «антисемитов» во главе с министром Аманом. «Книга Эсфири» чистой воды литература, в истории Персии такой эпизод не известен, но биб-

лейская выдумка содержит рецепт действий на все времена. И «Эсфирь XX века», зная о готовящихся репрессиях и их антиеврейской направленности, заблаговременно известила соответствующие центры, и оттуда была разослана директива на места «писать как можно больше доносов на русских».

Е.С. Ежова умерла в подмосковном санатории 21 ноября 1938 года, то есть незадолго до снятия Ежова, от отравления люминалом. Ее тоже заподозрили в «шпионаже». А Ежову в приговоре инкриминировали и убийство жены.

Но все это случилось потом. А начал Ежов свою деятельность во главе НКВД по старому шаблону. Шел набор контингента для второго большого процесса. От первой забранной партии оставался неиспользованным еще Муралов, которого доломали лишь в декабре 1936 года. К нему добавили старых оппозиционеров Пятакова и Сокольников. Первый из них еще был членом, а второй кандидатом в члены ЦК, и оба занимали важные хозяйственные посты. Для вящей убедительности примешали к делу Серебрякова и Радека, бывшего секретаря ЦК КП(б)У Дробниса, а также начали понемногу шерстить и советских «менеджеров» – начальника главка химической промышленности Ратайчака, директора горловского азотного завода Пушина, заместителей Кагановича по НКПС Лившица, Князева и Турока, а после взрыва на шахте в Кемерово арестовали и местных руководителей Норкина и Носкова. Не обошлось и без провокаторов – Шестона и Граше. Наконец, впервые появился в деле и масон (что ему тоже ставилось в вину) – Арнольд, обвинявшийся в покушении на Молотова в Кузбассе (разумеется, липовом).

Это был масон первый, но отнюдь не последний. Как пишет А. Ваксберг в статье «Масон, зять масона» (Литературная газета, 1990, №52), 16 мая 1937 года был арестован старый чекист Глеб Бокий, долгое время «курировавший» ГУЛАГ. Бокия обвинили «в организации масонской ложи с задачей свергнуть советский государственный строй». А. Ваксберг издевается над этим творчеством Следователей 1937 года, но надо сказать, в их творениях фигурируют и несомненные Масоны, например, известный сатанист Гурджиев, основавший в 1918 году, накануне отъезда в эмиграцию ложу «Единое трудовое братство», и знаменитый художник Н.К. Рерих. Преемником Гурджиев в роли «наставника ложи» был Некто А.В. Барченко, а ее членами, кроме Бокия, зам. Наркома иностранных дел Б. Стомоняков и член Комитета советского контроля И. Москвин, женатый на бывшей жене Бокия. Как установили в 1956 году, Бокий действительно занимался изучением структуры и идейных течений масонства.

Но мы несколько забежали вперед. Магистральную линию событий прервала в начале 1937 года интерлюдия с П. Постышевым. Р. Конквест утверждает, будто Постышев подал «один из самых сильных голосов за умеренный курс» (Великий террор, с.227). Это якобы и вызвало снятие Постышева в марте 1937 года, то есть после его выступления на февральском пленуме ЦК, с поста второго секретаря ЦК КП(б)У, причем заменил его на этом посту Мендель Хатаевич. Легенда о протесте Постышева против необоснованных репрессий муссировала в нашей прессе в хрущевские времена. На поверку же необоснованной оказывается сама эта легенда. Мы уже рассказывали о том, как свирепствовал Постышев в 1932 году в Нижне-Волжском крае. О дальнейших

его «подвигах» на Украине, где он громил местные национальные кадры, повествует в своей книге «К суду истории» Р. Медведев (стр.800–801), по словам которого именно Постышев вместе с начальником украинского ГПУ Балицким организовали травлю Скрыпника и довели его до самоубийства. В начале 1937 года Постышев посылал Балицкому десятки списков с сотнями фамилий ни в чем не повинных людей. И после февральского пленума Постышев продолжал санкционировать сотни и тысячи арестов. Линия его не изменилась и после того, как он был понижен в должности и назначен первым секретарем Куйбышевского крайкома. В 1938 году именно под его руководством Куйбышевский край был очищен от врагов народа с жестокостью, не виданной в других областях. Постышев санкционировал разгром почти всех краевых организаций, 110 райкомов, организовал провокационный открытый процесс ЗУ. Он переделывал многие из направляемых ему на визу приговоров, требуя нередко расстрела там, где прокурор и следователь считали возможным ограничиться 8–10 годами заключения. Постышев был снят, согласно официальной формулировке, «за истребление кадров» и с оглаской выведен из кандидатов в члены Политбюро только на январском пленуме 1938 года, когда было принято постановление, осуждающее массовые репрессии. Он всеми силами старался удержаться на волне террора, так что в «герои» явно не годится.

Не был героем и Орджоникидзе, который покончил с собой 13 февраля 1937 года. Вокруг него к этому времени все тесней сжималось зловещее кольцо. Были арестованы его старший брат Папулия, племянник Гвахария, директор Макеевского завода, и заместитель Орджоникидзе по наркомату тяжелой промышленности Гуревич. Позже, в 1941 году, забрали и двух других братьев Орджоникидзе Константина и Ваню, причем Константин просидел 15 лет. Потом все это объясняли враждой между Орджоникидзе и Берией, но в 1937 году Берия еще не распоряжался в НКВД. Обстановку психологического давления и запугивания вокруг Орджоникидзе создавал сам Сталин, стремясь нейтрализовать его, как одного из лидеров оппозиции, но неизвестно, входила ли в планы Сталина смерть Орджоникидзе. Хотя со своими грузинскими противниками Сталин расправлялся столь же беспощадно, как и со всеми прочими, он все же осознавал свою чужеродность в России и всегда стремился иметь среди ближайшего окружения кого-нибудь из «своих».

Г.К. Орджоникидзе среди коммунистических правителей нашей страны был отнюдь не из худших, так что непонятно, зачем вдруг вздумала задним числом опубликовать набор сплетен о нем «Российская газета» (3 июля 1992 года, статья А. Латышева «Позднее прозрение»). Надо сказать, что хуже всего относятся к Орджоникидзе в его родной Грузии, где в 1989 году первым делом разрушили именно его памятник, причем ни один завод даже не согласился взять ценный вроде бы металл на переплавку.

Ежовская чистка, как уже говорилось, была начата там, где ее и следовало начинать, – в аппарате НКВД, самом сильном и самом опасном центре инородческого влияния в стране. В марте 1937 года были арестованы почти все начальники отделов НКВД и за короткий срок перебиты 300 сотрудников этой кровавой организации, а в апреле 1937 года увидел свои решетки с обратной стороны и сам Ягода. О чем он думал, глядя на них? Вспоминал своего покровителя Свердлова? Жалел об упущенных возможностях? Почему он

дал себя сожрать, а не нанес удар первым, как Берия в 1953 году? Можно лишь предположить, что Ягода был склонен к самообольщению, считал, что Сталин без него не обойдется, надеялся на связанность общим преступлением, но он забыл о печальной участи тех, кто слишком много знает про своих хозяев. Берия учел ошибки Ягоды и постарался их не повторить.

ТУХАЧЕВСКИЙ

Иначе вели себя заговорщики 1934 года. Они-то все поняли. Поняли и сделали выводы. Игре без правил они тоже решили противопоставить игру без правил, тайному убийству – военный переворот, И главным козырем в этой игре стал давно мечтавший о лаврах российского Бонапарта маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский.

Родился он 16 февраля 1893 года в Дорогобужском уезде Смоленской губернии и принадлежал, со стороны отца, к старому дворянскому роду, матерью же его была простая крестьянка Мавра Петровна Милонова, на которую он, кстати, и походил внешне. Но неосведомленную публику обманывал блеск фамилии, о чем писал позже А.И. Тодорский в своей книге «Маршал Тухачевский» (М., 1966, с.5–7): «Чего только не было и нет в печатной стряпне досужей бульварной прессы! Тут и обязательно ветвистое генеалогическое древо древнейшего дворянского рода, наследственная «военная жилка» от предков XVII столетия, игра мечом в колыбели, увлечение с детства записками Юлия Цезаря о Галльской войне и суворовскими походами и битвами, неотвязная мечта о гвардейском мундире, безумное честолюбие и неуемная жажда славы. Вот в чем, оказывается, причина перехода аристократа Тухачевского в коммунистический стан, объяснение его блистательных военных побед. Вот, оказывается, почему он, блестящий гвардейский офицер столичного полка, «легко променял кичливый кивер на скромную буденовку... Иначе как и чем можно объяснить умопомрачительную карьеру безусого царского подпоручика?»

В этой тираде много сомнительных мест – и степень аристократизма у заведомого бастарда, и победы, не такие уж блистательные, как мы еще увидим, но вся она понадобилась Тодорскому лишь для такого эффектного конца: «Зазорно вести полководческое начало Тухачевского от Рюрика, Синеуса и Трувора, которые к советскому военному искусству не имеют абсолютно никакого отношения!»

Нельзя без отвращения читать эту спесивую болтовню не помнящего родства невежды, которого приучили с ухмылочкой относиться к русскому прошлому. Грянула война – и установились отношения и к Кутузову, и к Суворову, и к Александру Невскому, причем установились они даже раньше – в 1937 году, когда посадили Тодорского. И надо было посадить, чтобы чушь не порол.

Учился Тухачевский в Пензенской гимназии так себе. Зато 1-й Московский императрицы Екатерины 11 кадетский корпус окончил первым учеником. Затем Александровское военное училище – тоже блестящие успехи – и выпуск подпоручиком в лейб-гвардии Семеновский полк, в столичный гарнизон. Но тут как раз началась война, и полк сразу же послали на фронт.

Маршал С.С. Бирюзов в предисловии к «Избранным произведениям» Тухачевского (М., 1964) и тот же Тодорский пишут о «богатом, даже «богатыш» боевом опыте Тухачевского. Но когда, спрашивается, Тухачевский успел его набраться? Сначала его часть все время перебрасывали: двинули было в 1-ю армию Ренненкампа – передумали, стали формировать 9-ю армию Лечицкого для наступления на Берлин и семеновцев повезли в Варшаву, потом опять передумали и бросили на помощь 4-й армии в район Ивангород–Люблин. Проболтавшись таким образом с месяц, они приняли участие лишь во второй половине Галицийской битвы, а также в Ивангород-Варшавской и Ченстоховско-Краковской операциях. Это сентябрь, октябрь и ноябрь 1914 года. Где-то в это время Тухачевский успел еще съездить домой на похороны отца. В декабре активных военных действий не велось, в январе гвардия отдыхала. 19 февраля 1915 года Тухачевский попал в плен, в котором благополучно отсиделся всю войну. Там он, в частности, познакомился с де Голлем, у которого, как утверждают злые языки, и заимствовал ряд идей, позволивших ему позже создать себе репутацию «военного мыслителя». Говорят, Тухачевский пытался бежать, но неудачно. Не всем, конечно, везет. Но вот Л.Г. Корнилов, небось, бежал.

Итак, весь военный стаж Тухачевского – месяца три с чем-то, а вовсе не полгода, как накидывает Тодорский. Вернулся Тухачевский в Россию в октябре 1917 года и успел получить от издыхающего Временного правительства очередной чин поручика. В этом чине он и предложил свои услуги Советской власти. Рекомендовал его поляк Н. Кулябо, член ВЦИКа, а первым его советским начальником был Енукидзе. Прошу обратить особое внимание на фамилии людей, встречающихся на пути Тухачевского, – это имеет очень большое значение.

Посланный в Симбирск, Тухачевский сразу же попадает в заваруху муравьевского мятежа. Здесь он избежал расстрела только потому, что Муравьев решил блеснуть своим великодушием (Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965. с.43–44). Далее, по словам самого Тухачевского, все решили колоссальная энергия и находчивость председателя Симбирского губкома И. Варейкиса, который заманил Муравьева на переговоры и ликвидировал.

Так впервые встретились два главных будущих заговорщика – Варейкис и Тухачевский. Первому из них, во всяком случае, нельзя отказать в храбрости: в 1937 году он позвонил Сталину и заявил протест против ареста Тухачевского.

После расправы с Муравьевым Тухачевский стал командующим 1-й армией при члене РВС Куйбышеве. Это сочетание тоже интересно с точки зрения расклада сил в 30-х годах. Любопытно, что статья, в которой Куйбышев очень высоко отзывался о деятельности Тухачевского в период их совместной воинской службы, была напечатана в «Красной Звезде» 27 января 1935 года, т.е. через два дня после смерти Куйбышева. Деятельность эта, однако, не обходилась без конфузов: например, Тухачевский объединил командование тремя дивизиями в ходе Сызранской операции в руках своего земляка и сослуживца Энгельгардта, а тот возьми да и сбеги к Деникину (там же, с. 75–76).

С высшим командованием Тухачевский хронически не ладил. Главком Красной армии Вацетис однажды довольно грубой телеграммой потребовал от него, чтобы он побольше находился в штабе армии. Преемник Вацетиса С.С. Каменев с явной иронией отзывался о «поручике-командарме», а генералы из центрального ведомства неодобрительно ворчали по поводу фантазерства увлекающегося поручика». Тухачевский платил им тем же и доказывал в докладе Э. Склянскому, заместителю Троцкого, будто старое русское офицерство «не стояло на высоте своего дела», а хорошо подготовленный командный состав «имеется лишь среди молодого офицерства» (М.Н. Тухачевский. Избранные произведения, 1, с. 27–28). На этом, собственно, и выезжал Тухачевский: нахватавшись марксистских вершушек, писал опусы о «классовой стратегии» и безудержно льстил Троцкому, за что председатель РВС никогда не забывал помянуть Тухачевского в своих святых приказах.

В начале 1919 года Тухачевский командует 8-й армией на Южном фронте при члене РВС И. Якире. Завязывается еще один узелок веревочки, вившейся до 1937 года. Веревочка эта оставила кровавый след на донской земле: по пути 8-й армии трибуналами «во благо социальной революции» было расстреляно 8 тысяч человек газета», 23 апреля 1992 года). И на дону Тухачевский передвигал армию так, как считал правильным он сам, а не так, как того требовал командующий фронтом Гиттис. Позже, на Восточном фронте Тухачевский опять своевольничал и в грош не ставил приказы командующего фронтом Самойло.

В апреле 1919 года Тухачевский принял командование 5-й армией Восточного фронта, которая входила в группу войск, подчиненную Фрунзе. Членом РВС этой армии был И.Н. Смирнов, впоследствии ярый оппозиционер, расстрелянный по процессу 1936 года вместе с Зиновьевым и Каменевым. Троцкий писал о Смирнове и его команде в 1930 году: «Группируясь вокруг Смирнова, коммунисты 5-й армии слились в особую политическую семью, которая и сейчас, несколько лет после ликвидации 5-й армии, играет роль в жизни страны... Почти все без исключения оказались в составе оппозиции» (Моя жизнь, II, с.139). Это были готовые кадры для заговорщиков 30-х годов. Что же касается военных лавров, то и на Восточном фронте Тухачевский не очень блистал. Так, в ходе бугульминской операции 5-я армия достигла успеха лишь правым флангом, в то время как левый топтался на месте, а центр отступил. Развернул свои таланты Тухачевский лишь в процессе преследования уже отходивших колчаковских войск, за что и был отмечен приказом РВС и осыпан наградами.

В августе 1919 года вместо Фрунзе, командующим Восточным фронтом назначили бывшего генерала В.А. Ольдерогге. С ним у Тухачевского опять начались трения, на него он и пытался свалить вину за отступление своей армии за Тобол после контрудара белых. Сам Тухачевский так писал о действиях своих войск: «Контрманевр, предпринятый 5-й армией, мог бы нанести противнику очень сильное поражение. Однако этого не случилось» (Избранные произведения, т. 1, с.264). Почему же, спрашивается, не случилось, если «мог бы»? Об этом автор умолчал.

В январе 1920 года Тухачевскому поручают уже фронт – Кавказский, при члене РВС Орджоникидзе, И что же? В феврале белые наносят поражение 1-й Кавказской кавалерийской дивизии Гая и 28-й стрелковой дивизии, командир которой Азин погиб. Оттеснив эти дивизии за Маныч, белые ворвались в Ростов. Встречное наступление красных успеха не имело, поскольку между флангами 9-й и 10-й армий создался разрыв, и нарушилось их взаимодействие. (История гражданской войны в СССР, IX, с.297). Координировать действия войск в таких масштабах Тухачевский явно не умел.

Чем выше обезьяна лезет, тем больше она показывает зад. Упомянутый недостаток Тухачевского привел к особенно плачевным результатам на Западном фронте, который он возглавил в апреле 1920 года при члене РВС Смилге. Прогресса в овладении военным искусством у Тухачевского не обнаружилось, скорее наоборот. В Польше он умудрился потерять из виду при наступлении одну из своих армий (4-ю), что послужило причиной разгрома этой армии и отступления всего фронта.

Сам Тухачевский и авторы хрущевских времен пытались свалить вину на Юго-Западный фронт и члена его РВС Сталина, который якобы саботировал приказ командования о передаче 1-й Конной армии Западному фронту, за что был снят и заменен Гусевым (Драбкиным). Такой приказ в самом деле был, но из-за слишком неопределенной обстановки приказы менялись каждый день, а солдатская мудрость гласит: «Не спеши исполнять приказ начальства, потому что завтра может последовать новый приказ, отменяющий предыдущий». Тухачевский исходил из того, что у поляков на львовском направлении почти нет войск. Это предположение оказалось неверным – Красной армии пришлось вести тяжелые бои за Львов. Б.И. Шапошников в своей работе «На Висле», изданной в 1924 году, тоже подчеркивал это обстоятельство и обвинял Тухачевского в неумелом использовании резервов и в несогласованности действий войск. Кроме того, польский театр военных действий не был единственным, одновременно возникла угроза со стороны Крыма, о чем Ленин телеграфировал Сталину 4 августа, и в связи с чем Сталин и был переведен с Юго-Западного фронта на Южный в той же должности члена РВС. Были также опасения, что на военную авантюру может пойти Румыния. Поэтому оставалось задачей с тремя неизвестными, в какую сторону лучше двинуть в такой обстановке 1-ю Конную армию. 3 августа главком приказал передать ее Западному фронту, а 6-го – вывести в резерв, поскольку она измоталась в боях за Львов. 11 августа главком снова указал на необходимость двинуть 1-ю Конную армию на север, но эта директива не имела характера приказа, подлежащего безоговорочному исполнению: такой приказ был отдан только 13 августа, когда эта армия уже снова вступила в бой. Вот тогда-то Сталин и заявил, что либо Конную армию нужно было перебрасывать за три дня до этого из резерва, либо теперь уже ждать взятия Львова. Пока шла эта перебранка, инициатива на Западном фронте 15–16 августа перешла в руки поляков, так что новый приказ Троцкого от 20 августа о переброске 1-й Конной армии на север безнадежно запоздал. Так или иначе, но не кто иной, как сам Ленин, признавал: «При нашем наступлении, слишком быстром продвижении почти до Варшавы, несомненно, была сделана ошибка» (ПСС, т. 43, с.11), т.е. зарвался именно Западный фронт, возглавляемый Тухачевским.

В 1921 году Тухачевский руководил карательными экспедициями против мятежного Кронштадта и антоновского восстания в Тамбовской губернии. Такие мероприятия были ему больше по плечу. И Солженицын со справедливым злорадством заметил: «Если на молодого Тухачевского, когда он победно возвращался с подавления разоренных тамбовских крестьян, не нашлось на вокзале еще одной Маруси Спиридоновой, чтоб уложить его пулею в лоб,— это сделал недоучившийся грузинский семинарист через 16 лет» (Архипелаг ГУЛАГ, ИМКА-Пресс, 1987, т. II, с.307)

Подводя итоги, даже панегирист Тухачевского Тодорский вынужден признать недостатки и неудачи своего кумира: «Допускал он и просчеты. Симбирск был взят только в третьей операции, Кронштадт – во второй, Колчак однажды оттеснил Тухачевского к реке Тобол и т.д. Просчеты выражались в том, что при развитии наступательной операции он не всегда полностью обеспечивал ее резервами, надеясь на моральную силу войск... Он ради достижения основной цели вводил в сражение все резервы без возможности их Восстановления» (А.И. Тодорский. Маршал Тухачевский, с. 67). И очень странно после этого читать в мемуарах маршала Г.К. Жукова о Тухачевском как о «гиганте военной мысли». Не рука Жукова, конечно, вписала эти слова.

И не рука другого маршала, С.С. Бирюзова, конечно, написала, что в ноябре 1925 года Фрунзе выдвинул Тухачевского на пост начальника штаба РККА. Фрунзе, как известно, умер 31 октября 1925 года. Сомнительную услугу оказали Бирюзову те, кто подsunул ему на подпись предисловие к сочинениям Тухачевского, изобилующее неточностями. В нем, например, говорится также, что Тухачевский был избран кандидатом в члены ЦК на XVI и XVII съездах, в то время как на XVI съезда его еще не было в этих списках.

Откровенней, чем двое вышеупомянутых Маршалов, высказывался о Тухачевском в беседах с К. Симоновым И.С. Конев, который относил к недостаткам Тухачевского «известный налет авантюризма, который проявился еще в польской кампании... Его движение с оголенными флангами, с растянувшимися коммуникациями и все его поведение в этот период не производят солидного, положительного впечатления». По мнению И.С. Конева, некоторые замашки бонапартистского оттенка были у Тухачевского и потом. Но главным недостатком Тухачевского он считал, что тот не прошел ступень за ступенью всю военную лестницу и после гражданской войны непосредственно войсками командовал мало (К. Симонов. Глазами человека моего поколения. М., 1989, с.394–395).

В 1928 году Тухачевский был назначен командующим Ленинградским военным округом, т.е. Начинается период его тесных связей с Кировым. 11 января 1930 года Тухачевский представил в ЦК доклад о реорганизации вооруженных сил. По заключению Сталина, принятие этой программы привело бы к ликвидации социалистического строительства и к замене его какой-то своеобразной системой «красного милитаризма» (М.Н. Тухачевский. Избранные произведения, т. 1, с.12). На некоторое время Тухачевский попадает в опалу, но быстро всплывает снова в 1931 году уже в роли заместителя наркома обороны.

Н. Рутыч, автор выпущенной на Западе книги «КПСС у власти», ставит в заслугу Тухачевскому организацию патриотической пропаганды, в частности, содействие изданию книги Тарле «Нашествие Наполеона на Россию». Признавая хоть какие-то положительные моменты в истории СССР, Рутыч просто обязан был приписать их кому-нибудь из «мучеников». Не хвалить же Сталина! Между тем, книга Тарле вышла в 1938 году, т.е. уже после ликвидации Тухачевского, а когда Тухачевский был на взлете, Тарле сидел по обвинению в принадлежности к так называемой «Промпартии», деля участь представителей старой русской интеллигенции в те годы.

И все же скудны были достижения Тухачевского по части партийной карьеры. Только в 1934 году добрался он до кандидатов в члены ЦК. Якир – и тот полный член ЦК, а Уборевич – кандидат с 1930 года. При таком мизере даже звание маршала, полученное в 1935 году, не радует. Так что Варейкису нетрудно было раздуть в Тухачевском неудовлетворенное честолюбие и перевести заговор с политических на военные рельсы.

СООБЩНИКИ ТУХАЧЕВСКОГО

Военный заговор имел большие шансы на успех, поскольку сторонники, друзья и бывшие подчиненные Тухачевского занимали ключевые посты в армии по всей стране. Административное управление РККА возглавлял близкий друг Тухачевского Б.М. Фельдман, – когда Тухачевский командовал Ленинградским военным округом, Фельдман был у него начальником штаба. Во главе Московского военного округа стоял А.И. Корк (в 1920 году командовал 15 армией Западного фронта), Белорусского – И.П. Уборевич (командовал 9-й армией на Кавказском фронте, потом вместе с Тухачевским подавлял антоновское восстание на Тамбовщине), Сибирского – Я.П. Гайлит, помощник Тухачевского по 5-й армии. Начальником штаба ОКДВА на Дальнем Востоке был А.Я. Лапин (Лапиньш), другой бывший подчиненный Тухачевского из той же 5-й армии. Через И.Э. Якира, командующего Украинским военным округом, вместе с которым Тухачевский как мы помним, воевал в 8-й армии на дону, был установлен контакт с могущественной украинской военно-политической группировкой, главными представителями которой в армии были Я.Б. Гамарник, начальник Главного политуправления, В.М. Примаков, заместитель командующего Ленинградским военным округом, и Гаркавый, свояк Якира, командующий Уральским военным округом.

Что представляли собой эти люди? Гамарник – сын конторского служащего из Житомира, Накануне Октябрьской революции он был секретарем Киевского комитета партии и – вместе со Скрыпником, С. Косиором, Бубновым и Затонским – членом Оргбюро, которому было поручено создание КП Украины. Позже Гамарник вошел в состав ЦК КП(б)У. Во время гражданской войны на Украине членами РВС при возглавлявшем южную группу красных войск Якире состояли Гамарник, Картвелишвили (Лаврентьев) и Затонский, все четверо – будущие члены ЦК ВКП(б) в 1934 году. Здесь, как и по линии Варейкиса, прослеживается четкая связь между гражданскими заговорщиками 1934 года и военными 1937 года.

Украина была не единственной зоной действия Гамарника. С 1923 года он занимал высокие посты на дальнем Востоке, в 1928 году стал 1-м секретарем ЦК КП(б) Белоруссии, а с 1929 года, как уже говорилось, был главным политкомиссаром Красной армии. Его заместителем на этом посту и начальником управления комсостава был А.С. Булин, кандидат в члены ЦК, бывший подчиненный Тухачевского. Звенья одной цепи встречаются на каждом шагу.

Другой «украинский» военный лидер И. Якир, сын кишиневского аптекаря, учился, как и положено представителю угнетенного меньшинства, в Базельском университете. В гражданскую войну он стал известен как командующий 45-й дивизией, в которой вместе с ним воевали Гаркавый, Левензон и Котовский. В конце 1919 года эта дивизия влилась в 14-ю армию Уборевича, а через год Якир стал командующим этой армией.

По оценке маршала И.С. Конева, Якир был человеком «без настоящей военной школы, без настоящего военного образования... не обладавший сколько-нибудь основательным военным опытом для руководства операциями крупного масштаба», так что Конев с трудом представлял его себе в роли, скажем, командующего фронтом на Великой Отечественной войне (К.Симонов. Глазами человека моего поколения. М., 1989, с.395).

Зато военным деятелем очень крупного масштаба был Иероним Уборевич (Уборявичус), сын литовского крестьянина. Гражданскую войну он начал на Северном фронте, а потом ему дали 14-ю армию Южного фронта, членом РВС которой был Орджоникидзе. Уборевич командовал ударной группой, решившей исход Орловско-Курского сражения, а с ним и деникинское наступление на Москву. Потом Уборевич водил в бой 9-ю армию на Кавказском фронте и 13-ю армию против Врангеля, вместе с Тухачевским расправлялся с составшими тамбовскими крестьянами, а в августе 1922 года принял дальневосточную армию от Блюхера и «закончил поход на Тихом океане» взятием Спасска и Владивостока. После гражданской войны Уборевич плавно шел вверх, командовал Северо-Кавказским и Московским военными округами, а в 1930 году стал заместителем наркома обороны, опередив, таким образом, по служебной лестнице Тухачевского. Однако уже через год он уступил этот пост Тухачевскому, а сам удовлетворился Белорусским военным округом. Похоже, Уборевич представлял собой диаметрально противоположность Тухачевскому и совершенно не страдал честолюбием. При таких предпосылках сделать его участником заговора могли только личные связи и верность друзьям.

Когда я писал эту работу в 1978 году и особо выделил Уборевича, мне были неизвестны оценки этой фигуры видными военачальниками. Лишь позже я узнал, что, по мнению Г.К. Жукова, Уборевич был «на три головы выше Тухачевского, которому была свойственна некоторая барственность, небрежение к черновой повседневной работе» (К.Симонов, цит. соч., с.382), а И.С. Конев считал Уборевича самым крупным военным деятелем из числа всех погибших, в лице которого наша армия понесла самую тяжелую потерю, ибо он мог и успешно командовать фронтом, и вообще быть на одной из ведущих ролей в армии во время войны (там же, с.395).

В отличие от Уборевича, вполне под стать Тухачевскому был Примаков, авантюрист, сын учителя с Черниговщины. В гражданскую войну он прославился как командир сначала дивизии, а потом корпуса «червонных казаков». Название «казаки» в данном случае никого не должно вводить в заблуждение: речь шла всего лишь об интернациональной кавалерийской части, в которой кого только ни было. Ходил в те времена такой анекдот. Богдан Хмельницкий говорит Примакову: «У моих казаков были лбы чубатые, а у твоих – носы горбатые». Воевал Примаков на Украине, потом под командой Уборевича – против Деникина и вместе с Якиром – против поляков. Примаков жил войной и, когда она кончилась у нас, поехал искать приключений за рубежом – провел несколько лет в Китае, подавлял мятеж Баче-и-Сакао в Афганистане. Вернувшись домой, получил всего лишь корпус и только в самом конце своей быстротечной карьеры стал заместителем командующего Ленинградским военным округом. Примаков баловался литературой и даже свою личную жизнь оформил литературно: сначала женился на Оксане Коцюбинской, дочери известного украинского писателя (ее брат Юрий сразу же после Октябрьской революции стал главнокомандующим советскими войсками на Украине), а после смерти Маяковского стал очередным мужем Лили Брик. Любопытно, что биограф Примакова И. Дубинский, описывая свою встречу с Примаковым в квартире Маяковского, стыдливо умалчивает о том, каким образом Примаков туда попал.

Однако, когда Примаков оказался в руках заплечных дел мастеров с Лубянки, весь лоск с него быстро слетел, и, в отличие от остальных обвиняемых на закрытом процессе в июне 1937 года, он полностью подтвердил официальное обвинение (Д. Волкогонов. Триумф и трагедия, кн. I, ч.2, с.265).

Еще один полководец-писатель – Роберт Эйдеман, латыш, тоже сын учителя, бывший эсер. Он сначала партизанил в Сибири, потом принял дивизию знаменитого Киквидзе после гибели ее командира, позже командовал дивизией в 14-й армии Уборевича на Южном фронте, в боях против Врангеля руководил ударной группой войск, потом занимался уничтожением отрядов Махно. В 1937 году Эйдеман возглавлял Осоавиахим.

Бросается в глаза преобладание инородцев в группе военных заговорщиков: Уборевич, Корк, Эйдеман и Путна – прибалты, Гамарник, Якир и Фельдман – евреи. Организаторы процесса сочли нужным подчеркнуть это обстоятельство и вложили в уста Примакову слова о том, что у «головки» заговорщиков есть «вторая Родина»: у Путны, Уборевича, Эйдемана в Литве есть родственники, Якир имеет близких в Бессарабии, Эйдеман – Америке (Д. Волкогонов, там же).

Сбежавший на Запад в 30-х годах чекист А. Орлов (Фельдбин) выдвинул такую версию, якобы известную ему от его двоюродного брата З.Б. Кацнельсона, бывшего заместителя Балицкого, начальника ГПУ Украины. Согласно этой версии, сотрудник НКВД Штейн по поручению Ягоды нашел досье, доказывающее, что Сталин был агентом царской охраны. Штейн сообщил об этом Балицкому, тот – З. Кацнельсону, С. Косиору и Якиру, а Якир в свою очередь – Гамарнику, Тухачевскому и Корку. Это будто бы и стало побудительной причиной для заговора против Сталина.

Даже Р. Медведев, понятно как относящийся к Сталину, будучи объективным исследователем, по крайней мере, стараясь им быть, считает версию о Сталине как об агенте царской охраны совершенно несостоятельной (К суду истории, с.610). Тем не менее, в период перестройки, когда накатилась вторая грязная волна антисталинизма, эта версия снова всплыла в статье Г. Арутюнова и Ф. Волкова «Перед судом истории» («Московская правда», 30 марта 1989), а известный русофоб А. Адамович в темпе накатал на ту же тему повесть «Дублер» («дружба народов», 1988, №11). Однако мыльный пузырь быстро лопнул: 2 июля 1989 года та же «Московская правда» опубликовала официальную справку Центрального государственного архива Октябрьской революции, из которой явствовало, что Г. Арутюнов и Ф. Волков ссылались на несуществующие документы, а О. Шатуновская и С. Шеболдаев отмежевались от тех заявлений, которые им приписала эта парочка фальсификаторов.

Но даже выдуманные версии редко целиком высасываются из пальца, чаще они только служат покрывалом, набрасываемым на реальную канву. Такая канва в рассказе А. Орлова – перенос после гибели Кирова центра политической оппозиции на Украину. Это и вызвало там вскоре жесточайший погром. Враждебное отношение украинских вождей к Сталину станет вполне понятным, если вспомнить, что Сталин еще в 1918 году сказал им: «достаточно играть в правительство и республику, кажется, хватит, пора бросить игру» (Р. Медведев, цит. соч., с.46).

Помимо честолюбия и связи с политическими оппозиционерами типа Варейкиса и Петровского военными заговорщиками могли двигать и еще более длинные нити. Руководство западных держав, совершенно правильно считая Гитлера своим главным врагом, стремилось создать ему противовес в лице Советского Союза. С этой целью в мае 1935 года был заключен договор о взаимопомощи между Францией и СССР, т.е. европейская политика вернулась на круги своя, к периоду действия франко-русского договора 1893–1917. Но в конце 1936 года в Берлине появился личный эмиссар Сталина Д. Канделаки, который вел переговоры с Шахтом. Поползли слухи о Возможной Переориентации Советского Союза. В феврале 1917 года Франция и Англия, опасаясь заключения Россией сепаратного мира, организовали по масонским каналам генеральский Мятеж и свержение Николая II. В 1936 году, судя по всему, аналогичным способом пытались разделаться со Сталиным. Сходство почерка наводит на мысль об использовании тех же самых каналов.

В январе 1936 года новоиспеченный маршал Тухачевский (он получил это звание в ноябре 1935 года вместе с Ворошиловым, Буденным, Егоровым и Блюхером) направился в Лондон в составе делегации, возглавлявшейся Литвиновым Послом в Англии был тогда Майский (Ляховский), бывший бундовец, а Военным атташе Витонт Путна, командовавший дивизиями под началом Тухачевского на Восточном и Западном фронтах. Так связывались ниточки. После Лондона Тухачевский посетил Париж, где имел беседу с генералом Гамеленом. В мае 1937 года Тухачевский, к тому времени уже 1-й заместитель наркома обороны, должен был снова ехать в Лондон, на этот раз на коронацию Георга VI, но дела заговорщиков уже катились под гору, и поездка не состоялась, как не состоялось и повторение акции Алексеева–Рузского,

столь удачно осуществлен на беду самим организаторам в феврале 1917 года. Сталин был не Николай II и со своими противниками не церемонился.

Первым из военных зацепили еще при Ягоде, в июле 1936 года, комдива Д. Шмидта. Этот сын еврея-сапожника, типичный для времен гражданской войны анархистствующий полубандит-полупартизан близкий друг Якира и Примакова, командовал тогда танковыми частями Киевского военного округа. Однажды в 20-х годах Шмидт всенародно облаял Сталина. Сталин был человек крайне злопамятный и, как только представился удобный случай, отплатил сторицей за выслушанные поношения. Вслед за Шмидтом в сентябре 1936 года был арестован Путна, на которого дал показания Э. Дрейцер, телохранитель Троцкого, проходивший по процессу 1936 года. В ноябре 1936 года судьбу Шмидта и Путны разделил Примаков, а в апреле 1937 года вышеупомянутый свояк Якира комкор Гаркавый, а также Геккер, начальник отдела зарубежных связей наркомата обороны, бывший командующий 11-й армией, которая под политическим руководством Орджоникидзе и Кирова в 1920–1921 годах установила Советскую власть в Закавказье.

Но решающий удар по заговорщикам был нанесен в мае 1937 года, когда Тухачевского сослали в Волжский военный округ, Якира перевели с Украины в Ленинград, Гамарника сняли с поста, а Корка арестовали. Одновременно был арестован и упоминавшийся ранее начальник штаба дальневосточной армии комкор Лапин (Лапиньш). Всего неделю после этого оставался на свободе Эйдеман. Гамарник не стал ждать ареста и застрелился. Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Фельдман, Эйдеман, Примаков и Путна, после однодневного закрытого процесса, на котором в числе судей восседали и очередные «будущие жертвы» – маршал Блюхер, командармы Белов, Я. Алкснис, Дыбенко, Каширин, – были 12 июня 1937 года расстреляны взводом, которым, по словам Р. Конквеста (Великий террор, с.308), командовал И.А. Серов, министр госбезопасности СССР в 1953–1958 годах.

Хрущев говорил на XXII съезде о подброшенных Сталину сфабрикованных немцами документах, которые должны были послужить доказательством того, будто Тухачевский и Якир – немецкие агенты. Об этих «документах» смешно теперь говорить всерьез и опровергать их. Ориентация этой группировки была отнюдь не пронемецкой, а совершенно противоположной, да и как можно было подозревать в симпатиях к нацистам Гамарника, Якира и Фельдмана, но тогда нужен был только формальный предлог, и Сталин охотно за него ухватился, скорее всего, сам не принимая его всерьез, но искать другие доказательства было некогда, а назвать настоящую причину – нельзя. Реабилитация группы Тухачевского происходила таким же примитивным путем опровержения заведомо ложных обвинений без проникновения в истинную подоплеку дела.

Но – был ли мальчик? Может, никакого заговора вообще не существовало? Но в этом вопросе даже Р. Конквест путается и противоречит сам себе. На стр.184 упомянутой книги он утверждает, что военного заговора не было, а на следующей мы вдруг читаем: «Есть сведения, что идею переворота выдвигал Фельдман». Л. Троцкий по понятным причинам отрицает заговор, но он и не мог о нем ничего знать, потому что вопреки всему, что говорилось официально, не имел к нему никакого отношения. В книге Л. Троцкого «Ста-

лин» (т. II. с.278) есть такой пассаж: «Только в писаниях Голенберга, бывшего офицера Красной армии, высказывается уверенность в том, что Тухачевский, Гамарник и другие действительно участвовали в заговоре. Они в ниспровержении власти Сталина видели, по словам Голенберга, единственную возможность спасти обороноспособность страны. Доказательства Голенберга крайне шатки, он основывается скорее на психологических догадках, чем на каких-либо «объективных фактах».

Но как до них докопаться, до фактов? Сегодня уже трудно найти концы этого запутанного дела: документов нет – какой же дурак составляет заговор под протокол? Многих свидетелей перебили, многие умерли, а долгожители помалкивали или распространяли заведомо ложные сведения. Например, многое мог бы рассказать клан Шаумянов, из которого впервые просочились неясные намеки о заговоре на XVII съезде. Сын Степана Шаумяна Сурен командовал бронетанковыми войсками Белорусского, а потом Ленинградского военного округа, и очень неожиданно умер совсем молодым в 1936 году. Похоже, он тоже был замешан в заговоре. Во всяком случае, целенаправленное занятие противниками Сталина большинства ключевых военных постов – факт, говорящий сам за себя. Это делалось неспроста. До какой стадии дошел заговор, можно лишь гадать. Сколько вообще нужно времени для организации военного заговора в огромной стране в обстановке всеобщей слежки? Возьмем для сравнения Германию тех же лет. Военная оппозиция против Гитлера начала там оформляться уже в 1938 году, но смогла нанести удар только в 1944 году. Наши же заговорщики начали плести сети только после убийства Кирова, т.е. действовали всего два года с небольшим. Учитывая это, можно предположить, что они продвинулись не очень далеко. Конечно, уничтожить Сталина они могли и при наличных силах, но нужно было подготовить страну, иначе начался бы хаос, развал, чем незамедлительно воспользовались бы внешние противники, и это кончилось бы для нас очень плохо.

Расхожее мнение: вот если бы в начале войны у нас были такие полководцы, как Тухачевский или Якир, если бы они командовали фронтами вместо Кирпоноса или Павлова. К.Симонов считал такие противопоставления легковесными и морально безответственными (цит. соч., с.297). Мы уже видели, что военные таланты Тухачевского, мягко говоря, преувеличены, мы читали отзыв И.С. Конева о Якире. По мнению того же Конева, Блюхер был человеком с прошлым, но без будущего, равно как и Дыбенко, и Белов, а Егоров и Корк – людьми средних способностей (там же, с.393,395). В войну эти полководцы, скорее всего, осрамились бы так же, как Ворошилов с Буденным. Не годился для предстоящей Отечественной войны и не мог оставаться в прежнем виде и командный состав Красной армии, в котором слишком обильными были инородные элементы. Кроме уже упомянутых, можно назвать такие имена, как Гай (Бжишкянц) – соратник Тухачевского по 1-й армии и Западному фронту; зам. наркома обороны, командующий ВВС Я.И. Алкснис (дед В.И. Алксниса), начальники управлений Аппога, Бокис, Фишман, командующий Балтийским флотом Векман, а также другие известные тогда военачальники – Вацетис, Муклевич, Н. Эйхе, Лудри, Иппо, Берзин, бывший зам. наркома Уншлихт. Я уже не говорю о комиссарах: например, в Белорусском военном округе на этих постах подвизались Аронштам, Хаханьянц, Битте, Мезис... А ведь, повторяю, предстояла Отечественная война.

Вспомним, что говорил Андрей Болконский Пьеру Безухову накануне Бородинского сражения о Барклае де Толли и Кутузове: «Пока Россия была здорова, ей мог служить чужой, и был прекрасный министр, но как только она в опасности, нужен свой родной человек». И в последнюю войну Россия снова выдвинула таких людей – когорту блестящих военачальников во главе с маршалом Г.К. Жуковым. Но люди, которым они пришли на смену, никогда бы не ушли сами, их нужно было убрать с дороги.

Во избежание кривотолков, сразу оговорю, что в ходе Великой Отечественной войны прекрасно показали себя Баграмян и Леселидзе, Берзарин и Колпакчи, Крейзер и Драгунский и многие другие. Речь идет вовсе не о том, чтобы всех и повсюду непременно заменить русскими – такой вариант в нашей многонациональной стране заведомо исключен и был бы несправедливым. Но абсолютное преобладание нерусских – это тоже нарушение баланса. должны соблюдаться определенные пропорции. Человек каждой национальности может занимать у нас любой самый высокий пост, но при том обязательном условии, чтобы он не волок за собой всю свою родню.

ВОЗМЕЗДИЕ НАСТИГАЕТ ПАЛАЧЕЙ

Собственно, с мая 1937 года, одновременно с погромом армии, начался и погром верхов. О правдоподобии обвинений никто уже не думал. Верхушечная оппозиция уничтожалась методично и беспощадно.

Одним из первых попал под косу репрессий кандидат в члены Политбюро, заместитель председателя Совнаркома, латыш Ян Рудзутак. Этого деятеля Ленин заметил и оценил еще в ходе профсоюзной дискуссии 1921 года за умение писать каучуковые резолюции с посулами во все стороны. Рудзутак не имел и старался не иметь определенного политического лица, не случайно в партии его прозвали «Рудзу-так» и «Рудзу-этак». В 20-х годах он был крупным хозяйственным деятелем, наркомом путей сообщения и одним из главных Руководителей индустриализации на первом ее этапе. В кандидаты Политбюро он попал уже в 1923 году, а три года спустя его пригласили на освободившееся из-под Зиновьева место в Политбюро. В 1932 году он возглавил ЦКК и не угодил Сталину той позицией, которую занял по описанному ранее делу Рютина, вследствие чего в 1934 году был понижен в ранге до кандидата Политбюро. Рудзутак мог, конечно, связывать с победой военного заговора, в котором ключевую роль играли его земляки-прибалты, надежды на возвращение в Политбюро, однако был достаточно хитер и осторожен для того, чтобы активно участвовать в заговорах. Но теперь настали времена, когда осторожность уже больше не спасала. 24 мая 1937 года Сталин направил членам и кандидатам в члены ЦК документ, в котором на основании данных, изобличающих Рудзутака и Тухачевского в участии в «антисоветском троцкистско-правом заговорщическом блоке», потребовал исключить обоих из партии и передать их дела в НКВД (Д. Волкогонов. Триумф и трагедия, кн. I, ч.2, с.259).

Участие латышей в военном заговоре стало для них роковым, Они были преторианской гвардией коммунистического режима, и, как верно отмечает А.И. Солженицын, винтовки достаточно погрохотали в подвалах ЧК и на за-

дворках русских деревень». В 1937 году винтовки загрохотали в самих латышей. Пришедшие к нам с мечом, от меча и погибли, получив то, что заслужили.

В период гражданской войны в ходу была поговорка, что советская власть держится на еврейских мозгах латышских штыках и русских дураках. Подвалы ЧК Солженицын упомянул отнюдь не всуе. С. Мельгунов писал в своей книге «Красный террор», что латыши ехали служить в ЧК целыми семьями, как ранее в Америку, порой даже не зная русского языка. Достаточно назвать два наиболее знаменитых имени ближайших помощников Дзержинского по ВЧК – Петерса и Лациса. Прославленный своей жестокостью Я. Петерс был профессиональным убийцей, – во время бандитского нападения на ювелирный магазин в Лондоне в 1909 году (дело Сидней-стрит) он убил троих полицейских (Н. Берберова. Железная женщина, Н.-Йорк, 1981, с.82). Вот как характеризовал его чекист-невозвращенец Г. Агабеков: «Петерс – фигура морально окончательно разложившаяся. Женщины и личная жизнь интересуют его больше, чем все остальное. Еще будучи полномочным представителем ОГПУ, он разъезжая по окраинам, всегда имел при себе в вагоне двух-трех личных секретарш, которых по мере ненадобности высаживал из поезда по пути следования» («Собеседник», 1989, №34).

Другой сподвижник Дзержинского М. Лацис (Судрабс) договорился до того, что незачем искать доказательства антисоветской деятельности арестованных, за что даже Ленин вынужден был его «немного пожурить». Наследник этого славного чекиста, экономист Отто Лацис, сегодня, разумеется, принадлежит к числу самых ярых демократов, но «менталитет» у него, выражаясь современным науко-собачьим жаргоном, тот же самый: прочтите хотя бы статью О. Лациса «Съезд как источник опасности» в «Известиях» от 13 апреля 1992 года. Речь в ней идет о Съезде народных депутатов, который сегодня для «демократов» такой же источник опасности, каким для большевиков было Учредительное собрание в 1918 году. Источники опасности, понятно, нужно ликвидировать, а как это делать – метод известен.

Теперь о «задворках русских деревень». Р. Медведев в своей статье «К вопросу о роли «инородцев» в победе Советской власти в России» иронически спрашивает, как можно было с какими-нибудь 50 тысячами латышских стрелков управлять такой огромной страной, как Россия. Представьте себе, можно было в условиях полного распада армии, когда на всю страну оставалась чуть ли не одна-единственная боеспособная часть, если эту часть искусно разместить. И в марте 1918 года латышские стрелки были размещены в Москве, Петрограде, Бологом и Великих Луках. Из этих стратегически важных точек латышских карателей удобно было перебрасывать в самых разных направлениях, что и делалось. Именно латышская дивизия, созданная в апреле 1918 года, стала первой боевой частью Красной армии, а ее командир, бывший полковник И. Вацетис – первым главнокомандующим Красной армии с сентября 1918 по июнь 1919 года. Этим он был вознагражден за то, что его дивизия спасла советское правительство во время левоэсеровского мятежа в Москве 6 июля 1918 года. Латышами был убит мятежный командующий Муравьев, латыши подавляли восстания в Ярославле, Муроме, Нижнем Новгороде, Демянске, Боровичах, Осташкове, Новгороде, Рыбинске, Саратове, несколько месяцев свирепствовали в Калужской и Рязанской губерниях, доби-

рались до Вологды, Царевококшайска (ныне Йошкар-Ола), Екатеринбурга, Пензы... Как видим, всюду использовались части именно этого «иностранный легиона», значит, утверждение пословицы, что советская власть в решающий, переломный период держалась на латышских штыках, – отнюдь не преувеличение, значит, не очень охотно русские стреляли в русских. Но в 1937 году отлились латышским волкам русские слезки.

ЦК 1934 года издания начал редеть не по дням, а по часам. Зная состав враждебных Сталину кланов, о которых говорилось ранее, уже не удивляешься, а понимаешь, почему молния попадает в те, а не в иные деревья. В мае 1937 года, например, арестовали М.С. Чудова и И.Ф. Кодацкого, ближайших соратников Кирова по Ленинграду, а потом постепенно подобрали и остальную ленинградскую верхушку. А чтоб никто не догадался о принципе отбора, точнее забирания, одного из ее представителей, А.И. Угарова, сделали калифом на час в Москве, чтобы немного погодя благополучно избавиться и от него.

Та же линия была продолжена арестами заместителя председателя Совнаркома Н.К. Антипова и зав. отделом пропаганды ЦК А.И. Стецкого. Но не забывают и других. Гибнут «герои» коллективизации К. Бауман, зав. отделом науки ЦК, и Я. Яковлев (Эпштейн) – зав. сельхозотделом ЦК, первый – за то, что латыш, второй – за связи с украинской группировкой. Но пострадали они совсем не за то, за что должны были бы по справедливости понести кару. Одновременно исчез также зав. отделом печати и издательств Б.М. Таль. Не надолго пережил своего друга Тухачевского и Варейкис. И. Косиор покончил с собой. Председателя Совнаркома РСФСР Д.Е. Сулимова, бывшего заместителя Рудзутака, заменили председателем Моссовета Булганиным.

Пока главные события происходили за кулисами, не забывали и о публике, периодически подбрасывая ей процесс за процессом. В июле 1937 года в Тбилиси предстали перед судом Б. Мдивани, М. Окуджава и другие бывшие «национал-уклонисты», а позже – троцкисты. Уклон их, как мы помним, заключался в том, что они в 1922 году выступали против Закавказской федерации, которую все равно ликвидировали в 1936 году. Говорят, когда Мдивани вели на расстрел, он крикнул: «Передайте Сталину, что вслед за Дантоном настала очередь Робеспьера». Но поскольку Мдивани до Дантона было далеко, исполнение этого пророчества пропорционально затянулось.

Другую группу кавказцев судили в Москве, но закрыто, в декабре 1937 года. Главными обвиняемыми по этому процессу были уже знакомые нам Енукидзе и Орахелашвили, а также заместитель наркоминдела Л.М. Карахан, по характеристике ехидного Радека – «осел классической красоты» (Н. Берберова, цит. соч., с.40). Расстреляли всех.

Кое-кто нарывался сам. Такой конфуз случился с еще одним «героем» коллективизации Г.Н. Каминским, которого на июньском пленуме 1937 года дернула нелегкая выступить с обвинениями в адрес Берии. Хрущев и Конквест по этому случаю сделали из Каминского героя, хотя речь шла всего-навсего о незадачливом конъюнктурщике, который пытался воспользоваться обстановкой всеобщей подозрительности для сведения личных счетов, но не считал соотношения сил.

Забегая несколько вперед, следует сказать, что такими же личными, а отнюдь не идейными мотивами руководствовалась и чекистская династия Кедровых, из которых после процесса Берии стали делать героев-мучеников. Кедров-сын, Игорь, «милый интеллигентный мальчик, любит музыку, такой деликатный», – умиляется Г. Яковлев в «Правде» от 17 февраля 1989 года. А этот «милый интеллигентный мальчик», работая у Ягоды, широко использовал то, что наша печать долгое время стыдливо называла «незаконными приемами следствия» (Р. Медведев. К суду истории, с.474).

За Ленинградом, где после смерти Кирова распоряжался Жданов, последовала очередь Украины. После ареста представителя этой республики в ЦРК И.С. Шелехес на Украину нагрянули Молотов, Ежов и Хрущев и потребовали проведения чистки. В результате этого набега покончил с собой председатель Совнаркома Украины П.П. Любченко. Официальная версия гласила, будто на Украине раскрыта «националистическая фашистская организация», в которую входили Любченко, Якир, Гринько – наркомфин СССР, Балицкий, – наркомвнудел Украины и Затонский – наркомпрос Украины. «Правда» возмущалась тогда, в частности, тем, что эти негодяи даже не отпраздновали Полтавскую годовщину. Отметим про себя это обвинение, чтобы еще раз выявить связь между линиями пропаганды 1937 и 1941 годов.

С. Косиор сначала заартачился, но потом пожертвовал Затонским, судьбу которого вскоре разделили также секретари ЦК КП(б)У ММ. Хатаевич и Н.Н. Попов, член украинского Политбюро К.В. Сухомлин и преемник Постышева в Киеве Кудрявцев, столь же беспощадно громивший партийные кадры, как и его предшественник Наконец, в январе 1938 года настала очередь и самого С.В. Косиора, которого сменил на Украине Хрущев, одновременно возведенный в кандидаты в члены Политбюро вместо выкинутого Постышева. После погрома на Украине из 102 членов и кандидатов в члены Местного ЦК выжили только трое.

Не меньше, чем Украина, пострадала и Армения. Первого секретаря ЦК КП(б) Армении Ханджяна, как рассказал потом на XXII съезде А.Н. Шелепин, собственноручно застрелил Берия в своем кабинете. Это произошло еще до роспуска Закавказской федерации, в рамках дружбы кавказских народов, в августе 1936 года. Осенью 1937 года чистить Армению поехали Микоян, Берия и Маленков, и это обернулось печально для нового тамошнего первого секретаря Аматуни и многих других.

Кроме армии, Ленинграда и Украины, еще одним очагом оппозиции, как уже говорилось, были промышленные наркоматы, опора Куйбышева и Орджоникидзе. Жестокие репрессии обрушились и на эту систему. Едва успев возглавить только что выделенный из наркомтяжпрома наркомат оборонной промышленности, пал член ЦК М.Л. Рухимович, до этого – заместитель Орджоникидзе, еще ранее – заместитель Куйбышева, имевший также тесные связи с Украиной. Заменил его – снято место пусто не бывает – М.М. Каганович-второй. Вслед за Рухимовичем были арестованы еще два бывших заместителя Куйбышева, члены ЦК, латыш В.И. Межлаук, председатель Госплана, тоже в прошлом работавший на Украине, и нарком пищевой промышленности С.С. Лобов, а также следующие члены ЦК: нарком легкой промышленности И.Е. Любимов, нарком лесной промышленности В.И. Иванов (единственный

Иванов среди многих сотен членов ЦК за всю его историю – факт, очень странный с точки зрения теории вероятности, учитывая распространенность этой фамилии в России), наркомзем СССР М.А. Чернов, зам, председателя Совнаркома РСФСР Д.З. Лебедь, выдвиженец с Украины, нарком местной промышленности РСФСР К.В. Уханов и наркомпрос РСФСР А.С. Бубнов, тоже связанный с Украиной. Из кандидатов в члены ЦК пострадали наркомфин СССР украинец Г.Ф. Гринько, нарком внешней торговли А.П. Розенгольц, который в РВС у Троцкого командовал воздушным флотом, а потом был в наркомате РКИ заместителем Орджоникидзе, и заместитель Розенгольца Ш.З. Элиава, соратник Куйбышева по наведению порядка в Средней Азии, а позже – председатель Совнаркома Закавказской федерации, т.е. правая рука Орджоникидзе и Орахелашвили.

Ошибочно думать, будто страна потеряла в результате этих чисток особо выдающихся «капитанов промышленности». Руководящие кадры формировались, в основном, из тех, кто выдвинулся в гражданскую войну. Все их «умение руководить» сводилось к гроханью кулаком о стол, матерной ругани и угрозам расстрелять. К тому же они порядком подразложились от мирной жизни. В повести В. Красильщикова «Звездный час» («Новый мир», 1986, №10) Сталин говорит о них Орджоникидзе: «Наши сановники губят наши благие начинания на корню путем чисто чиновничьего убийства живого дела... Объявляю им войну не на жизнь, а на смерть, до полного истребления – или я, или они. Можем ли мы либеральничать, когда в стране беспорядок, неорганизованность, недисциплинированность?.. Бюрократизм, хаос, лая паны... Коррупция – уголовно наказуемое злоупотребление служебным положением. Семейственность и протекционизм, которые народ не прощает, которыми тычет нам в нос: «Блат выше Совнаркома!» Можем ли мы допускать все это вообще и тем более зная, что до войны остаются считанные годы? Есть ли у нас время разбираться, какой удар необходим, а какой лишний? Можем ли мы позволить себе роскошь разбирательства, какой горшок подделом, а какой зря кокнули?»

Звон разбиваемых горшков стоял по всей стране. Не была забыта и Средняя Азия. Местные руководящие кадры попали под подозрение потому, что их когда-то насаждали Куйбышев, Сокольников, Рудзутак и Элиава. Чистку здесь начали с члена ЦК ВКП(б), 1-го секретаря ЦК Узбекистана Акмаля Ибрамова и председателя Узбекского Совнаркома Файзуллы Ходжаева, продолжили Исааком Абрамовичем Зеленским, бывшим секретарем Среднеазиатского бюро, а также секретарем ЦК и МК (в 1931–37 гг. он возглавлял Центросоюз) латышом К.Я. Бауманом, тоже работавшим в Средней Азии, а закончили бывшим членом Туркестанской комиссии Филиппом (Шаем Исаевичем) Голощекиным, одним из главных виновников убийства царской семьи в Екатеринбурге. В начале 30-х годов Голощекин выморил голодом Казахстан. Может быть, и этого кто-то назовет «невинным страдальцем». Голощекин в 1937 году уже не был членом ЦК, но числился главным арбитром при Совнаркоме, а в Казахстане его сменил другой такой же «казах», ставленник Кирова Л. Мирзоя, который тоже, конечно, не пережил 1937 год.

Опасная оппозиционная концентрация создавалась и в Белоруссии, где с 1932 года первым секретарем был другой Ставленник Кирова, кандидат в члены ЦК Н.Ф. Гикало, а военным округом командовал Уборевич. Для раз-

бавления этой концентрации, Гикало сначала перебросили на Украину, а потом арестовали. Вместо него поста вили второго секретаря В.Ф. Шаранговича, но и того в очень скором времени тоже арестовали. В роли восстановителя порядка здесь утвердился П.К. Пономаренко. В число жертв репрессий попали и два бывших первых секретаря Белоруссии, оставшиеся в составе ЦК, – еврей А.И. Криницкий и латыш Вильгельм Кнорин, к тому времени – зав. отделом агитации и пропаганды ЦК. Если добавить, что Белоруссия успела побывать еще и под Гамарником, то позволительно спросить, а где же тогда были сами белорусы? Если кого из руководителей их республики они и могут оплакивать, как своих, то лишь председателя Совнаркома Белоруссии, кандидата в члены ЦК Н.М. Голодеда и председателя ЦИК БССР А.Г. Червякова, покончившего с собой летом 1937 года.

В число жертв попали Также деятели ниже рангом: зам. председатели Госплана Эммануил Квининг, в прошлом – член ЦК и 1-й секретарь ЦК КП(б)У; нарком внутренней торговли Вейцер; председатель комитета кинематографии, соратник Кирова по подполью Шумяцкий, нарком машиностроения Брускин; нарком связи, бывший командующий танковыми войсками Халепский и многие, многие другие.

Жертвы старого и нового набора и были выведены на самый грандиозный из всех показательных процессов, мартовский процесс 1938 года. На скамье подсудимых сидели бывшие члены Политбюро Бухарин, Рыков и Крестинский, члены ЦК Ягода, Зеленский, Иванов, Икрамов, Чернов, кандидаты в члены ЦК Розенгольц и Гринько, член КПК Шарангович и другие. Упоминались на этом процессе все, хотя и не были показаны публике, кандидат в члены Политбюро Рудзутак, члены ЦК Варейкис, Антипов, Лобов, Любимов, Кабаков, Разумов, Румянцев, кандидат в члены ЦК Комаров (Собинов), бывшие члены ЦК А.П. Смирнов и В.В. Шмидт. Большая часть обвиняемых была расстреляна 15 марта 1938 года.

Из уцелевших (временно) особого внимания заслуживает Х. Раковский, по происхождению болгарин, после революции – председатель Совнаркома Украины, член ЦК, позже – ярый троцкист. Интерес к фигуре Раковского сегодня подогревает тем, что в печати появились показания Раковского, якобы данные им на допросе 26 января 1938 года следователю Г. Кузьмину. Газета «Положение дел» (1992, 4–5) перепечатала их из книги некоего доктора Ландовского «Красная симфония», изданной в Испании. Неточности есть уже в предисловии к этой публикации (в числе обвиняемых по процессу 1938 года назван Карахан), но неточности в самом тексте показаний заставляют усомниться в подлинности этого документа. Раковский действительно был масоном, он упоминается в списке, приложенном к книге Н. Свиткова «Масонство в русской эмиграции» (Париж, 1932), но, будучи человеком культурным, Раковский никак не мог назвать Герцена и Гейне «начальниками 1-го Интернационала», поскольку Гейне умер за семь лет до основания этого Интернационала, а Герцен с Марксом был на ножах и к Интернационалу отношения не имел. Не мог Раковский не знать, что общество иллюминатов было не столь серьезным, сколь курьезным: значение этого общества раздувается антимасонской пропагандой не очень высокого уровня. Такой козырь, как организация Троцким покушения Каплан, был бы непременно пущен в ход на процессе, если бы об этом действительно говорилось в каких-то показаниях.

Но так называемые «показания Раковского» очень напоминают «Протоколы сионских Мудрецов», т.е. в основе, может быть, и был подлинный документ, но кто-то решил его подправить и тем безнадежно испортил. Если Раковский действительно хотел сообщить Сталину нечто важное ради смягчения собственной участи, то что же, собственно говоря, он сообщил? Что за Коммунистическим интернационалом стоит интернационал финансовый? Но было ли это откровением для Сталина? Если Сталин подчинялся мировому правительству, то нет, если же Сталин вышел из-под контроля, то неужели Раковский надеялся запугать его и заставить подчиниться? Ведь если верить этим показаниям, уже Брестский мир был «ошибкой и бессознательной изменой Ленина Интернациональной Революции», т.е. мировому правительству «Ленин, опьяненный властью, при содействии Сталина... поддерживаемые национальным русским крылом партии, располагая материальной силой, навязали свою волю. Тогда вот и родился «социализм в одной стране», т.е. национал-коммунизм, достигший... своего апогея при Сталине».

Это – обвинительный акт против Сталина. Это – старая троцкистская позиция. Неужели, настаивая на ней, Раковский надеялся добиться снисхождения? Национал-коммунизм Сталина не нравился троцкистам, не нравился финансовому интернационалу. Это правда, но не правда вымышленных показаний, а правда истории.

ПОЛЕДНИЙ ЭТАП ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Мартовский процесс 1938 года был апофеозом террора. После этого шло уже добивание остатков оппозиции. Последний из ее лидеров, член Политбюро С.В. Косиор, оторванный от родной Украины, продержался всего несколько месяцев в должности заместителя председателя Совнаркома СССР и председателя комиссии советского контроля, а потом бесследно исчез с политических горизонтов. Ненадолго пережил Косиора и его многолетний сподвижник по управлению Украиной В.Я. Чубарь. Кратковременным было и пребывание в должности наркома земледелия Р.И. Эйхе, «могучего латыша», воспетого его тезкой Р. Рождественским. Времена латышского могущества кончались.

Продолжалась чистка и в армии, где шла настоящая чехарда. После устранения Тухачевского на его Место был назначен маршал А.И. Егоров, который в гражданскую войну командовал Южным и Юго-Западным фронтами, т.е. теми же, где членом РВС был Сталин. Они давно сработались, хорошо знали друг друга, как пишет Д. Волкогонов не раз хлебали щи из одной крестьянской миски и укрывались одной солдатской шинелью, и тем не менее февральско-мартовский пленум ЦК 1938 года исключил его из кандидатов в члены ЦК «ввиду того, что, как показала очная ставка т. Егорова с арестованными заговорщиками Беловым, Грязновым, Гринько, Седякиным, т. Егоров оказался политически более запачканным, чем можно было бы думать до очной ставки, и, принимая во внимание, что жена его, урожденная Цешковская, с которой т. Егоров жил душа в душу, оказалась давнишней польской шпионкой, как это явствует из ее собственного показания» (Триумф и трагедия. Кн. I, ч.2, с.272). Егорова заменил И.Ф. Федько и тоже ненадолго, доверия не было и ему, так как в гражданскую войну он воевал бок о бок с Якиром, а позже был заместителем Тухачевского по Ленинградскому военному округу. Дружба

с Федько, а также старые грехи сгубили и нового командующего ЛВО П.Е. Дыбенко, который в первые горячие дни после Октябрьской революции наполовину в шутку, наполовину всерьез обсуждал с красновскими казаками под Петроградом вопрос, не закончить ли сразу гражданскую войну, обменяв Ленина на Керенского «ухо на ухо». Предшественника же Дыбенко на этом посту И.П. Белова, переведенного в Белорусский военный округ, потянул за собой на дно его заместитель Примаков.

Внешне скандальным, но внутренне вполне логичным был арест маршала В.К. Блюхера. Советские источники как-то путано объясняли, откуда у этого рабочего, выходца из крестьянской семьи, взялась столь странная фамилия: утверждали, будто от насмешливой клички, данной его деду-крепостному шутником-барином. Но остается непонятным, что заставляло Блюхера вызывать кривотолки и держаться за эту кличку в эпоху революционных псевдонимов и легкой смены фамилий. В гражданскую войну Блюхер командовал 51-й дивизией в 5-й армии Тухачевского на Восточном фронте, а потом во главе той же дивизии воевал под командой Эйдемана против Врангеля. В 1921 году Блюхер впервые попал на Дальний Восток, стал военным министром ДВР и довел советские войска до Хабаровска – дальше, до Владивостока, их уже вел Уборевич. В 20-е годы Блюхер под псевдонимом «генерал Галин» воевал в Китае, где, как мы помним, одновременно подвизался также Примаков. По возвращении в СССР Блюхер был назначен заместителем главнокомандующего Украинским военным округом, т.е. Якира, а с 1929 года бессменно командовал на дальнем Востоке, где во главе партийной организации с января 1937 года стоял заговорщик номер один Варейкис. Заместителем Блюхера был сподвижник Тухачевского А. Лапин, но особенно «прославил» дальний Восток начальник местного НКВД Г. Люшков, который 13 июня 1938 года сбежал к японцам. Что, спрашивается, по поводу всего этого должен был думать Сталин?

По мнению маршала И.С. Конева, Блюхер был «человеком с прошлым, но без будущего, человеком, который по уровню своих знаний, представлений не-далеко ушел от гражданской войны и принадлежал к той категории, которую представляли собой к началу войны Ворошилов, Буденный и некоторые другие бывшие конармейцы, жившие не современными, а прошлыми взглядами. Представить себе, что Блюхер справился бы в современной войне с фронтом, невозможно. Видимо, он с этим справился бы не лучше Ворошилова или Буденного. Во всяком случае, такую небольшую операцию, как хасанские события, Блюхер провалил. А кроме того, последнее время он вообще был в тяжелом моральном состоянии, сильно пил, опустился» (К.Симонов. Глазами человека моего поколения. М., 1989, с.393–394).

Событиям у озера Хасан, которые сломали карьеру Блюхера и предшествовали его аресту, посвятили свою статью «Инцидент» в журнале «Родина» (1991, №6–7) В. Катунцев и И. Коц. В этой статье цитируется секретный приказ Ворошилова от 4 сентября 1938 года, из которого явствует, что Блюхер «подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан. Втайне от члена военного совета т. Мазепова, своего начальника штаба т. Штерна, замнаркома обороны т. Мехлиса и зам. наркома внутренних дел т. Фриновского, находившегося в это время в Хабаровске, т. Блюхер послал комиссию на высоту Заозерная и без участия начальника погранучастка про-

извел расследование действий наших пограничников. Созданная таким подозрительным порядком комиссия обнаружила «нарушение» нашими пограничниками маньчжурской границы на 3 метра и, следовательно, «установила» нашу виновность в возникновении конфликта у оз. Хасан.»

Не веря в правоту дела, Блюхер вел себя безынициативно, чем немедленно воспользовался, как не раз это делал потом, в Отечественную войну, Мехлис, который все время во все вмешивался, отдавал свои распоряжения, пытаясь подменять командующего, и предложил Сталину назначить в районе боев настоящего диктатора, которому все было бы подчинено, имея в виду, очевидно, себя. Сталин в разговоре по прямому проводу 1 августа устроил выволочку Блюхеру и спросил его: «Скажите, т. Блюхер, честно: есть ли у Вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у Вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту». Однако диктатором у озера Хасан Сталин все же назначил не Мехлиса, а Штерна. Блюхера отозвали в Москву и арестовали 22 октября 1938 года.

Но террор уже спускался на тормозах. Первым предупредительным звонком прозвучало устранение в 1937 году «за нарушение социалистической законности» (именно так и именно тогда) бывшего первым заместителем наркома внутренних дел еще при Ягоде Я.С. Агранова (Сорензона), палача Кронштадта в 1921 году и Ленинграда в 1935 году. На совести Агранова, как уже говорилось, гибель Н. Гумилева и В. Маяковского. Вслед за Аграновым постепенно ликвидировали и прочих ягодинских недобитков. Вторым предупреждением для не в меру ретивых исполнителей стал январский пленум 1938 года, на котором был снят Постышев. Наконец, зашатался и сам Ежов, заместителем которого в НКВД 20 июля 1938 года был назначен Л.П. Берия.

Очевидно, размах истребления инородных кадров вызвал у Сталина беспокойство за свою собственную судьбу, и, чтобы не возвышаться одиноким маяком в разбушевавшемся русском море, он решил вверить карательный аппарат своему соплеменнику, совершив тем самым роковой для себя выбор. Как мог Сталин рассчитывать на грузинскую солидарность человека, такого же беспринципного и беспощадного, как и он сам? Относительно грузинской солидарности самого Сталина много горьких слов могли бы сказать Орджоникидзе и Енукидзе, Орахелашвили и Элиава, Ломинадзе и Мдивани и многие, многие другие, но Сталин заставил их замолчать навсегда. Отдан в 1938 году на растерзание Берии страну, Сталин поступил не как Сталин, а как Джугашвили.

Берия в 1918 году работал в Баку в мусаватистской полиции и предложил свои услуги большевикам. Услуги эти были приняты по рекомендации Микояна, который с тех пор был с Берией в тесной дружбе и пытался защищать его даже в роковом июне 1953 года. После победы советской власти в Азербайджане Берия работал заместителем председателя местного ЧК М.Д. Багирова, который позже на протяжении многих лет возглавлял Азербайджанскую компартию и разделил печальную судьбу Берии. Из Азербайджана Берия перебрался в Грузию, продолжив там свою карьеру в органах. Руководил ими в масштабах всего Закавказья сначала Соломон Могилевский, погибший в авиационной катастрофе в 1925 году, а потом свояк Сталина С. Реденс, к которому Берия пристроился заместителем, а потом спихнул Ре-

денса, влипшего по пьянке в скандальную историю. В 1931 году Берия возглавил Закавказскую парторганизацию, а в 1938 году снова вернулся в органы, но уже как их руководитель во всесоюзном масштабе.

Берия понял, что от него требуется, и сразу же развернул контрнаступление на русские кадры, начав с комсомольского вожака и члена Оргбюро ЦК А.В. Косарева, к которому Берия испытывал личную неприязнь. Дело в том, что Косарев был женат на Марии Викторовне Нанейшвили, дочери Виктора Ивановича Нанейшвили, который в 1919 году руководил бакинским подпольем и хорошо знал, при каких обстоятельствах Берия осчастливил большевистскую партию своим появлением. Знал это, соответственно, и Косарев, который продемонстрировал свои знания не к месту, заявив в 1936 году в присутствии Багирова, что в Закавказье нет настоящего большевистского руководства (А. Головков. Не отрекаясь от себя. «Огонек», 1988, №7). Разговор этот, разумеется, стал известен Берии. Против Косарева завязалась интрига, кульминацией которой стал пленум ЦК ВЛКСМ, постановивший 22 ноября 1938 года снять Косарева, Богачева и Пикину с постов секретарей ЦК ВЛКСМ. Через неделю Косарева и других опальных комсомольских вожаков арестовали. Нужно отдать им должное: не в пример старшим партийным товарищам, они, не зная ничего о судьбе друг друга, несмотря на все пытки, не дали никаких показаний ни на себя, ни на других, ни в чем не раскаялись и не признались. К сожалению, их героизм не был воспет А. Фадеевым. Пальцем в небо попал и Троцкий, который назвал Косарева «морально разложившимся субъектом, злоупотреблявшим в личных целях своим высоким положением». Весь аппарат Косарева, по Троцкому, будто бы состоял из людей того же типа, из «золотой молодежи русского термидора» (Л. Троцкий. Сталин, т. II, с.215). Золотая молодежь так не ведет себя в критических ситуациях.

Косарева обвинили, в частности, в «сговоре с Ежовым» (Р. Конквест. Великий террор, с.615). Берия заменил Ежова на посту наркома внутренних дел 8 декабря 1938 года. Сталин на какое-то время оставил Ежова для потехи наркомом водного транспорта. В последний раз человек, имя которого два года устрашало всю страну, мелькнул на публике на торжественном заседании, посвященном годовщине смерти Ленина 22 января 1939 года. Арестовали Ежова 10 апреля 1939 года, а расстреляли, если верить документам, в Москве 4 февраля 1940 года (Г. Цитриняк. Расстрельное дело Ежова. «Литературная газета», 1992, №7). А в списках руководителей НКВД вместо привычных еврейских замелькали фамилии с другим акцентом – Кобулов, Гоглидзе, Деканозов, Цанава, Гвишиани (некоторые грузины русифицировали свои фамилии, заменяя «-швили» на «-ов»).

Каковы же были итоги «великой чистки»? Мы сосредоточили основное внимание на борьбе в верхах, но ведь пострадали огромные массы людей. В своей книге «суду истории» (с.460) Р. Медведев исходил из общего числа репрессированных порядка 4–5 миллионов, из которых расстреляно было около 500 тысяч. Потом Р. Медведев, очевидно, решил, что выходит маловато, и в ответе читателям «Аргументов и фактов» (1989, №5) увеличил первую цифру до 7 миллионов, а вторую до миллиона. Если цифры будут так расти и впредь, то лет через десять окажется, что Сталин истребил половину населения России, если не все население поголовно. Вот результат того, что неко-

торые авторы, как выражается Д. Волкогонов, вынуждены «Экстраполировать» и «прикидывать». Сам Д. Волкогонов исходит из цифры 4,5–5,5 миллионов человек, отталкиваясь от официальных докладов МВД послевоенного периода, согласно которым в лагерях на 1 января 1948 года Содержалось 2.199.535 заключенных, а на 1 января 1949 года 2.550.275 заключенных, причем из них только 22,7% – за контрреволюционную деятельность (Триумф и трагедия, кн. 1, ч.2, с.239–240). Д. Волкогонов «экстраполирует» эти данные на 1937–1938 годы и высказывает предположение, что вряд ли ЧИСЛО репрессированных могло быть тогда намного больше. Оно, как выясняется, было даже меньше. По данным на 1 марта 1940 года общий контингент заключенных составлял 1668200 человек, из них осужденных за контрреволюционную деятельность 28,7%. К 22 июня 1941 года это число увеличилось до 2,3 миллиона в результате принятия перед войной чрезвычайных законов. Это «астрономические цифры, но они, конечно, меньше, чем можно встретить в некоторых публикациях на эту тему», как говорит кандидат исторических наук, полковник А. Емелин (ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны. «Военно-исторический журнал», 1991, №1). Астрономическими эти цифры выглядят, если брать их абсолютно, но от населения нашей страны в целом это всего лишь 1 процент, а отнюдь не половина.

Драка за власть, начатая в 1934 году, породила сейсмические волны, которые пошли сверху вниз, неся с Собой смерть, горе и страдания. Повторилась старая история, дрались паны, а чубы трещали у холопов. Во внутренних войнах, как и на настоящей войне, гибнут, главным образом, не генералы, а солдаты, которые этой войны не начинали. И во времена опричнины, как рассказывает Р. Скрынников в своей книге об Иване Грозном, основную массу жертв составляли не боя ре, а их челядь.

Россия вечно будет оплакивать безымянные жертвы, оставив КПСС и «детям Арбата» оплакивать арбатских отцов-основателей советского государства. У плакальщиков второго типа редко встретишь объективные оценки, как, например, у Р. Медведева, у которого можно прочесть и о злодеяниях Троцкого, Зиновьева и Петровского в гражданскую войну, и о зверском и бессмысленном убийстве царской семьи по приказу Голощекина и Белобородова, и о массовом истреблении красными в Крыму сдавшихся после поражения Врангеля белогвардейцев (Р. Медведев, правда, умалчивает о том, что свирепствовали там Бела Кун и Р. Землячка-Залкинд). Р. Медведев рассказал и о том, каким «либералом» на самом деле был Постышев, как подмахивал смертные приговоры Эйхе, что вытворял на Кубани Шеболдаев, как обращался с юстицией Крыленко, как травили ученых К. Бауман и Я. Яковлев (Эпштейн), а писателей – Авербах; как овельможился член ЦК Разумов, какой крайней грубостью отличался Серебровский (воспетый «Советской Россией» 16 октября 1988 года), как организовывал собственный культ секретарь Харьковского обкома Демченко, как разложился начальник Колымских лагерей Э. Берзин, каким бюрократом стал директор музея революции Ганецкий (Фюрстенберг) и как терроризировал Кабардино-Балкарию Бетал Калмыков.

Достойный некролог всем этим и им подобным деятелям написал И. Солженицын «для такой ЧИСТКИ нужен был Сталин, да, но и партия же была нужна такая: большинство их, стоявших у власти, до самого момента

собственной посадки безжалостно сажали других, послушно уничтожали себе подобных по тем же самым инструкциям, отдавали на расправу любого вчерашнего друга или соратника. И все крупные большевики, увенчанные теперь ореолом мучеников, успели побыть и палачами других большевиков (уж не считая, как прежде того они все были палачами беспартийных). Может быть 37-й год и НУЖЕН был для того, чтобы показать, как мало стоит все их МИРОВОЗЗРЕНИЕ, которым они так бодро хорохорились разворачивая Россию, громя ее твердыни, топча ее святыни» (Архипелаг ГУЛАГ, ч. I, с.138).

Безусловный положительный итог событий 1934– 1938 годов заключался в очищении партийного и государственного аппарата и руководства армии от чужеродных элементов, в переходе от антирусских идеологических установок к патриотической пропаганде. Без проведенной чистки такой переход был бы невозможен, а в связи с надвигающейся войной он был необходим. Снова победоносно взметнулись вверх знамена Александра Невского и Петра I, Кутузова и Суворова, оплеванные так называемыми «историками» школы Покровского (вся эта группировка – Ванаг, Закс-Гладнев, Фридляйд, Зейдель и другие – нашла в описываемый период свой конец, о чем тоже жалеть не приходится). Необходимо еще раз повторить не в 1941 году, спохватившись, обратились к великим предкам, а заблаговременно, в 1937 году. Кинофильмы «Петр Первый», «Александр Невский».

«Суворов», «Минин и Пожарский» были выпущены до войны. Национальный аспект происшедшего тогда переворота как-то мало осознан до сих пор. А ведь очень интересные факты сообщает тот же Р. Конквест. Оказывается, в 1937 году были фактически ликвидированы национальные меньшинства в русских городах. Район Мариуполя был очищен от греков: проведены массовые аресты китайцев: в сентябре 1937 года с Украины выслали всех армян и в том же месяце пересажали чуть не всех латышей. Особенно роковой организацией, как пишет Р. Конквест, был Бунд. Многих евреев обвиняли в том, что они бундовцы и сионисты. Такое обвинение было, в частности предъявлено секретарю донецкого обкома Саркисову. Конквест даже приводит такой курьезный случай, как осуждение женщины, оформившей пепельницу в виде звезды Давида. В его книге цитируются слова д-ра Марголина: «Целое поколение сионистов погибло в советских тюрьмах, лагерях и ссылке», однако далее следует ценное признание того же д-ра Марголина: «Нас это не беспокоило, я не помню ни одной статьи об этом в довоенных газетах. Ни малейших усилий не прилагалось, чтобы мобилизовать общественное мнение и облегчить их участь» (Великий террор, с.405–406, 417,683). И директор банка Моргана К. Ламонт, и знаменитые писатели – Фейхтвангер, Драйзер, Роллан – все оправдывали тогда сталинские репрессии.

Почему такая поразительная разница между 30-ми и, скажем, 70-ми годами? Да очень просто. В 30-х годах над мировым Сионом навис страшной угрозой Гитлер, и Россия нужна была в качестве противовеса этой угрозе. В 70-х же годах сионисты объявили своим главным врагом СССР, хотя это был всего лишь пропагандистский трюк: политика унижительного заискивания перед мировым сионизмом началась у нас не с нынешних «демократов», а уже тогда. Уже тогда настоящее, а не чисто формальное обличение сионизма было в Советском Союзе почти столь же опасным делом, как и в США. Обрушивая

беспощадные репрессии на русских патриотов, клика Брежнева–Суслова лишила режим его единственной потенциальной опоры и тем самым готовила крах этого режима в 1991 году.

Совсем иные тенденции возобладали в конце 30-х годов. Р. Конквест с удивлением отмечает, что в это время почти никогда не предъявлялись обвинения в приверженности к действительно реакционным идеям, например, монархическим, несмотря на обилие доносов в стиле «собирались бывшие офицеры и говорили за понижение советской власти». И понятен восторг одного старого офицера, который сказал тогда: «Я счастлив. Тюремны полны евреями и большевиками». Лев Разгон приписывает эту фразу Рощаковскому (Непридуманное. М., 1991, с.77). Согласно Р. Медведеву, ее слышал не Л. Разгон, а М. Кузенц (Вождь. Хозяин. Диктатор. М., 1990, с.315). Но не так важно, кто ее слышал и кто сказал, важно, чтобы мы поняли, почему она была сказана.

Любопытно, что понимание сути событий 30-х годов было присуще и известному сионисту М. Агурскому, который помер в августе 1991 года от радости по случаю победы «демократии» в России. М. Агурский писал, что в 1917 году произошла не только социальная, но и национальная революция; это была, прежде всего, победа национальных окраин над метрополией, Великобританией. Результатом стало преобладание нерусских элементов. Но в середине 30-х годов возникла новая тенденция.

«Причины чисток были гораздо глубже. Под прикрытием чисток происходили глубокие социальные и (не менее важные) национальные преобразования, в результате которых к власти пришла новая прослойка людей, большей частью крестьянского происхождения, среди которых практически больше не было инородцев (евреев, латышей, литовцев, поляков и т.д.). Это была реакция огромной славянской страны на интернациональные космополитические эксперименты 20-х и 30-х годов, которые игнорировали национальный фактор. Сталин просто поднял эту новую прослойку к власти: он не создал ее. Без всякого преувеличения можно рассматривать чистки 1936–1938 годов как один из последних этапов гражданской войны в России» (цит. по кн. Р. Медведева «О Сталине и сталинизме». Изд. Оксфордского университета, 1979, с.112).

УЦЕЛЕВШИЕ

Переход на национальные позиции привел к тому, что из оборота исчез лозунг «мировой пролетарской революции», В «Кратком курсе» эти слова были просто-напросто вычеркнуты. В марте 1936 года Сталин в беседе с американским журналистом Р. Говардом сделал удивленные глаза: «Какая мировая революция? Ничего не знаю, никаких таких планов и намерений у нас не было и нет». Как воздыхает профессор В. Сироткин (Трагедия Коминтерна. «Московская правда», 20 апреля 1989 года), «репрессии второй половины 30-х годов одновременно сопровождались репрессиями и похоронами всей концепции Коминтерна, всей его доктрины». Означенный профессор явно испытывал тоску по 20-м годам, когда слово «патриот» было ругательным. Что ж, сегодня доктор наук Сироткин может быть доволен: любезные его сердцу времена вернулись.

Еще в 1925 году известный деятель «Рабочей оппозиции» С. Медведев квалифицировал иностранные компартии как оравы мелкобуржуазной челяди, живущие русским золотом, В отношении большинства компартий эта характеристика оставалась верной вплоть до бесславного конца КПСС. Обычно делали так: брали от какого-нибудь народа десяток людей и торжественно выдавали их за уполномоченных представителей данного народа. Собранные такие десятки с еще большей помпой выдавались за представителей всего земного шара. Когда же в конце 30-х годов восторжествовал национальный подход, народы стали рассматривать как целое, а отдельных их представителей как отщепенцев, которых не стоит принимать во внимание, либо как подлинных представителей, причем оценка их была положительной или отрицательной в зависимости от отношений с тем или иным народом в данный момент. И эту перемену тенденции сразу почувствовали на своей шкуре иностранные коммунисты. 842 немецких антифашиста неожиданно для себя оказались не в фашистских, а в советских тюрьмах, в том числе члены Политбюро Германской компартии Реммеле (сошел с ума в концлагере) и Шультке, члены ЦК Эберляйн (убит конвоем на этапе), Нейман, Каппенбергер, Флик, Зускинд и Хирш, один из руководителей Баварской советской республики в 1919 году Будих, племянник К. Либкнехта Курт, вдова Э. Мюзама, сын Торглера, композитор Ганс Давид. Любовница Б. Брехта Карола Неер погибла в советских лагерях. Известный немецкий коммунист В. Мюнценберг отказался вернуться в Москву, был исключен из партии и убит во Франции в 1940 году. Любопытно, что даже немецкие евреи все равно считались нацистскими агентами (Р. Конквест. Великий террор, с.578).

Кроме Баварской советской республики в 1919 году недолгое время существовала еще и Венгерская. Ее вождь Бела Кун (т.е. Коган), после неудачи у себя на «родине» свирепствовал в Крыму, уничтожая безоружных, капитулировавших белогвардейцев. Не прошло и двадцати лет, как пуля настигла и его, а вместе с ним еще 12 бывших венгерских наркомов. Сын Б. Куна, писатель А. Гидаш, просидел в лагерях 17 лет.

Была вообще ликвидирована Компартия Польши, а персонально ее генеральный секретарь Ю. Лещинский (Ленский), члены руководства А. Варский (Варшавский), В. Костшева (Кошутская), Х. Валецкий, Будзинский, коммунистические лидеры Западной Украины и Западной Белоруссии – Вольф, Идэль, Майский и другие. По всему Союзу, как пишет Р. Конквест, было уничтожено 50.000 поляков, в одной Москве – 10.000 (цит. соч., с.584). Спаслись лишь единицы, в том числе Б. Берут, работавший следователем НКВД, но, кстати сказать, человек мягкого, отнюдь не чекистского характера.

По примеру Компартии Польши хотели разогнать и Компартию Югославии, когда во «враги народа» попал ее генеральный секретарь Горкич. Тито насилу доказал, что этого делать не стоит, но сам для себя сделал надлежащие выводы относительно того, каким должен быть национальный курс.

Туго пришлось не только полякам, но и представителям других соседних государств. Пострадали многие коммунисты из Латвии и Эстонии, были переарестованы почти все финны, жившие тогда в СССР (Р. Конквест, цит. соч., с.581), распущена Компартия Кореи. Румынский коммунист Марсель Паукер стал жертвой доноса собственной жены Анны Паукер. После войны эта

«принципиальная» женщина долгое время возглавляла румынское министерство иностранных дел, пока ее саму не обвинили в «уклоне». Погибли болгарские коммунисты Б. Стомоняков (зам. наркома иностранных дел), Р. Аврамов (управляющий объединения «Хлебоэкспорт»), Искров, товарищи Г. Димитрова по Лейпцигскому процессу Танев и Попов. Будущий премьер народной Болгарии Вилко Червенков спасся тем, что прятался под кроватью у Димитрова. Кое-кого Димитрову удалось спасти, как, например, Х. Кабакчиева. Среди жертв встречаются также имена китайских, иранских, мексиканских, индийских и итальянских коммунистов (в том числе Паоло Работти – зять П. Тольятти).

Те, кому было поручено пасти весь этот Коминтерн, тоже попали под подозрение и под репрессии, в частности, члены ЦК Пятницкий (Тарсис) и Кнорин. Чистку в Коминтерне осуществлял бывший заместитель председателя ОГПУ Меер Трилиссер, которого потом, разумеется, вычистили и самого.

5 марта 1939 года, накануне XVIII съезда ВКП(б), в Мадриде произошел военный переворот, и было свергнуто республиканское правительство Испании. Опыт Испанской войны, как уже говорилось, показал бессилие интернациональной идеи против идеи национальной, и этот опыт был учтен. Участников испанской войны истребляли довольно методично, чтобы не разводили здесь излишний интернационализм. Так неожиданно для себя

закончили свою жизнь фактический главнокомандующий испанской республиканской армии «генерал Гришин» (И.К. Берзин), герой обороны Мадрида комбриг Горев (Скоблевский), знаменитый летчик Смушкевич, не менее знаменитый журналист М. Кольцов (Фридланд), бывший в Испании таким же тайным эмиссаром, как Эренбург во Франции, и выведенный Хемингуэем в романе «По ком звонит колокол» под фамилией Карков; посол в Испании Розенберг, пытавшийся устроить обмен пленными с Франко (Сталин относился к таким вещам подозрительно), и В.А. Овсеенко (партийный псевдоним Антонов) – человек, который в октябре 1917 года арестовал Временное правительство, а позже был активным троцкистом. Его сын, А. Антонов-Овсеенко, опубликовал за последние годы немало статей во славу своего отца, но предпочитает умалчивать о том, что в 1937 году В. Антонов-Овсеенко, бывший тогда генеральным консулом в Барселоне, вместе с советским резидентом Орловым (Фельдбиным), тем самым, который потом бежал и распространял клеветнические сплетни про Сталина, и Эрне Гере, выгнанным из Венгрии в октябре 1956 года волной народного возмущения, приложил руку к расправе над испанской троцкистской организацией ПОУМ и ее лидером Андресом Нином. К этой организации был близок английский писатель Дж. Оруэлл. Потрясенный этой расправой, он обрел дар ясновидения и написал позже свой знаменитый роман «1984».

В марте 1939 года открылся XVIII съезд ВКП(б), который, в отличие от предыдущего съезда победителей», не имеет официального названия, но его можно было бы назвать «съездом уцелевших». Из 71 членов ЦК к тому времени оставалось в живых 25, из 68 кандидатов в члены ЦК – восемь, но в продолжение остававшихся до войны двух лет ряды верхнего эшелона продолжали редеть не только по естественным причинам. В 1939 году «два Кагановича, брата и щеголя» были еще налицо, но к началу войны остался

только один. Михаил Каганович был в 1937–1939 годах наркомом оборонной промышленности, позже наркомом авиационной промышленности, но с этого поста его сняли в январе 1940 года, а в феврале 1941 года предупредили, что если он «не выполнит поручения партии и правительства, то будет выведен из состава членов ЦК и снят с руководящей работы». Не в силах перенести такого и не будучи уверенным, что сможет выполнить поручения, М. Каганович наложил на себя руки.

3 мая 1939 года с поста наркома иностранных дел был внезапно снят М.М. Литвинов, он же Меер Валах, он же Финкельштейн. Этот наркомат при Литвинове представлял собой то же самое, что НКВД при Ягоде. В партийных кругах его называли синагогой (Дуглас Рид. Спор о Сионе, Иоганнесбург, 1986, с.347). Английский журналист У.Г. Чемберлен, который работал в СССР 12 лет, с 1922 по 1934 год, свидетельствует: «Преобладание евреев в этом комиссариате в годы моего пребывания в России было почти смехотворным; русские были представлены седым швейцаром и пожилыми, опустившегося вида женщинами, разносившими чай» (там же, с.341).

Теперь чистка началась и здесь. Если с 1936 по 1938 год было уволено 62% ответственных работников наркоминдела, то когда Литвинова заменил Молотов, уже 90% (М.И. Семиряга. Тайны сталинской дипломатии. ВШ, 1992, с.16). Теперь на эти события принято смотреть глазами Е.А. Гнедина, который подробно описал в мемуарах, как его арестовали и как били, но при этом обычно умалчивают, кто такой Гнедин. Подробные сведения на этот счет можно найти в книге Н. Берберовой «Железная женщина» (Н.-Йорк, 1981). Гнедин – сын А.Л. Парвуса (Гельфанда), того самого Парвуса, который организовал финансирование большевистской партии германским генеральным штабом и знаменитый переезд в plombированном вагоне, стремясь «на немецкие деньги создать единый антирусский фронт» (Железная женщина, с.173). Посредником при передаче денег был Ганецкий (Фюрстенберг), который и покровительствовал Гнедину (там же, с.183), благодаря чему Гнедин и дослужился в наркоминделе до поста зав. отделом печати, который до того занимал Уманский, молодой человек родом из Румынии, «столь же похожий на русского, как африканский негр» (Дуглас Рид, цит. соч., с.342).

Литвинов во внешней политике ориентировался, разумеется, на союз с Англией и Францией против Гитлера. Поэтому в Германии приветствовали назначение Молотова вместо Литвинова, с удовлетворением отметили, что Молотов – не еврей, хотя немецкая пропаганда постоянно напоминала, что у Молотова жена – П. Жемчужина. Англия же и Франция, наоборот, были не на шутку встревожены: призрак русско-германского союза вот-вот начнет обретать плоть. На новый заговор против Сталина сил уже не было, оппозиция была вырвана с корнем, но можно было организовать пропагандистскую акцию. И эта акция, как предупреждение Сталину, была предпринята как раз накануне заключения советско-германского пакта: 17-м августа 1939 года датировано знаменитое открытое письмо Ф. Раскольникова Сталину.

Нам с хрущевских времен преподносят это письмо как геройский поступок. О подлинных героях, таких, как Рютин, при Хрущеве еще не вспоминали. Но не следует ставить Раскольникова на один пьедестал с Рютиным. Случай с Раскольниковым имеет совсем иную подоплеку.

Ф. Раскольников (Ильин) был человеком с тяжелой наследственностью. Его отец покончил жизнь самоубийством, сам Раскольников в юности тяжело болел нервным истощением (И. Коссаковский. Гибель Ф. Раскольникова. «Советская культура», 1 августа 1989). Взять себе псевдоним фамилию убийцы из романа Достоевского можно было лишь по каким-то весьма сомнительным мотивам. Прославившись во время гражданской войны на морском поприще, Раскольников в 1920 году стал командующим Балтфлотом. Как пишет С. Семанов (18 марта 1921, М., 1977, с.66–67), Раскольников высокомерием, не скрывал своего пренебрежения к массам моряков. Его присные насаждали повсюду своеобразный «культ» Раскольникова, был даже флотский театр, официально называвшийся его именем. Тогдашняя жена Раскольникова Лариса Рейснер, яростная поклонница Троцкого, занимавшаяся просвещением моряков, усиленно насаждала авангардистские взгляды... В тяжелое для страны время, в голодном и холодном Кронштадте супруги Раскольниковы на виду у всех вели совершенно невоздержанный образ жизни, поселившись в роскошном особняке с целым штатом прислуги». Начальником Политуправления Балтфлота Раскольников назначил своего тестя, приват-доцента М.А. Рейснера, связанного с масонами. Сладкая жизнь этой семейки на Балтике тоже подлила масла в огонь недовольства, которое нашло свое выражение в Кронштадтском восстании. Убранный с Балтфлота Раскольников одно время возглавлял Главрепертком, выступал, в частности, против постановки пьес М. Булгакова, а однажды, когда Булгаков ответил встречной критикой, чуть не застрелил строптивого драматурга, поскольку подобно всем героям гражданской войны, привык носить «революционную справедливость» в кобуре.

Но весьма пикантные, не известные ранее подробности из биографии этого героя сообщает Н. Берберова. В 1919 году Раскольников попал в плен к англичанам и был привезен в Лондон, где переводчиком при его допросе был Брюс Локкарт. По инициативе Локкарта Раскольникова обменяли на пленных английских матросов, освободив его еще до отсылки в Россию. Локкарт поселил Раскольникова в гостинице, помог ему купить себе костюмы и побывать в лондонских театрах. «Главное, чтобы костюмчик сидел». И костюмчик сел. В 1937–1938 годах, когда Раскольников был полпредом в Болгарии, Локкарт несколько раз приезжал туда, и Н. Берберова считает вполне вероятным, что он пользовался этим каналом для своей агентуры (Железная женщина, с.346– 347). Таким образом, прославленный герой на поверку оказывается вульгарным английским агентом, и не случайно бедный невозвращенец жил в 1939 году на фешенебельных французских курортах на Ривьере. Своим «открытым письмом» он отрабатывал затраты своих хозяев. Хозяева не учли лишь одного: трухлявой нервной системы своего подопечного, который от собственного героизма тотчас же впал в депрессию, начал резать себе вены, а 12 сентября выбросился из окна нервной клиники в Ницце (там же, с.287).

Однако история с Раскольниковым несколько отвлекла нас от анализа перестановок в верхах. Затронули они, хотя и в гораздо меньшей мере, чем в 1937– 1938 годах, и армию. В связи с хасанскими событиями мы уже упоминали двух персонажей – Штерна и Мехлиса. Штерн сменил на дальнем Востоке Блюхера, но на этом командном посту до войны тоже не дожил. Счаст-

ливей сложилась судьба Мехлиса, к которому Сталин питал какую-то непонятную слабость.

Одессит Л.З. Мехлис до революции принадлежал к сионистской организации «Поалей Цион», в гражданскую войну дослужился до военного комиссара Правобережной группы войск на Украине, а в 1921–1922 годах работал в наркомате РКИ у Сталина, потом пять лет – в секретариате Сталина. В 1930 году окончил Институт красной профессуры, где возглавлял партком вместе с Поспеловым, о котором мы еще будем говорить. С 1930 по 1937 год Мехлис – редактор «Правды», а в 1937 году он был назначен начальником Главного политуправления РККА вместо Гамарника.

Здесь-то Мехлис и развернулся во всю силу своих «дарований». Почти все наши военачальники – Жуков, Василевский, Штеменко и другие – расписались в мемуарах в непреодолимом отвращении к Мехлису. Мы помним, какие доносы он писал с озера Хасан. Тем же самым занимался он и во время финской войны. Как свидетельствует С. М. Штеменко, «донесения его.., всегда оставляли в душе горький осадок: они были черны, как ночь. Пользуясь предоставленными ему правами, Мехлис снимал с командных постов десятки людей, тут же заменяя их другими, привезенными с собой» (Генеральный штаб в годы войны. Кн. I, М., 1981, с.18).

По словам генерала Н.Г. Павленко, Мехлис «был редкий проходимец... Самодурство Мехлиса не знало границ. Практически на всех военачальников, к которым он временно «приставлялся» в качестве члена Военного Совета, Мехлис писал доносы.., Резервный и Крымский фронты, где Мехлис был представителем Ставки, потерпели жесточайшие поражения» («Родина», 1991, №6-7).

Особенно осрамился Мехлис на Керченском полуострове в 1942 году. Участникам этих событий была «ясна причина позорнейшего поражения. Полное недоверие командующим армиями и фронтом, самодурство и дикий произвол Мехлиса, человека неграмотного в военном деле... Запретил рыть окопы, чтобы не подрывать наступательного духа солдат. Выдвинул тяжелую артиллерию и штабы армии на самую передовую и т.д. Три армии стояли на фронте 16 км, дивизия занимала по фронту 600–700 м... И все это смешалось в кровавую кашу, было сброшено в море, погибло только потому, что фронтом командовал не полководец, а безумец» (К.Симонов. Глазами человека моего поколения. М., 1989, с.301). После этого Мехлис ползал на коленях перед Сталиным и, обливаясь слезами, поносил себя всякими ругательными словами, называя себя «паршивым жидом» («Родина», 1991, №6–7, с.89). Лишь тогда, в 1942 году, до Сталина, наконец, дошло, что Главное политуправление армии – место, не подходящее не только для гусевых и гамарников, но и для мехлисов.

Командующего Крымским фронтом Козлова Сталин тоже снял, несмотря на попытки Козлова оправдаться тем, что ему мешал Мехлис. «Ведь вы командовали фронтом, а не Мехлис», – возразил Сталин, (К.Симонов, цит. соч., с.432-433). Но не все были такими робкими, как Козлов. Когда в 1944 году Сталин давал Черняховскому фронт и попытался подсунуть ему Мехлиса в члены Военного совета, то у Черняховского непроизвольно вырвалось:

«Только не Мехлиса!» Сталин недовольно поморщился, пробормотал, что Мехлис «исправился», но настаивать не стал, а позже пристроил-таки своего любимца на 4-й Украинский фронт, где его ближайшим помощником по политработе был Л.И. Брежнев.

Из новых членов ЦК 1939 года подобно Мехлису пережил войну, но не пережил Сталина Лозовский (Дридзо), зам. наркома иностранных дел. Светилами идеологии в этом ЦК были Митин и Пospelов (Фейгельсон), который при Хрущеве, будучи секретарем ЦК, собирал досье на Сталина, а в 30-е годы служил Сталину в рядах Комиссии партийного контроля, возглавлявшейся Кагановичем и Ежовым.

К шести оставшимся старым членам Политбюро добавились двое новых – Жданов и Хрущев. Кандидатам в члены Политбюро стали Берия и Шверник, многотерпеливый профсоюзный лидер, просидевший потом, как говорится, в «партийных девках» 18 лет, прежде чем по пал в само Политбюро. Л. Каганович утратил звание секретаря ЦК, а вместо него в секретариат был введен Г.М. Маленков.

Сыновей бывших советских государственных деятелей очень заботит репутация их папаш. Мы только что видели это на примере А. Антонова-Овсеенко, не является исключением и А.Г. Маленков. В своей статье в газете «Мы» (сентябрь 1992) он уверяет читателей, будто именно его отец избавил страну от Ежова, а потом от Берии. В действительности Г. Маленков, этот «убогий и недобрый человек», по оценке Р. Медведева («Они окружали Сталина», с.279) поддерживал Ежова в борьбе против Кагановича, а позже предал, как предал Берию в 1953 году. Маленков начал делать карьеру благодаря удачной женитьбе на работнице аппарата ЦК В. Голубцовой, был техническим секретарем Политбюро, а с 1934 года – зав. отделом руководящих партийных кадров ЦК. Другие выдвиженцы того периода относились к нему пренебрежительно, и, похоже, недооценивали. Жданов дал Маленкову презрительную кличку «Маланья», а Хрущев в своих мемуарах называет его типичным аппаратчиком, привыкшим иметь дело с бумажками, а не с людьми. В конце 30-х годов Маленков круто пошел вверх, и в начале 1941 года стал кандидатом в члены Политбюро.

Постепенно окружал себя своими людьми Жданов. Его ближайшим сподвижником был А.С. Щербаков (р.1901), работавший под его руководством еще в Нижнем Новгороде. В 1936 году Жданов взял Щербакова к себе в Ленинград, а в 1938 году Щербаков возглавил московскую парторганизацию. В 1939 году он стал членом Оргбюро, а в 1941 – секретарем ЦК и кандидатом в члены Политбюро.

Хрущев в своих мемуарах пишет о Щербакове со злобой, как о «ядовитой змее», хотя и не объясняет, почему. А причина вполне понятна: Щербаков отнял у Хрущева Москву, куда Хрущев вернулся снова лишь в 1949 году. Из-за этой неприязни Хрущев не позволил дать станции метро «Мир» имя Щербакова, и сегодня это имя снова стерто со схемы московского транспорта «демократами», которые, очевидно, мстят Щербакову за то, что именно он в 1942 году занял место Мехлиса во главе политуправления армии.

другим выдвиженцем Жданова был Н.А. Вознесенский (р. 1903), заместитель председателя Ленсовета, ставший в 1938 году председателем Госплана, в 1939 году – заместителем председателя СНК, а в 1941 году – кандидатом в члены Политбюро. К той же ленинградской группе принадлежали и новые члены ЦК зам. председателя СНК Косыгин, секретарь ЛК А. Кузнецов, а также кандидаты в члены ЦК Родионов и Попков. Всю эту группу беспощадно уничтожил после войны «добрый папаша» Маленков, но об этом позже.

СТАЛИН И ГИТЛЕР

Поскольку мы уже вплотную приблизились к войне, естественно задать вопрос, как отразились все наши внутривластные «неурядицы» конца 30-х годов на советско-германских отношениях, точнее, была ли допущена ошибка в выборе внешнеполитического курса, и если да, то когда и какая именно? От советско-французского договора 1935 года СССР пришел к советско-германскому пакту 1939 года. Что случилось у нас за этот отрезок времени – известно. Но остается не вполне выясненным вопрос, в какой мере произошедшее было связано с изменением политического курса.

Р. Конквест (и не он один) устанавливает прямую связь: «часто полагают, что одним из мотивов сталинской чистки, в частности, чистки армии, было обеспечение свободы маневров, закончившихся нацистско-советским пактом в 1939 году» (Великий террор, с.297), причем, по словам Конквеста, заключенные предсказывали этот пакт еще в 1938 году, исходя из арестов иностранных коммунистов. Но с какой, спрашивается, стати Сталин воспылал такой любовью к Гитлеру, что начал крушить все, мешавшее соединению любящих сердец?

Вздор, конечно. Какая там любовь! Правда, мне приходилось слышать от немцев такое мнение, будто грузины в Советском Союзе были самым германофильски настроенным народом, и не случайно, дескать, сын Берии учился в Германии, а Берия еще в 1953 году, за 37 лет до Горбачева, хотел способствовать объединению Германии. Историк С. Случ («Россия», 1992, №25) отмечает, что почву в Германии зондировали такие доверенные люди Сталина, как зам. наркома внешней торговли Элиава, торговый атташе в Берлине Канделаки, а Енукидзе еще в 1934 году указывал послу Германии Шуленбургу на полный смысл наладить прочные отношения на основе схожести однопартийных систем правления в СССР и Германии.

Дело, конечно, не в грузинах. В 1939 году речь шла совсем о другом. Стратегическая цель западных «демократий» оставалась той же, что и в 1914 году, когда, устроив сараевскую провокацию, они сравили русскую и германскую монархии с целью добиться их обоюдного краха и присоединить их ко всемирной масонской империи. После 1933 года, когда Германия выпала из мировой масонской системы, в повестку дня снова встала прежняя задача в несколько видоизмененной форме. Требовалось сравить два «тоталитарных режима» и снова добиться таким путем их обоюдного краха. Это удалось сделать, но крах в 1945 году потерпела одна Германия, с Россией же пришлось провозиться еще четыре с половиной десятилетия, прежде чем удалось вернуть ее в лоно «мировой цивилизации», о которой наши «демокра-

ты» не могут говорить иначе, как с благоговейным придыханием, обливаясь счастливыми слезами и соплями, на самом же деле речь идет о том, что Россию прикрутили к вышеупомянутой мировой масонской системе. Надолго ли?

Чего добивались в 1939 году Англия, Франция и США, Сталин отлично понимал задолго до того, как Трумэн сделал свое печально знаменитое заявление: «Если будет выигрывать Германия – нужно помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нужно помогать Германии, и пусть они ослабляют друг друга как можно больше». Сталин понимал, что основная тяжесть войны, в которую втягивали Советский Союз, ляжет на плечи нашей страны. И Сталин поставил перед собой колоссальную внешнеполитическую задачу: не дать на потеху бесам навлечь себя в войну, попробовать ИЗБЕЖАТЬ войны.

Не за счет, конечно, слюнтяйских пацифистских призывов. Сталин руководствовался в своей политике старой и верной латинской пословицей: «Если хочешь мира, готовься к войне». Сталин же хотел мира. Не хотели его в партийных верхах известной национальности, на которых Гитлер действовал, как красная тряпка на быка. От имени этих кругов рыл землю носом Литвинов, отстаивая англо-французскую ориентацию внешней политики, с их же заданиями ездил в Европу и Тухачевский. Сталин же не хотел выступать в роли продавца русского пушечного мяса и действительно всеми силами старался сохранить за собой ту «свободу маневра», о которой говорит Р. Конквест, но отнюдь не из любви к Гитлеру, а с единственной целью обеспечить для своей страны мир.

В 1939 году договор с западными державами означал войну, договор с Германией – мир. И Сталин выбрал мир.

В 1989 году у нас была устроена шумная политическая свистопляска по случаю 50-летия «пакта Молотов– Риббентроп». Тон задавали прибалтийские республики, хотя кое-кому лучше было бы помалкивать в тряпочку. Это я о Литве. Ведь именно по милости Молотова и Риббентропа Литва получила в 1939 году Виленщину, присоединенную в 1920 году к Польше. Сегодня Литва снова стала независимой, но что-то не слышать, чтобы она собиралась возвращать земли, полученные в дар от двух «злодеев». Литва, как видим, до сих пор извлекает выгоды из этой «грязной сделки», а СССР за эту сделку «демократически» настроенные авторы разных национальностей лицемерно осуждают. Но если Литве дозволено преследовать свои выгоды, почему СССР в 1939 году не мог преследовать свои? А договор с Германией был тогда для нашей страны, безусловно, выгоден.

Можно сколько угодно исходить праведным либеральным гневом по поводу секретных протоколов к этому договору, но нужно же отдавать себе отчет в том, что в условиях мирового конфликта малые государства неизбежно оказываются страдающей стороной и с их интересами никто не считается. Так, англичане и французы еще в январе 1940 года разработали план высадки своих войск в Норвегии, и немцы в апреле всего лишь их упредили. В мае 1940 года французские войска заняли территорию Бельгии до линии Антверпен–Намюр. И Советский Союз в чаянии предстоящей войны основательно отодвинул свои границы на Запад, и это был совершенно правильный шаг. Представьте себе, что немцы в 1941 году начали бы свое наступление от

Нарвы, Минска и Житомира. Ведь в этом случае «блицкриг» мог бы оказаться победоносным. Вспомните, что граница в 1939 году проходила всего в 32 км от Ленинграда. Это теперь М. Семиряга может изображать наивность: ну и что, ведь у финнов не было артиллерии, чтобы обстреливать с такого расстояния Ленинград (Тайны сталинской дипломатии. ВШ, 1992, с.158). да, у финнов не было, а у других?

М. Семиряге представляется «маловероятной» возможность создания единого антисоветского фронта и в 1939 году (там же, с.52). Но с другой стороны, он же сам признает реальным тот вариант, что при затяжке советско-финской войны на стороне Финляндии могли выступить Англия и Франция (там же, с.82). С этой целью, кстати, и планировалась высадка англо-французских войск в Норвегии. Одновременно намечался бомбовый удар французской авиации с баз в Сирии по Баку. Таким образом, независимо от своей войны с Германией, Англия и Франция вступили бы в войну против Советского Союза. Кто помешал бы Гитлеру, пока война на Западе оставалась «странной», т.е. практически не велась, тоже повернуть свои войска на Восток?

Всегда следует помнить и о том, что в политическом раскладе 1939 года важнейшую роль играл японский фактор. На август 1939 года, т.е. а время заключения германо-советского пакта, как раз приходится самый разгар боев на Халхин-Голе, которые продолжались там до конца этого месяца. В этих условиях, как отмечал германский посол в Москве Шуленбург в письме в германское министерство иностранных дел 5 июня 1939 года, «Япония не хотела бы видеть и малейшего согласия между нами и Советским Союзом» (СССР–Германия 1939–1941. Н.-Йорк, 1989, с.15). Поэтому, как сообщал временный поверенный СССР в Токио Н.И. Генералов, «известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь» (см. М.И. Семиряга, цит. соч., с.41). Японский кабинет во главе с К. Хиранума, являвшийся сторонником жесткой политики в отношении Советского Союза, 28 августа 1939 года подал в отставку, причем Хиранума заявил, что советско-германский договор делает необходимой совершить новую внешнеполитическую ориентацию Японии. Таким образом, Сталин ловко поссорил Германию с Японией и тем самым предотвратил войну на два фронта в 1941 году.

Некоторые думают, что лучше было бы вступить в войну с Германией раньше, в 1939 году, в союзе с Польшей. Но нужно помнить о том, что и сам Гитлер в своем «Завещании» жалел, что не вступил в войну раньше. Нужно помнить, что Пилсудский еще в 1933 году, когда Гитлер только пришел к власти, предлагал начать превентивную войну против Германии, но на этот призыв никто не откликнулся. После смерти Пилсудского польская внешняя политика приобрела явный прогерманский крен. Как отметил в своем дневнике 9 марта 1937 года американский посол в Москве Дж. Дэвис, в случае немецко-русского конфликта в этот период Польша, безусловно, встала бы на сторону Германии (К. Мольтке. За кулисами мировой войны. М., 1952, с.31). Именно Польша в 1938 году заблокировала приход советских войск на помощь Чехословакии, мало того, приняла участие в разделе этой страны, отхватив себе часть Тешинского угольного бассейна, да и на Литву поглядывала с вожделением – не устроить ли ей «аншлюс» по австрийскому образцу.

До января 1939 года Гитлер еще надеялся на союз с Польшей против СССР (вот какой блок нам еще угрожал!). И переговоры с Англией и Францией в 1939 году были сорваны, в частности, потому, что польское правительство категорически воспротивилось возможности прохода советских войск через польскую территорию в случае агрессии Германии. Что же: советские войска все равно вошли в Польшу в сентябре 1939 года без согласия этого правительства.

Вторая мировая война началась с краха Польши. Ф. Энгельс писал К. Марксу 23 мая 1851 года, что, по его мнению, «поляки – разложившаяся нация, которая нужна как средство лишь до того момента, пока сама Россия не будет вовлечена в аграрную революцию. С этого момента существование Польши не имеет никакого смысла». Марксистские начетчики хорошо вызубрили классиков, имели наготове цитаты на любой случай и моментально задействовали вышеупомянутую цитату из Энгельса в журнале «Большевик» (1939, №18). В 1939 году предсказание Энгельса сбылось. В.М. Молотов начал ноту, направленную 17 сентября польскому послу, со слов: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства». Гитлер в своей речи 6 октября тоже назвал главной причиной победы германской армии нежизнеспособность польского государства: «На костях и крови немцев и русских, – заявил он, – без всякого учета исторических, этнографических и экономических условий было создано государство, не имевшее никакого права на существование» 7 октября 1939).

В совместном советско-германском заявлении от 28 сентября 1939 года указывалось, что в результате распада Польского государства создан прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе, и ответственность за продолжение войны несут Англия и Франция. А 31 октября на заседании Верховного Совета В.М. Молотов сделал доклад, в котором высказал ряд весьма поучительных и доныне мыслей: «Английские, а вместе с ними и французские сторонники войны, – сказал он, – объявили против Германии что-то вроде «идеологической войны», напоминая старые религиозные войны. Действительно, в свое время религиозные войны против еретиков и иноверцев были в моде. Они, как известно, привели к тягчайшим для народных масс последствиям, к хозяйственному разорению и культурному одичанию народов. Ничего другого эти войны и не могли дать. Но эти войны были во времена средневековья. Не к этим ли временам средневековья, к временам религиозных войн, суеверий и одичания тянут нас снова господствующие классы Англии и Франции?»

«Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это – дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию».

Эти высказывания Молотова сегодня подвергаются ожесточенной критике, а ведь они совершенно правильны. Идеологические запреты, установленные после войны победителями в Западной Европе, и длинный список жертв этих запретов на протяжении последующих десятилетий свидетельствуют о том,

что западная модель демократии столь же далека от подлинной демократии, как небо от земли, но именно эту модель нам навязывают сегодня ее здешние поклонники, вооруженные 74-й статьей и омоновскими дубинками.

В побежденной Германии англо-американские оккупанты преследовали «нацизм», а в Японии, за отсутствием там нацизма, пытались таким же образом прижимать синтоизм, но потом постепенно бросили это занятие. Так при желании можно придраться и к исламу за проповедь джихада. С этого и начинаются религиозные войны, об опасности которых предупреждал Молотов. И сегодня, когда у нас устраивают судилище над Коммунистической партией, что это, как не очередная попытка уничтожить идеологию силой? Настораживает и словечко «еретики» в лексиконе А. Невзорова – это тоже пахнет кострами, тоже грозит религиозными войнами.

Ж. Тириар называет германо-советский пакт 1939 года «самым разумным из всего того, что было сделано в геополитической дипломатии за последний век» («Консьянс эропыен», июль 1984). С его точки зрения, «противоестественным» был не союз Сталина с Гитлером, а союз СССР с западными демократиями.

Вспомним, что еще в 1930 году Троцкий обвинял Сталина в «национал-социализме» (Моя жизнь, II, с.172). Сотрудник министерства иностранных дел Германии Ю. Шнурре в своем меморандуме от 27 июля 1939 года, обращал внимание своих шефов на то, что «слияние большевизма с национальной историей России, выражающееся в прославлении великих русских людей и подвигов (празднование годовщины Полтавской битвы Петра Первого, битвы на Чудском озере Александра Невского) изменили интернациональный характер большевизма» (СССР–Германия 1939–1941, ч. 1, с.24). Граф Чиано, министр иностранных дел Италии и зять Муссолини, тоже отмечал, что Советский Союз порвал с интернационализмом и пришел к своего рода «славянскому фашизму». Социализм в Советском Союзе к концу 30-х годов, действительно, на глазах обретал явные черты национал-социализма, который представляет собой единственную жизнеспособную форму социализма. Союз двух национал-социализмов и вправду был вполне естественным. Почему же он распался?

Взаимное сближение после многолетней пропагандистской войны было очень трудным, оно осложнялось обоюдными подозрениями, и, в конце концов, подозрения с немецкой стороны взяли верх над стремлением к сотрудничеству. Поворотным пунктом стали переговоры Молотова в Берлине в ноябре 1940 года.

В ходе этих переговоров Гитлер пытался убедить Молотова в том, что два великих народа Европы добьются большего, если они будут держаться вместе, чем если они будут действовать друг против друга» (СССР–Германия 193–1941, ч.2, с.104). «Чем больше Германия и Россия, стоя спиной к спине, преуспеют в борьбе против внешнего мира, тем большими будут их успехи в будущем, и те же успехи будут меньшими, если две страны встанут друг против друга» (там же, с.113–114). Но в то же время Гитлер выразил обеспокоенность в связи с притязаниями СССР не только на Северную, но и на Южную Буковину и угрозой новой войны СССР против Финляндии. Молотов выразил

удивление, почему эта возможная война так беспокоит немцев, а по вопросу о Румынии пошел в контратаку, заявив, что гарантии, принятые Румынией от Германии и Италии, направлены против интересов СССР. Словом, на смену гибкости, проявленной в 1939 году, пришла совершенно недипломатичная жесткость. Но попытка давить на Гитлера принесла обратный результат: 18 декабря 1940 года была подписана директива 21 (план Барбаросса).

Германия все время сулила Советскому Союзу журавля в небе, соблазняя его перспективами раздела Британской империи и выхода к Индийскому океану, но правительство Советского Союза предпочитало получить синицу в руки, продолжая традиционную политику России на Балканах, а здесь интересы нашей страны и Германии как раз сталкивались. Те писаки, которые сегодня изощряются на тему, как Сталин якобы угождал Гитлеру, пусть вспомнят, что после свержения прогерманского правительства Югославии 27 марта 1941 года СССР подписал с этой страной договор о дружбе, что было явно антигерманским демаршем (См. статью В. Абаринова «Барбаросса» – «Независимая газета», 19 июня 1992). Это нынешние правители России, угождая Западу, предали Югославию, а Сталин никому не «угождал».

Как известно, беглый сотрудник ГРУ Резун, кощунственно прикрывшись псевдонимом «Суворов», выпустил на Западе книгу «Ледокол», в которой выдвигает версию, будто нападение Гитлера на СССР было превентивной войной, поскольку Сталин сам собирался напасть на Германию. Моя статья с опровержением этой насквозь лживой, антиисторической версии уже была опубликована в «Русском Вестнике» (1991, №17). Некоторые тезисы из этой статьи я хотел бы здесь повторить.

За последние годы нашлось немало Охотников высмеивать Сталина: и к войне-то он не готовился, и никаких предупреждений не слушал. «Ах, как глуп был этот Сталин», – издеваются эти обличители. О подобной публике хорошие стихи написал в свое время Саша Черный:

Раз двое Третьего рассматривали в лупы
И изрекли: «Он глуп». Весь ужас здесь был в том,
Что тот, кого они признали дураком,
Был умницей, – они же были глупы.

Даже «Суворов» вынужден признать: «Разница между Гитлером и Сталиным заключается в том, что Сталин действительно серьезно готовился к этой войне». Разбирает «Суворов» подробно и вопрос о т.н. предупреждениях и о том, почему Сталин им не верил. На поверку оказывается, например, легендой вся версия о предостережениях Черчилля. В письмах Черчилля Сталину, в том числе и в самом известном от 19 апреля 1941 года, никаких предостережений по сути нет. Сообщение о переброске трех танковых дивизий из Румынии на юг Польши к моменту его получения устарело, так как переброска была отменена в связи с вышеупомянутыми событиями в Югославии.

Не так все просто и со знаменитым Рихардом Зорге, который отказался по вызову вернуться в СССР, и на него, что вполне понятно, смотрели как на невозвращенца и соответственно относились к его донесениям. «Суворов» считает, что «Зорге вообще не сообщал в Москву ничего важного относи-

тельно немецкого вторжения. Более того, Зорге пал жертвой дезинформации и даже снабжал ГРУ неверной информацией».

Все сообщения наших разведчиков сравнивались и проверялись. Одновременно велся тщательный поиск объективных доказательств подготовки Германии к нападению на СССР. Важнейшим элементом такой подготовки считалась закупка овечьих шкур для зимнего обмундирования, поэтому по всей Европе собиралась информация о ценах на баранину. И вывод был таков, что серьезной подготовки нет. Поэтому Сталин и оставался спокойным, его окружение тоже, только А.А. Жданов, по свидетельству Г.К. Жукова, высказывал иную точку зрения о возможности нападения немцев, неизменно говорил о немцах очень резко и утверждал, что Гитлеру нельзя верить ни в чем (К.Симонов. Глазами человека моего поколения, с.348).

Гитлер не готовился к зиме, так как полагал, что СССР будет молниеносно разбит в ходе летней кампании. Однако количество теплых месяцев в году оказалось недостаточным для достижения этой цели. Важнейшую роль сыграли события в Югославии, из-за которых нападение на СССР было совершено не 15 мая, как первоначально предусматривалось планом «Барбаросса», а на шесть недель позднее. Можно сказать, что Югославия в 1941 году спасла Россию, и вот как Россия теперь отплатила ей за это!

даже в те роковые часы, когда война уже начиналась, Сталин все еще надеялся спасти мир. Где-то в глубине души он надеялся, что у Гитлера хватит ума не лезть на Россию, что германский вождь понимает, кому это выгодно, понимает, если он не совсем идиот, что Россию ему не победить.

Но Гитлер так ничего и не понял. Происходивших в Советском Союзе изменений он совершенно не учел, целиком оставаясь в плену своих старых мнений тех времен, когда он писал «Майн Кампф» (с.326): «добившись политической власти, евреи сбрасывают маски. Евреи-демократы превращаются в евреев-расистов, тиранящих народы. За несколько лет они стараются уничтожить национальную интеллигенцию и, лишив их природных интеллектуальных руководителей, сделать их созревшими для рабского жребия и вечного угнетения».

«Самый страшный пример этого рода – Россия, где евреи убили или уморили голодом около 20 миллионов человек с воистину фанатичной жестокостью, прибегая к бесчеловечным пыткам, чтобы банда еврейских журналистов и биржевых бандитов получила власть над великим народом»

Гитлер думал, что этого великого народа больше нет. И это было роковое заблуждение.

СТАЛИН КАК ПОЛКОВОДЕЦ

Когда речь заходит о подготовленности Советского Союза к войне, все время напрашиваются параллели с первой мировой войной: та же невыполненная программа вооружений, тот же разноречивый в стратегических концепциях, даже точно такая же путаница с крепостями, сиречь укрепрайонами: старые

разрушили, а новые еще не успели построить. Хрущев даже утверждает в своих воспоминаниях, что Советский Союз оказался еще хуже подготовленным к войне, чем царская Россия. Ценное, конечно, признание, особенно если учесть, что оно высказано бывшим руководителем коммунистической партии.

То же и с военным руководством. Разумеется, Ворошилов и Буденный оказались совершенно неподходящими фигурами для современной войны, поэтому кончили мы войну уже не с ними, а с Жуковым и Рокоссовским. Но ведь и первую мировую войну начинали с Жилинским и Н.И. Ивановым, а кончали с Алексеевым и Брусиловым. Есть в этом и своя закономерность. В разгар войны, летом 1942 года, в «Правде» была напечатана пьеса А. Корнейчука «Фронт», резкая сатира на бездарных военачальников, живущих капиталом времен гражданской войны. Сталин дал указание: опросить командующих и всех высших генералов, какого они мнения о пьесе Корнейчука, причем, судя по воспоминаниям маршала Конева, мнение это во многих случаях было резко отрицательным, вразрез со сталинским (К.Симонов. Глазами человека моего поколения, с.403-405). Любопытно, что рассуждения главного отрицательного персонажа этой пьесы, генерала Горлова, почти буквально повторил маршал Тимошенко в беседе, воспроизведенной в воспоминаниях Штеменко.

Д. Волкогонов утверждает, что Тимошенко очень боялся «вождя» (Триумф и трагедия, Кн.1I, часть 1, с.155). Однако это утверждение опровергает маршал Жуков, который словно предвидел будущую публикацию Волкогонова, когда говорил: «Тимошенко в некоторых сочинениях оценивают совершенно неправильно, изображают его чуть ли не как человека безвольного и заискивающего перед Сталиным. Это неправда. Тимошенко старый и Опытный военный, человек настойчивый, волевой и образованный. Во всяком случае, наркомом он был куда лучшим, чем Ворошилов» (К.Симонов. Цит. соч., с.386). Поскольку с Тимошенко работал не Волкогонов, а Жуков, мы скорее поверим Жукову.

Тимошенко был назначен наркомом обороны вместо Ворошилова после финской войны, когда пришлось принимать срочные меры с целью улучшить состояние армии. Очень остро встал вопрос о военных кадрах, и были даже освобождены из лагерей тысячи военных, в том числе будущий маршал Рокоссовский, командующие армиями Горбатов и Подлас (возглавлял 57-ю армию, погиб во время немецкого наступления в мае 1942 г.), командующий танковой армией Богданов. Вновь получил назначение в армию и Л.Г. Петровский, сын Г.И. Петровского (погиб в июле 1941 года в Белоруссии, командуя корпусом).

Хорошие военные кадры у нас были. Жуков и Мерецков занимали высшие должности еще до войны. Целую плеяду талантливых военачальников – Василевского, Ватутина, Соколовского, Антонова, Штеменко – вырастил в Генеральном штабе маршал Б.М. Шапошников. Кадровый военный царской армии, он хорошо знал свое дело и умел передавать свои знания другим. Главным недостатком Шапошникова было характерное для него, а не для Тимошенко абсолютное подчинение воле Сталина. «Ничего не могу сделать, голубчик, – приказ Верховного» – с такой коронной арией постоянно выступал

ет Шапошников в воспоминаниях Жукова. Но после всех прошедших чисток поведение Шапошникова понять, конечно, можно.

Уже в 1941 году командовали фронтами Конев и Еременко. Быстро выдвинулись в ходе самой войны Рокоссовский, Говоров, Малиновский, Черняховский. В один ряд с ними мог бы встать и А.А. Власов.

Власов родился в 1901 году в Нижегородской губернии в семье крестьянина, учился, как и Сталин, в духовной семинарии, воевал в гражданскую, но коммунистом стал только в 1930 году. В 1938–1939 годах был военным советником в Китае. По возвращении получил совершенно разболтанную 99-ю стрелковую дивизию, из которой сделал образцовое соединение, отличившееся в самом начале войны, целую неделю удерживая Перемышль. Войну Власов встретил во Львове, командуя 4-м мотомехкорпусом, затем стал комендантом Киевского укрепрайона и сформировал 37-ю армию для обороны Киева. В декабре 1941 года во время битвы за Москву, 20-я армия, которой командовал Власов, освободила Солнечногорск. В апреле 1942 года Власова поставили во главе 2-й ударной армии, перед которой была поставлена задача прорвать блокаду Ленинграда. Задача эта оказалась непосильной, армия потерпела поражение, а Власов 13 июля 1942 года сдался в плен.

Поскольку в наше время предатели у власти в чести, естественно, предпринимаются попытки оправдать и даже поднять на пьедестал и генерала Власова, представить его таким идейным борцом против «сталинизма». Достойную и весьма аргументированную отповедь этим попыткам дали в серии статей под общим названием «движение, которого не было, или история одного предательства» в «Военно-историческом журнале» (1991, 7, 9, 12) А.Ф. Катусев и В.Г. Оппок (сын расстрелянного Сталиным бывшего члена ЦК Ломова). Эти авторы твердо убеждены, что никаких антисоветских настроений у Власова до пленения не было, и обращают внимание на то обстоятельство, что пик карьеры Власова приходится на 30-е годы, когда «многие из наиболее принципиальных кадровых офицеров, стремившихся к подлинному укреплению армии и открыто выступавших против недостатков, были репрессированы. Вот их-то места и занимал без зазрения совести «борец» Власов». Никакими идейными соображениями он никогда не руководствовался, а просто старался оказаться на стороне сильнейшего: сначала Сталина, потом немецких оккупантов, а в конце войны переметнулся снова, на этот раз на сторону американцев, попытавшихся покрыть старые грехи помощью пражским повстанцам в мае 1945 года. Но и эта измена впрок не пошла: грехи перевесили. А ради чего, спрашивается, было грешить? Ведь сколько ни предлагал Власов немцам свои услуги, они неизменно отвергались вследствие антиславянских вообще и антирусских в частности взглядов германского руководства, в тупой самоуверенности полагавшего, что справится с Советским Союзом и без какой-то там РОА. И лишь за полгода до конца войны, когда крах уже был совсем близок, немцы соизволили согласиться на формирование русских частей, но было поздно. Очень трудное и неблагодарное занятие: пытаться лизнуть сапог, которым тебя тычут в лицо, а Власов только этим и занимался два с лишним года.

Возносить Власова нет причин, но не следует и быть к нему несправедливым, например, отрицать его военные таланты. Даже Хрущев в своих мемуарах

отдает ему в этом отношении должное, недоумевая только, чем объясняется измена Власова, А объясняется она очень просто: беспринципностью. Это теперь нежелание стойких людей поступиться принципами вызывает лишь вражду и насмешки публики определенного пошиба, задающей тон в средствах массовой информации. Но есть такой принцип, как патриотизм, который важнее личных обид. У Рокоссовского, например, в отличие от Власова, действительно были причины ненавидеть Сталина, однако Рокоссовский не перешел из-за этого к немцам и в 1945 году командовал Парадом Победы, а Власов бесславно кончил свою жизнь на виселице.

Но началась война так, что в эту грядущую победу, хотя ее предсказал Молотов в речи 22 июня 1941 года, далеко не все верили. Бытует мнение, будто Сталин впал в прострацию сразу же после сообщения о нападении немцев, но на самом деле это произошло позже, через четыре-пять дней, когда выяснилось, что Западный фронт развалился, как карточный домик, и немцы прорвались к Минску.

По рассказу Микояна, Вознесенский, узнав, в каком состоянии находится Сталин, возмущился и предложил Молотову: «Вячеслав, иди вперед, мы пойдем за тобой». Микоян толкует это так, что Молотову предложили занять место вождя, а Волкогонов теряется в догадках, не подумал ли Сталин, что его собираются сместить и арестовать? (Триумф и трагедия, II, ч.1, с.168–169). Возможно, и в самом деле подумал. Подумал, и несмотря на свое состояние, запомнил. Этим, может быть, и объясняется печальная судьба Вознесенского, а также резкое выступление Сталина против Молотова в конце 1952 года.

Ответственным за развал Западного фронта сделали командующего этим фронтом генерала Д.Г. Павлова. Его арестовали и вместе с тремя другими генералами, Климовских, Григорьевым и Коробковым, расстреляли 22 июля 1941 года. Хрущев в своих мемуарах дает Павлову совершенно беспощадную оценку, считая его действительно виновным в развале, но в наше либеральное время и Павлова тоже стали жалеть и оправдывать. Например, О. Темушкин («Советская культура», 19 марта 1988) считает, что неумелое командование войсками фронта «не вина, а беда» Павлова, потому что он был назначен незадолго до начала войны и опыта командования крупными войсковыми объединениями не имел, явно не созрел еще для руководства фронтом. На тех же позициях стоит и Д. Волкогонов (цит, соч., с.193–194). Жуков, однако, сомневался в том, что Павлов вообще когда-либо созрел бы, и прямо говорил об этом Сталину: «Было заранее хорошо известно, что из себя представляет Павлов, что у него потолок командира дивизии. Все это знали. Тем не менее он командовал фронтом и не справился с тем, с чем не мог справиться» (К.Симонов, цит. соч., с.364). Да, с Павловым поступили жестоко, но, как вздыхает теперь Д. Волкогонов, время было жестокое.

30 июня 1941 года Сталин вышел из пике. Был создан Государственный Комитет Обороны, в состав которого вошли Сталин, Молотов, Ворошилов, Маленков и Берия. Таким образом, два последних, будучи всего лишь кандидатами в члены Политбюро, поднялись выше большинства его членов, что еще раз подчеркивает условность этой грани в те годы.

10 июля 1941 года Ставку Верховного командования вместо Тимошенко возглавил Сталин. 19 июля он стал наркомом обороны, 8 августа Верховным Главнокомандующим.

Как полководец Сталин на первых порах проявил, увы, полную несостоятельность. Привыкнув всем распоряжаться, он не мог сразу отказаться от этой манеры, пытался и в самом деле руководить фронтами и армиями, но это принесло весьма печальные результаты. Сотни тысяч солдат заплатили своими жизнями за полководческие претензии Сталина.

«Заслуга И.В. Сталина, – писал Г.К. Жуков, – состоит в том, что он быстро и правильно воспринимал советы военных специалистов» (Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления, М., 1970, с.284). Но в том-то и беда, что Сталин не сразу стал правильно воспринимать эти советы, а решал сам, и сплошь и рядом решал неправильно. И малым утешением может служить тот факт, что и на вражеской стороне дело обстояло не лучше, и Жуков даже иронически отмечал, что Гитлер оказал нам серьезную услугу, когда в 1941 году, после разгрома немцев под Москвой, снял Браухича, Бока и целый ряд других командующих и сам возглавил немецкие сухопутные силы (К.Симонов, цит. соч., с.336). Претензии у этого лидера были не меньше, чем у Сталина.

Сталин, оправдывая отступление Красной армии, любил ссылаться на тактику Кутузова в 1812 году, но, почему-то забыв, что тогда сдали даже Москву ради того, чтобы сохранить армию, он в 1941 году упорно цеплялся за Киев, явно ставя политические соображения выше военных. Жуков в очень резкой форме настаивал на необходимости оставления Киева и поплатился за это постом начальника Генерального штаба (Г.К. Жуков, цит. соч., с.287–288). В результате произошла страшная катастрофа. В окружении оказались 425700 человек, в том числе 60000 командиров. В боях погибли командующий Юго-Западным фронтом М.П. Кирпонос, его начальник штаба В.И. Тупиков и член Военного совета М.А. Бурмистенко. «В этой едва ли не самой крупной трагедии Великой Отечественной войны Сталин показал лишь свое железное упрямство, но не тонкое оперативное чутье, понимание обстановки». Такую оценку дает Д. Волкогонов (Триумф и трагедия, кн. II, ч.1, с.208–209). И в данном случае с ним нельзя не согласиться.

А сколько солдат уложили зря в неподготовленных контрударах Западного фронта, нанесенных в ноябре 1941 года по приказу Сталина и опять-таки вопреки протестам Жукова? (Г.К. Жуков, цит. соч., с.336–337). А при скороспелых попытках развить контрнаступление в начале 1942 года? (там же, с.350–352). Сталин возжелал сразу изменить ход событий на всем фронте от Балтийского до Черного моря, но это привело к разбросу сил и повсеместным поражениям: к катастрофе той же 2-ой ударной армии Власова, к гибели ударной группы генерала М.Г. Ефремова в районе Вязьмы, к бессмысленным жертвам в районах Ржева и Демянска, и, наконец, к крымской бойне.

Мы уже упоминали о трагических событиях, происшедших в Крыму весной 1942 года, когда рассказывали о военных «подвигах» Мехлиса. За крымское поражение Мехлис расплатился тем, что был снят с поста заместителя наркома обороны и начальника Главного политуправления Красной армии и снижен в звании до корпусного комиссара. Но, по словам Жукова, личную

ответственность за эту катастрофу нес сам Сталин, потому что наступление в Крыму было предпринято по его настоянию, и такое количество войск было сосредоточено там тоже по его настоянию (Симонов, цит, соч., с.366).

Ошибочным было и решение развернуть наступление на Харьков в мае 1942 года, но в этом случае ответственность нельзя возлагать на одного Сталина. Он был за наступление и говорил: «Не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми!» Но Сталин опирался при этом на мнение командующего Юго-Западным фронтом Тимошенко, который считал, что войска этого направления в состоянии и безусловно должны нанести немцам упреждающий удар. Хрущев в своем закрытом докладе на XX съезде попытался свалить всю вину на Сталина и тем самым, как пишет Д. Волкогонов, «создать себе историческое алиби» («Триумф и трагедия», кн. II, ч.1, с.231). Однако ложь Хрущева опровергает Жуков, который хорошо помнит, что в середине мая 1942 года Сталин говорил по телефону с Тимошенко и Хрущевым, бывшим тогда членом Военного совета Юго-Западного фронта, и выразил серьезные опасения в отношении краматорской группировки противника, однако и Тимошенко, и Хрущев в один голос заверили его, что опасность со стороны этой группировки преувеличена и нет основания прекращать наступление, как предлагал Генштаб. (Г.К. Жуков, цит. соч., с.365–368). Хрущев на XX съезде просто врал, будто они с Тимошенко предостерегали Сталина, на самом деле они, наоборот, толкали Сталина на продолжение авантюры, а Сталин имел неосторожность с ними согласиться. Результатом была еще одна из самых страшных катастроф Великой Отечественной войны, окружение и разгром двух армий и оперативной группы генерала Бобкина и гибель генералов Бобкина, Костенко и Подласа.

Только после этого страшного урока Сталин начал, наконец, уметь, но еще с рецидивами старых замашек – в сентябре 1942 года по его настоянию были произведены неподготовленные контрудары под Сталинградом (Г.К. Жуков, цит. соч., с.378–379), т.е. опять много народа погибло зря.

Когда были напечатаны воспоминания Г.К. Жукова, было видно невооруженным глазом, что они подверглись строгой цензуре и маршал не имел возможности высказаться откровенно. Поэтому, чтобы узнать подлинное мнение Жукова о Сталине, приходится обращаться к записям бесед с Жуковым, сделанным К. Симоновым.

«В стратегических вопросах Сталин разбирался с самого начала войны. Стратегия была близка к его привычной сфере – политике, и чем в более прямое воздействие с политическими вопросами вступали вопросы стратегии, тем увереннее он чувствовал себя в них».

«В вопросах оперативного искусства в начале войны он разбирался плохо. Ощущение, что он владеет оперативными вопросами, у меня лично начало складываться в последний период Сталинградской битвы, а ко времени Курской дуги уже можно было без преувеличения сказать, что он и в этих вопросах чувствует себя вполне уверенным».

«Что касается вопросов тактики, строго говоря, он не разбирался в них до самого конца. Да, собственно говоря, ему как Верховному главнокомандую-

щему и не было прямой необходимости разбираться в вопросах тактики. Куда важнее, что его ум и талант позволили ему в ходе войны овладеть оперативным искусством настолько, что, вызывая к себе командующих фронтами и разговаривая с ними на темы, связанные с проведением операций, он проявлял себя как человек, разбирающийся в этом не хуже, а порой и лучше своих подчиненных. При этом в ряде случаев, он находил и подсказывал интересные оперативные решения».

«Его осведомленность была не показной, а действительной, и его предварительная работа с офицерами Генерального штаба для уточнения обстановки перед принятием будущих решений была работой в высшей степени разумной».

«В большинстве случаев ему нельзя было отказать ни в уме, ни в здравом смысле, ни в понимании обстановки... Большинство его приказаний и распоряжений были правильными и справедливыми» (К.Симонов, цит. соч., с.372–373, 376).

Годы войны после Сталинградской битвы Сталин провел лучше, но, вспоминая победные салюты, мы никогда не забудем и о том, как трагически началась война и почему она началась именно так. Сталин сам сказал после войны, что, вопреки пословице «победителей не судят», «победителей можно и нужно судить. Это будет полезно для дела и для самих победителей». Но применил эту пословицу Сталин не к себе, а к человеку, больше всех сделавшему для победы, маршалу Жукову, которому Сталин отплатил черной неблагодарностью.

Приказом Сталина от 9 июня 1946 года Жуков был снят с поста главнокомандующего сухопутными войсками и отправлен в фактическую ссылку, в Одесский военный округ. Поводом послужило «заявление», якобы написанное главным маршалом авиации А.А. Новиковым, который был осужден в мае 1946 года вместе в наркомом авиапромышленности А.И. Шахуриным. В действительности это заявление против Жукова было состряпано в МГБ. (В. Карпов. Опала. «Гудок», 30 мая 1992 года).

А. Ваксберг («Литературная газета», 5 августа 1992 года) посмеивается над Жуковым, который поверил в «благородную рождественскую пастораль», в «сказку о мудром и добром дедушке Сталине», не давшем МГБ арестовать Жукова. (К.Симонов, цит. соч., с.378). Но Сталин действовал в этом случае вовсе не по доброте, а потому что знал, что Жуков может еще пригодиться, знал, что, хотя Германия и Япония разбиты, это не значит, что у России больше нет врагов, как сегодня уверяют нас предатели и идиоты, первые – по долгу службы, вторые – потому что Бог обидел их разумом. Сильные мира сего бывают несправедливыми, ревнуя к чужой славе, но Сталин, должно быть, помнил, как Павлу I пришлось приглашать Суворова из ссылки на командный пост, и решил быть во всяком случае не глупей Павла.

А чего было Сталину ревновать к чьей-то славе? У него и своей хватало. В противоположность нынешним мелким шавкам, тогда это признавали даже такие люди, как Бунин, у которого, как отмечает К.Симонов, несомненно, оставались счеты с советской властью, счеты за прошлое, счеты, как впо-

следствии он подтвердил своими книгами, выпущенными в конце жизни, злые и непримиримые, но одновременно с этим в 1946 году Сталин был для него после победы над немцами национальным героем России, отстаившим ее от немцев во всей ее единости и неделимости (К.Симонов, цит. соч., с.105).

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»

Кончилась война, и снова начались неурядицы наверху.

На следующий день после победы, 10 мая 1945 года, не дожив до сорока четырех лет, скончался А.С. Щербаков, ближайший соратник Жданова. Как известно, впоследствии и смерть Щербакова, и смерть самого Жданова приписали «убийцам в белых халатах», когда начали раскручивать провокационное «дело врачей», о котором мы еще будем говорить. Пока же обратим внимание лишь на то обстоятельство, что преждевременно ушли из жизни как раз руководители «русской партии» в верхах, что само по себе наводило на размышления, вызывало подозрения, и эти подозрения от кого-то нужно было непременно отвести, а на кого-то, наоборот, направить.

18 января 1950 года был арестован известный профессор-терапевт Я.Г. Этингер. По свидетельству его сына, д-ра исторических наук Я. Этингера (см. его статью «дело врачей» и судьба одной семьи». – «Наука и жизнь», 1990, №91), первоначально его отца обвиняли только в «антисоветских высказываниях», а вопрос о «вредительском лечении» Этингером руководящих деятелей партии и государства тогда еще не возникал. Он всплыл лишь год спустя. Чем была вызвана такая задержка – об этом позже. Сын Я.Г. Этингера пишет, что его отец вместе с профессором В.Н. Виноградовым (тоже арестованным позже по «делу врачей») лечил Щербакова с конца 1944 года до дня его кончины 10 мая 1945 года:

«Каждый день они дважды посещали больного и составляли утренний и вечерний бюллетени о состоянии здоровья, которые немедленно направлялись лично Сталину. Эти два высококвалифицированных специалиста-кардиолога сделали все возможное, чтобы спасти Щербакова, страдавшего тяжелым сердечным заболеванием».

Но ведь была еще одна болезнь, перед которой были бессильны все врачи. Этой неизлечимой болезнью была непрерывная борьба за власть в партийных верхах, причем люди, которые ее вели, не гнушались никакими средствами, чтобы устранить конкурентов.

Жданов, занятый в первые годы войны лишь одним, но великим делом – обороной Ленинграда, – в конце войны снова перебрался в центр и, поскольку на первый план выдвинулись вопросы идеологии, занял доминирующую позицию, оттеснив своих главных конкурентов Маленкова и Берию, хотя эти двое и стали в 1946 году полноправными членами Политбюро. От этого тандема конкурентов и исходили все удары, которые наносились по группировке Жданова.

Мы уже упоминали о том, в каких розовых красках рисует своего отца А.Г. Маленков. А вот противоположное мнение А. Антонова–Овсенко («Берия», – «Юность», 1988, №12): «В шайке сталинских головорезов он был одним из самых заслуженных. Маленков такой же палач, как Г. Ягода, Н. Ежов, Л. Берия, М. Шкирятов, А. Вышинский. Вглядываясь в зигзаги его политической карьеры, будем помнить об этом основном его качестве. Партийный функционер и уголовник – столь гармонично развитая личность могла сложиться лишь в сталинском аппарате».

Опала маршала Жукова тоже была одним из эпизодов в борьбе за власть между Ждановым и Маленковым. Как известно, Щербаков сменил Мехлиса на посту начальника Главного политуправления армии. Жданов, естественно, не хотел упускать этот важный пост из своей сферы влияния и добился назначения на это место своего человека, генерала И. Шикина. Жуков был против кандидатуры Шикина, что привело к столкновению Жукова со Ждановым, который обвинил маршала в «игнорировании партийного руководства в армии». Эта формулировка была использована для обоснования отставки Жукова. Жданов не упускал и возможности напомнить при случае Сталину, что не кто иной, как Маленков, выдвигал этого полководца на первый план. И отставке Жукова предшествовала утрата Маленковым очень важных позиций. 5 мая 1946 года Маленков был освобожден от должности секретаря и начальника управления кадров ЦК, а заменил его на этих постах А.А. Кузнецов (р.1905), которого рекомендовал на партийную работу в Ленинграде Киров, а Жданов сделал в 1937 году вторым секретарем обкома и горкома партии. В январе 1945 года перебираясь в Москву, Жданов целиком оставил Ленинград на Кузнецова. И вот теперь этот человек Жданова потеснил самого Маленкова. Проигравшая сторона начала лихорадочные поиски возможности нанести контрудар и нашла ее.

«Либеральная» интеллигенция до сих пор не устает клеймить Жданова за вмешательство в литературные и музыкальные дела, за травлю Зощенко и Ахматовой. Завесу над подлинными причинами ненависти этой публики к Жданову приоткрыл уже упоминавшийся нами известный сионист М. Агурский, для которого Жданов и Щербаков были главными лидерами «черносотенного» направления в верхах, а настольной книгой Жданова якобы были «Протоколы сионских мудрецов». А что касается подоплеки известного постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года «О журналах «Звезда» и «Ленинград», то ее прекрасно показал Виталий Волков в статье «За кулисами» («Аврора», 1991, г8). Он отметил, что обличители Жданова «не смогли увидеть непосредственную, хотя и малозаметную, на первый взгляд, связь между резким выпадом против ленинградской литературной общечественности в 1946 году и кровавой расправой с ленинградскими партийно–хозяйственными кадрами в 1949–1950 годах».

Главную роль в этом деле, по словам В. Волкова, играл Маленков. Обвинения идеологического характера против Жданова он выдвинуть не мог, так как в этой сфере политической деятельности не чувствовал себя в своей стихии и явно уступал Жданову в способности вести соответствующие дискуссии. Для атаки на ленинградскую группировку Маленков избрал ту область партийной работы, в которой чувствовал себя увереннее всего – кадровую. Маленков старался заострить внимание Сталина, с зиновьевских и Кировских

времен относившегося очень подозрительно к «ленинградскому сепаратизму», на том, что в Ленинграде «творится самоуправство в вопросах подбора и расстановки кадров», переходящее в «неприкрытое игнорирование установок ЦК». «Если бы, – пишет В. Волков, – Маленкову удалось убедить Сталина в этом, то позиция Жданова, Кузнецова и всех ленинградских выдвиженцев оказалась бы подорвана самым серьезным образом уже в 1946 году».

«Обстоятельства сложились таким образом, что в многоходовой комбинации, которую Маленков разыгрывал против Жданова, одной из центральных фигур суждено было стать... М.М. Зощенко».

По утверждению того же В. Волкова, «Зощенко давно ощущал если не покровительство, то вполне благосклонное внимание к себе Жданова, и это было, разумеется, известно Москве. Понятно, что при данных обстоятельствах любой удар по популярному писателю был косвенно направлен и против Жданова». Первую попытку такого удара люди Маленкова предприняли еще в 1943 году в связи с публикацией в журнале «Октябрь» первой части повести Зощенко «Перед восходом солнца», одобренной к печати заместителем начальника управления пропаганды и агитации ЦК Еголиным, человеком Жданова. Начальник же этого управления Г. Александров был ставленником Маленкова и подал докладную, обвинив Зощенко в «клевете на наш народ». Эту вылазку Жданову удалось нейтрализовать с минимальными потерями, однако Маленкову представился новый шанс в 1946 году, когда Зощенко 22 мая был рекомендован в состав редколлегии журнала «Звезда», а с 26 июля утвержден в этом качестве, причем В. Волков не исключает здесь и возможность провокации со стороны ведомства Берии, союзника Маленкова, а не просто оплошность ленинградского горкома, которая «чуть было не стала прологом к очередному погрому ленинградских кадров». Маленков сразу же наклеузначал Сталину, и Жданов вынужден был «пожертвовать Зощенко ради спасения себя и своего окружения». «Главной стратегической задачей Жданова было вывести из-под удара Ленинградскую парторганизацию. И с ней он справился достаточно успешно». «Жданов стремился как можно быстрее закрыть так некстати возникшее дело с ленинградскими писателями с тем, чтобы окончательно обезопасить себя от каких-либо дальнейших вылазок Маленкова в этом направлении». И Жданову удалось локализовать атаку, ограничить обсуждение оплошности в кадровой политике писательской средой. Конечно, Жданову пришлось ругать Зощенко последними словами, буквально воспроизводя указания Сталина в адрес писателя, Живя с волками, Жданов умело пользовался личиной волка, не являясь таковым по сути.

К.Симонов вспоминает аналогичный случай, когда одну его повесть разнесли в печати, а потом его вызвал к себе Жданов и «говорил о том же самом умнее, тоньше и интеллигентней, чем это было написано» («Глазами человека моего поколения», с.147). И в 1948 году Жданов постарался смягчить удар. Все были уверены, что Зощенко и Ахматову арестуют, однако ничего подобного не произошло. Мало того: у исключенных из союза писателей отобрали продуктовые и промтоварные карточки, однако Зощенко и Ахматову вызвали в Смольный и карточки им снова выдали.

Вернувшись в Москву, Жданов принял все меры, чтобы никто из открыто выступавших против его группировки не остался безнаказанным. Он добился

отправки Маленкова в «длительную командировку» в Среднюю Азию, а по сути – снятия его с работы в аппарате ЦК. Летом 1947 года по сценарию Жданова прошла дискуссия по книге Г. Александрова «История западноевропейской Философии», после которой Александров полетел со своего поста.

Однако, завершает свою статью В. Волков, «ни Маленков, ни тем более Берия не были нокаутированы. Они лишь затаились и выжидали случая для реванша. Такая возможность им предоставилась после смерти Жданова в 1948 году. И была использована с лихвой через год, когда началось кровавое «ленинградское дело».

Не только литература, не только философия все становилось ареной политической борьбы, даже биология.

Как известно, с 31 июля по 7 августа 1948 года проходила печально знаменитая сессия ВАСХНИЛ, закончившаяся победой сторонников Лысенко над презренными генетиками. Как отмечает Р. Конквест, «надо отдать должное Жданову: он никогда не поддерживал Лысенко, и окончательный разгром советской биологии произошел в 1948 году и был частью его собственного политического поражения и смерти» («Великий террор», с.436). Сын А.А. Жданова Ю.А. Жданов, который возглавлял тогда отдел науки ЦК и был женат на дочери Сталина Светлане, неоднократно выступал против Лысенко, однако, когда Сталин взял сторону Лысенко, Ю. Жданов был вынужден 7 июля 1948 года написать покаянное письмо Сталину, опубликованное на следующий день после окончания вышеупомянутой сессии ВАСХНИЛ (Ж. Медведев. Взлет и падение Т.Л. Лысенко, Нью-Йорк, 1971, с.110,226), А 31 августа 1948 года «скоропостижно» скончался А.А. Жданов. «Не будем удивляться, если когда-нибудь станет известно, что и к этому акту Берия руку приложил», – пишет А. Антонов–Овсеенко в своей уже цитировавшейся ранее работе о Берии в журнале «Юность» (1988, М12). Существует даже версия, что Жданова просто застрелили на охоте «как кабана». Версию эту я слышал от М. Бернштама, а тот – от своего отца, который в бериевские времена занимал важный пост в МГБ. Несомненно одно: прямая связь между смертью Жданова и отходом от его политической линии и разгромом его группировки.

Хулители Жданова изобрели даже презрительный термин «ждановщина», содержание которого чеченский перебежчик А. Авторханов на стр. 67 своей книги «Загадка смерти Сталина» раскрывает как «последовательный возврат к довоенному сталинизму и во внешней, и во внутренней политике». Любопытно, что всего несколькими страницами далее Авторханов утверждает, что Жданов «начал проводить политику десталинизации восточноевропейских стран», что его обвинили в сговоре с Димитровым и Тито с целью создания Балканской федерации (цит. соч., с.82,84). Непонятно, каким образом такая политика может ассоциироваться в голове Авторханова со сталинизмом.

Еще один эмигрантский знаток российских дел Н. Рутыч в своей книге «КПСС у власти», как мы помним, уже блеснул однажды осведомленностью, приписав издание книги Тарле о войне 1812 года уже расстрелянному к тому времени Тухачевскому. Аналогичным образом Рутыч поносит «ждановский агитпроп» за осуждение внеклассового подхода к русскому прошлому и идеали-

зации государственных и военных деятелей царской России, ссылаясь при этом на статью, датированную сентябрем 1948 года, то есть опубликованную уже после смерти Жданова.

Правда, сторонники Жданова еще продолжали сохранять довольно сильные позиции. Заместитель председателя Совета министров СССР и председатель Госплана Н.А. Вознесенский был в 1947 году переведен из кандидатов в члены Политбюро. Другой заместитель председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгин, также входивший в ленинградскую группировку, стал в 1946 году кандидатом, а в 1948 году тоже членом Политбюро. Мы уже знаем, какие посты занял в 1946 году А.А. Кузнецов, преемником которого в Ленинграде стал П.С. Попков. Председателем Совета министров РСФСР в 1946 году был назначен М.И. Родионов, которого Жданов хорошо знал еще со времен их совместной работы в Нижегородской губернии. Против этой группировки и было направлено пресловутое «ленинградское дело», страшный погром русских партийных кадров, который организовали Берия и Маленков, причем Берия видел врага в русском патриоте Жданове по той же причине, что и Агурский, а Маленков действовал исключительно из карьеристских побуждений, стремясь избавиться от соперника.

Как и в 1946 году, в 1949 году Маленков тоже придрался к пустяку, к проведению в Ленинграде 10–20 января 1949 года Всероссийской оптовой ярмарки. Маленков выдвинул против Кузнецова, Родионова и Попкова обвинения в том, что они провели ярмарку без ведома и в обход ЦК и правительства. Между тем документально установлено, что эта ярмарка была проведена во исполнение решения Совета министров СССР от 11 ноября 1948 года, принятого на заседании, проходившем под председательством самого Маленкова. Тем не менее 15 февраля 1949 года на заседании Политбюро было принято постановление об «антипартийных действиях» Кузнецова, Родионова и Попкова, а 21 февраля Маленков примчался в Ленинград «наводить порядок». Особенно возмутил Маленкова музей обороны Ленинграда, и он кричал: «Свили антипартийное гнездо! Создали миф об особой, «блокадной» судьбе Ленинграда! Принизили роль великого Сталина! Готовили – на случай приезда великого Сталина – террористический акт!» («Аврора», 1989, №5). Собран 22 февраля 1949 года пленум обкома и горкома партии, Маленков заявил, что в Ленинграде существовала антипартийная группа, и требовал от присутствовавших подтверждения этого заявления. Такого же признания он добивался и от И.М. Турко, секретаря Ярославского обкома, бывшего второго секретаря Ленинградского обкома. Как вспоминает И.М. Турко, «я представлял, что это большой человек, а увидел перед собой хулигана... Он буквально на меня орал, и, кстати, формулировки, которые я от него тогда услышал, затем, на следствии, легли в основу сфальсифицированного протокола» (там же). 14 августа 1949 года в Москве в кабинете Маленкова без санкции прокурора были арестованы Кузнецов, Попков, Родионов, а также председатель исполкома Ленгорсовета П.Г. Лазутин и первый секретарь Крымского обкома Н.В. Соловьев, бывший председатель Леноблисполкома. Вскоре вслед за ними настала и очередь Вознесенского, которому пришили дело об утрате документов и арестовали 27 октября 1949 года.

В статье о «ленинградском деле», помещенной в «Известиях ЦК КПСС» 2 за 1989 год, говорится: «С целью получения вымышленных показаний о суще-

ствовании в Ленинграде антипартийной группы Маленков лично руководил ходом следствия по делу и принимал в допросах непосредственное участие. Ко всем арестованным применялись незаконные методы следствия – мучительные пытки, побои и истязания».

Для создания видимости о существовании в Ленинграде антипартийной группировки по указанию Маленкова были произведены массовые аресты среди ленинградского партийного актива и руководящих партийных работников, выходцев из ленинградской парторганизации. В Ленинграде развернулась массовая кампания по замене кадров всех звеньев... В результате этой «кампании» только в Ленинграде и области в 1949–1952 гг. было освобождено от работы свыше 2000 руководителей». Судебный процесс по «ленинградскому делу» состоялся в последних числах сентября 1950 года. В ночь на 1 октября были приговорены к расстрелу и немедленно расстреляны Вознесенский, Кузнецов, Родионов, Попков, Лазутин и Я.Ф. Капустин, второй секретарь Ленинградского горкома. Позже та же участь постигла второго секретаря Ленинградского обкома Г.Ф. Бадаева, председателя исполкома Леноблсовета И.С. Харитонов, секретаря Ленинградского горкома П.И. Левина, брата и сестру Н.А. Вознесенского – А.А. Вознесенского, министра просвещения РСФСР, и М.А. Вознесенскую, секретаря Куйбышевского райкома г. Ленинграда, а также председателя Госплана РСФСР М.В. Басова, упомянутого ранее Н.В. Соловьева, второго секретаря Мурманского обкома А.Д. Вербицкого, секретаря Ленгорисполкома А.А. Бубнова и многих других.

Аресты и судебные процессы продолжались и в 1951–1952 годах. 15 августа 1952 года были арестованы, а затем осуждены к длительным срокам тюремного заключения свыше 50 человек, работавших во время блокады секретарями райкомов партии и председателями райисполкомов.

Косыгин, как пишет Хрущев в своих мемуарах, уцелел в этой мясорубке только чудом. Чудо это, по-видимому, заключалось в том, что дочь Косыгина удачно вышла замуж за сына одного из бериевских сподвижников Гвишиани, «прославившегося» своими зверствами при выселении чеченцев в 1944 году («Тернистый путь к свободе». Грозный, 1992, стр.18). Однако для Косыгина «ленинградское дело» тоже не прошло бесследно. После XIX съезда в 1952 году его понизили в кандидаты в члены Политбюро, а в короткий период правления Маленкова Косыгин перестал быть и кандидатом, и только после падения Маленкова снова начал медленное восхождение и полностью восстановил утраченные позиции только к 1960 году.

Хрущев рассказывает в тех же мемуарах, что был свидетелем разговора между Маленковым и Берией, из которого узнал, что А.А. Кузнецова обвиняют в «русском национализме». Со ссылкой на того же Хрущева Авторханов в «Загадке смерти Сталина» излагает дело таким образом, что ленинградцы якобы внесли предложение создать Российскую коммунистическую партию со своим ЦК и центром в Ленинграде и перевести туда же из Москвы Совет министров РСФСР. За Сталиным по этому плану сохранялся пост почетного председателя партии, Жданов должен был стать генеральным секретарем, Вознесенский – председателем Совета министров, а Кузнецов – первым секретарем ЦК КП РСФСР.

Действительно ли ленинградцы разрабатывали столь далеко идущие планы? А. Афанасьев в статье «Победитель», посвященной А.А. Кузнецову («Комсомольская правда», 15 января 1988), пишет: «В нынешних публикациях о людях, так или иначе пострадавших во времена культа, по какой-то необъясненной пока причине настойчиво подчеркивается одна мысль: они были невинными жертвами произвола». Но «ведь наверняка были и те, кто не принял культ на веру? Кто не смирился с ним? Кто, наконец, сопротивлялся? Смею думать и утверждать: Алексей Алексеевич Кузнецов не был невинной жертвой».

Не был, потому что противостояние действительно имело место. И идея создания Коммунистической партии России была очень удобной внешней формой для организации такого противостояния.

Раньше на Западе непрерывно трубили о «Советской империи», о России как угнетательнице других народов. Продолжают дудеть в ту же дуду и победившие нынешние доморощенные «демократы». Между тем в этой искаженной картине все поставлено с ног на голову. В СССР не другие народы по сравнению с русскими, а именно русские по сравнению с другими народами находились в неравноправном положении, потому что РСФСР была единственной из всех союзных республик, не имевшей своей компартии. В сохранении такого положения были заинтересованы, прежде всего, представители других союзных республик, которые, пользуясь им, подминали русских и захватывали высшие посты в государстве.

Зародышем Компартии России могло стать Бюро ЦК по РСФСР, созданное после XX съезда. Но на первом же послехрущевском съезде оно было ликвидировано. И это неудивительно, так как тогда задавали тон представители Украины, имевшей самую сильную парторганизацию, – Брежнев, Подгорный, Кириленко, Шелест, и они конечно не хотели, чтобы им мешал какой-то противовес. И почти до самого своего бесславного конца КПСС противилась созданию КП РСФСР, а когда последняя наконец возникла, ее возглавил безликий и нерешительный Полозков, который не смог воспользоваться таким прекрасным рычагом, чтобы противостоять предательскому курсу Горбачева, хотя рисковал гораздо меньшим, чем Кузнецов в 1949 году. Что ж: рожденный Полозковым летать не может.

Когда речь заходит о 1949 годе, почему-то, прежде всего, вспоминают борьбу с космополитизмом, делая упор на «антисемитском» характере этой кампании. Публику определенного пошиба гораздо больше волнует судьба горстки литературных и художественных критиков, чем избивавшихся в то же время тысячами русских партийных кадров. Есть и русские, от которых мне приходилось слышать курьезное мнение, будто Сталин к концу жизни «понял, кого надо бить». На самом деле Сталин не имел какой-то постоянной мишени, а с одинаковой силой бил всех, кто попадался под руку: русских и евреев, украинцев и грузин – в зависимости от того, кого считал наиболее опасным в данный момент, и руководствуясь, очевидно, по-своему перетолкованным принципом апостола Павла: чтобы ни одна плоть не хвалилась перед Господом. В 1948–1950 годах досталось русским. В последние годы жизни Сталина курс снова изменился.

ПОДОЗРЕВАЮТСЯ СИОНИСТЫ

Когда с русской оппозицией было покончено, подозрения Сталина обратились в сторону его родной Грузии и привезенного оттуда «сокровища» по фамилии Берия. Как отмечает Д. Волкогонов, в последние год–полтора жизни Сталина отношение Сталина к Берии непрерывно ухудшалось (Триумф и трагедия, кн. II, ч.2, с.45). Д. Волкогонов приводит свидетельство бывшего начальника охраны Сталина генерала Н.С. Власика из письма, которое Власик направил на имя Ворошилова из ссылки в мае 1955 года. Сталин, писал Власик, «находясь на юге после войны, в моем присутствии выражал большое возмущение против Берии. Сказал, что дал указание отстранить Берию от руководства в МГБ. Спрашивал у меня, как работают Меркулов, Кобулов и впоследствии – о Гоглидзе и Цанаве» (там же, с.189).

Министром госбезопасности с 18 октября 1946 года был Виктор Семенович Абакумов, которого А. Авторханов почему-то выводит из северокавказских армян (возможно, путая его с Кобуловым), тогда как в действительности Абакумов родился в Москве, в семье рабочего. В годы войны он был начальником Главного управления контрразведки «Смерш». Но ловля шпионов оказалась более простым занятием, чем участие в политических интригах. Конец карьеры Абакумова наступил в 1951 году, когда Сталин поручил Абакумову произвести аресты некоторых ближайших сподвижников Берии, в частности министра госбезопасности Белоруссии Цанавы. Начало создаваться так называемое «мингрельское дело» (многие подручные Берии были его земляками). Причем Сталин говорил Абакумову: большого мингрела». (В. Кутузов. «Черная кухня» Абакумова. – «Красная звезда», 30 сентября 1989 года).

Нетрудно было понять, кто имелся в виду под «большим мингрелом». Как показывал на следствии по делу Берии в 1953 году один из его подручных Беришвили. Связанный с грузинской эмиграцией, «все мингрелы во главе с Гегечкори и Кедией (от меньшевиков и до фашистов) создавали особый культ Берии, считая его самым большим человеком в Советском Союзе, и всячески превозносили его... Они все утверждали, что преемником Сталина... обязательно будет Берия... Как бы мингрельцы - меньшевики и фашисты ни ругали Советскую власть, они это никогда не делали в отношении Берии. Они считали его гением».

По свидетельству Беришвили, меньшевистский лидер Ной Жордания сказал ему еще в 1938 году, когда Берия только был назначен наркомом внутренних дел: «Берия, получив это назначение, достиг первого этапа на пути своего стремления к власти и будет стремиться занять первое место вместо Сталина, причем на этом пути он не остановится перед уничтожением Сталина и лиц, его окружающих». (Б.С. Попов и В.Г. Оппоков. Бериевщина. – «Военно-исторический журнал», 1990 №5).

«Мингрельское дело» повлекло за собой очередную чистку в Грузии. Первый секретарь ЦК местной компартии Чарквиани отделался потерей поста, предав своего шефа, зато более 400 высокопоставленных партийных деятелей были арестованы, в том числе секретари ЦК Барамия, Джибалидзе, Шадурия, председатель президиума Верховного Совета Гогуа, главный прокурор Жониа, министр юстиции Рапава, секретарь комсомола Заделава и другие.

Все это, естественно, не могло нравиться Берию. Тут-то и был предпринят ловкий маневр с целью отвлечь внимание Сталина в другую сторону. Бывший тогда начальником следственной части по особо важным делам МГБ М. Рюмин летом 1951 года сообщил Сталину о заговоре еврейских буржуазных националистов, инспирированном американской разведкой. Абакумов о заговоре якобы знает, но по каким-то причинам скрывает это. Более того, он умертвил в тюрьме источник данной информации – профессора Я. Этингера («Красная звезда», 30 сентября 1989 года).

После двухнедельного раздумия Сталин приказал снять и арестовать Абакумова. На его место был назначен «человек со стороны» С.Д. Игнатьев, который, разумеется, не смог разобраться в тех хитросплетениях, в которые неожиданно для себя попал. Абакумов же, несмотря на все последующие перевороты, продолжал томиться в тюрьме подобно Эдмону Дантесу, герою романа «Граф Монте-Кристо», пока не был выведен со своими подручными на процесс в декабре 1954 года и расстрелян вместе с ними.

Таким образом внимание Сталина переключили с мингрелов на евреев, к которым подбирались уже давно. Еще осенью 1944 года Сталин созвал в Кремле расширенное совещание, в котором приняли участие члены Политбюро, секретари ЦК, первые секретари республиканских и областных комитетов партии, руководители оборонной промышленности, армии и госбезопасности. На этом совещании речь шла о еврейской проблеме. Сталин во вступительном слове высказался за «более осторожное» назначение евреев на руководящие посты в государственных и партийных органах. После этого совещания был разослан так называемый «маленковский циркуляр» с перечислением должностей, на которые не рекомендовалось назначать лиц еврейской национальности (Р. Медведев. Они окружали Сталина, 1984, с.247–248).

Как известно, с начала 1942 года развернул свою деятельность Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), председателем которого был народный артист СССР С.М. Михоэлс, а ответственным секретарем – поэт И.С. Фефер. Однако после войны, 12 октября 1946 года МГБ направило в ЦК и Совет министров записку «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета». Отдел внешней политики ЦК устроил проверку деятельности ЕАК и пришел к выводу, что «члены ЕАК, забывая о классовом подходе, осуществляют международные контакты с буржуазными деятелями и организациями на националистической основе, а рассказывая в буржуазных изданиях о жизни советских евреев, преувеличивают их вклад в достижения СССР, что следует расценить как проявление национализма». В то же время подчеркивалось, что комитет явочным порядком присваивает себе функции главного уполномоченного по делам еврейского населения, выходя за пределы своей компетенции, В связи с этим было внесено предложение о ликвидации ЕАК.

Непосредственным предлогом к возбуждению уголовного дела на руководителей ЕАК послужили полученные известными методами показания арестованных в декабре 1947 года научных сотрудников Гольдштейна и Гринберга о якобы проводимой Лозовским, Фефером и другими членами ЕАК антисоветской националистической деятельности.

И, тем не менее, ЕАК пока не трогали. Шла крупная внешнеполитическая игра. Как раз в мае 1948 года возникло государство Израиль. Это историческое событие произошло при активной поддержке США и СССР, который в данном случае действовал в пику Англии, стоявшей на стороне арабских стран. Но идиллия была недолгой.

20 ноября 1948 года Политбюро приняло решение о роспуске ЕАК. Михоэлсу, как известно, подстроили автомобильную катастрофу, а Фефера, артиста Зускина и поэта Гофштейна арестовали уже в конце 1948 года.

Как говорится в справке по делу ЕАК, опубликованной в «Известиях ЦК КПСС», №12 за 1989 год, «установлено, что прямую ответственность за незаконные репрессии лиц, привлеченных по «делу ЕАК» несет Маленков». 13 января 1949 года Маленков вызвал к себе бывшего начальника Совинформбюро, члена ЦК Соломона Лозовского (Дридзо) и домогался от него признания в проведении им преступной деятельности. В этих целях Маленковым было использовано направленное Сталину 15 февраля 1944 года за подписью Михоэлса, Эпштейна и Фефера и отредактированное Лозовским письмо с предложением о создании на территории Крыма Еврейской социалистической республики.

Б. Антонов в статье «Палец Сиона в татарском пироге» («Непрядва», 1988, №5) утверждает, что решение о высылке татар из Крыма было принято не без давления со стороны лобби ЕАК, обратившегося к идее колонизации евреями Крыма, которая пропагандировалась еще в 20-х годах и даже начала тогда осуществляться при финансовой поддержке американского миллионера Джекоба Шиффа, того самого, который в 1917 году финансировал российскую революцию. Письмо ЕАК от 15 января 1944 года документально подтверждает версию Б. Антонова.

Решением ЦК от 18 января 1949 года С. Лозовский был выведен из состава ЦК, а 26 января арестован, В том же январе 1949 года в тюрьму попали главный врач Боткинской больницы Шимелиович, поэты Квитко, Перец Маркиш, Бергельсон и ряд других активистов ЕАК.

В числе этих активистов оказалась и супруга В.С. Молотова Полина Семеновна Жемчужина, которая перед войной была даже одно время наркомом рыбной промышленности и кандидатом в члены ЦК. Родная сестра П. Жемчужиной еще в годы гражданской войны уехала в Палестину. Сестры переписывались до 1939 года. Когда в Москву приехала в качестве представителя Израиля Голда Меир. П. Жемчужина не раз с ней встречалась, вследствие чего была обвинена в связях с международным сионизмом. В январе 1953 года ее включили в число участников «сионистского заговора» вместе с группой еврейских врачей и начали допрашивать с применением пыток. (Р. Медведев, Они окружали Сталина, с.46–48, 54–55).

Сталин вдруг обнаружил, в какой паутине он сидел, и, как пишет А. Авторханов, «начал допускать недопустимое: Молотов, Ворошилов, Микоян, Каганович, Андреев могут быть орудием сионистского заговора». Возникло подозрение, что Еврейский антифашистский комитет вошел в связь с Молотовым и Микояном, чтобы подготовить антисталинский переворот. («Загад-

ка смерти Сталина», с.200). «Сталину всюду мерещились сионистские заговорщики, – продолжает Авторханов, – Таким заговорщиком в его глазах был каждый еврей, независимо от того, коммунист он или нет, более того – им был и каждый русский коммунистический лидер, если он женат на еврейке. Свои «генеалогические таблицы» Сталин расширил до вторых и третьих колен в родословии коммунистов, выискивая у них еврейских бабушек, дедушек или внуков. Так, у Хрущева нашли внучку от еврейской матери, у Берия – мать, якобы грузинскую еврейку, у Маленкова – дочь замужем за евреем... Из одиннадцати членов Политбюро пять оказались еврейскими родственниками (Молотов, Маленков, Ворошилов, Хрущев, Андреев), один – евреем (Каганович), один – «полуевреем» (Берия)» (там же, с.153). Напомним, что еврейские жены, кроме Молотова, были также у Ворошилова (Екатерина Давыдовна Горбман) и Андреева (Дора Моисеевна Хазан). Их также не минула чаша репрессий. Авторханов, правда, ехидно добавляет, что и у самого Сталина был еврейский родственник – внук от еврея Мороза. Следует уточнить также, что Маленков, угождая Сталину, развел свою дочь Волю с мужем-евреем, экономистом и архитектором Владимиром Шанбергом, хотя сам, по словам Хрущева, антисемитом не был. Главным же недостатком Сталина Хрущев в своих воспоминаниях называет именно антисемитизм. Почему это так заедало Хрущева – непонятно.

Следствие по делу ЕАК долго буксовало. Сменивший Абакумова Игнатьев в письме от 24 августа 1951 года на имя Маленкова и Берии сообщал, что «почти совершенно отсутствуют документы, подтверждающие показания арестованных о проводившейся ими шпионской и националистической деятельности под прикрытием ЕАК». Письмо, очевидно, имело обратный результат, следователи «поднажали», и в апреле 1952 года дело было направлено в военную коллегия Верховного суда СССР, где рассматривалось с 8 мая по 18 июля 1952 года. Тринадцать обвиняемых были приговорены к расстрелу.

Волна подозрительного отношения к еврейским руководителям перекинулась из Советского Союза и на подчиненные ему страны Восточной Европы. Ласло Райк, министр иностранных дел Венгрии, которого судили в 1949 году как «титовского агента», был еврей. Но особенно сильную антиеврейскую направленность имел процесс генерального секретаря ЦК КП Чехословакии Рудольфа Сланского (Зальцмана) в 1952 году. По этому процессу проходили еще более десятка высокопоставленных евреев, причем затрагивались уже международные сионистские связи, в частности, через депутата английского парламента Кони Зиллиакуса, слывшего до тех пор «другом Советского Союза».

В этой обстановке, после долгого перерыва, осенью 1952 года собрался, наконец, очередной XIX съезд партии. С отчетным докладом на правах «законного наследника» Сталина выступил Маленков, с докладом о новом Уставе партии – Хрущев.

Хрущеву пришлось долго ждать возможности вернуться из украинской ссылки в центр событий, В 1947 году он вообще чуть было не рухнул еще ниже, когда Сталин, прогневавшись на него, решил снова наказать Украину Кагановичем. По счастью для Хрущева и Украины, сталинский гнев на этот раз быстро прошел, а в конце 1949 года Хрущев снова смог вернуться в Москву и

занял посты секретаря ЦК и МК. Эти посты после смерти Щербакова занимал коренной москвич Г.М. Попов, но кто-то написал на него донос, будто Попов готовит покушение на Сталина. Сталин не расправился с Поповым в своей обычной манере, а ограничился тем, что просто прогнал его с глаз долой, и Попов догорал потом на второстепенных постах вплоть до своей смерти в 1968 году. Так освободилось место для Хрущева.

В своих воспоминаниях Хрущев изображает последние месяцы жизни Сталина как период полнейшего маразма и растерянности, потери управления, паралича власти. Однако появление в результате XIX съезда сильно расширенного Президиума ЦК (заменившего Политбюро) осталось загадкой и для самого Хрущева. Как пишет В. Абаринов в «Независимой газете» (19 июня 1992) «сталинизм иррационален – следовательно, и логика его непостижима». Непостижима она, однако, только для ограниченных умственных способностей. Хитрый замысел Сталина в 1952 году совершенно ясен: он хотел растворить попавших под подозрение старых соратников среди новых людей и одновременно подготовить кадры будущих руководителей страны.

Сталин всегда действовал постепенно, убирал противников по одному. Так, и после XIX съезда из одиннадцати тогдашних членов Политбюро окончил свою партийную карьеру только один – А.А. Андреев. Когда-то, в конце 30-х годов, Андрееву было поручено курировать деятельность НКВД. А. Антонов-Овсеенко иронически замечет по этому поводу, что Сталин, «человек сугубо театральный», нарочно выбрал на эту роль «на смерть запуганного функционера» («Юность», 1988, №12). Андреев двадцать лет просидел в Политбюро, но всегда держался во втором ряду. После НКВД ему поручили сельское хозяйство, но и здесь он не преуспел, и в начале 50-х годов вынужден был публично покаяться, что насаждает не те методы организации труда в колхозах. К тому же, как мы видели, у Андреева «жена подкачала», так что в его падении ничего неожиданного не было.

Другой жертвой съезда был Косыгин, пониженный, как уже говорилось, из членов Политбюро в кандидаты. Что же касается новичков в Президиуме ЦК, то среди них было несколько эфемерид, быстро исчезнувших с политического горизонта.

«Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым». Эту песенку можно было бы посвятить Михайлову, который заменил Косарева, да так и состарился в комсомольских вождях. В 1952 году он стал членом Президиума и секретарем ЦК, но потом его карьера быстро пошла по нисходящей линии. Столь же недолговечным оказался и Андрианов, назначенный Маленковым в 1949 году палачествовать в Ленинграде. Всего через несколько месяцев после смерти Сталина утратил свой пост и первый секретарь ЦК Компартии Украины Л.Г. Мельников. Интересную фигуру представлял собой выбранный тогда в Президиум философ Д.И. Чесноков (умер в 1973 году). Говорят, в 1953 году, когда намечалась массовая депортация евреев, он написал книгу, оправдывающую это мероприятие с марксистской точки зрения. Были здесь и такие зловещие личности, как М.Ф. Шкирятов, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, известный в партии под кличкой «Малюта Шкирятов» (умер в 1954 году), и А.Я. Вышинский – кандидат в члены Президиума, знаменитый прокурор, а потом министр иностранных дел (застрелился в 1954

году). Кандидат в члены Президиума и секретарь ЦК Пегов впоследствии занимал всего лишь пост секретаря Президиума Верховного Совета. Министр внешней торговли Кабанов был снят в 1958 году, председатель Совета министров РСФСР Пузанов утратил свой пост в 1956 году. Идеолог П.Ф. Юдин умер в 1968 году, министр финансов с 1938 года Зверев – в 1970 году.

Ряд новичков в избранном XIX съездом Президиуме нельзя отнести к новичкам в собственном смысле слова – они давно уже находились на самых высоких этажах. Например, наконец-то был награжден за долготерпение Н.М. Шверник, занявший после смерти Калинина в 1946 году пост председателя Президиума Верховного Совета. С 1953 по 1957 Шверник опять только кандидат, с 1957 по 1966 – член Политбюро.

Не был также новичком М.А. Суслов, член Оргбюро с 1946 года и секретарь ЦК с 1947 года. Когда Маленков громил ждановские кадры, Суслов активно ему в этом помогал. Например, в 1948 году он возглавил комиссию по расследованию «антилысенковской» деятельности Ю. Жданова (Р. Медведев. Они окружали Сталина, с297). 24 декабря 1952 года в «Правде» появилась обличительная статья Суслова против «ждановца» П.Н. Федосеева, выгнанного из редакторов журнала «Большевик». Сталину Суслов угодил идеологическим обеспечением юбилея вождя в 1949 году. После смерти Сталина Суслов сохранил за собой только пост секретаря ЦК, а в Президиум вернулся в 1955 году.

Еще один «старый новый» – П.К. Пономаренко, бывший первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, руководитель главного штаба партизанского движения в годы Великой Отечественной Войны, а с Октября 1948 года секретарь ЦК. Пономаренко после смерти Сталина, хотя и остался кандидатом в члены Президиума, быстро пошел на понижение – был министром культуры, потом первым секретарем ЦК Компартии Казахстана, а потом «посол вон».

И наконец, новички настоящие, перспективные. Одним из них был не кто иной, как Л.И. Брежнев, Попавший в кандидаты в члены Президиума и секретари ЦК из Молдавии. Его тоже «заметил и, в гроб сходя, благословил» Сталин. После смерти Сталина Брежнев вернулся к своим прежним занятиям времен совместной работы с Мехлисом, т.е. в Главное политуправление вооруженных сил, потом стал вторым секретарем при Пономаренко в Казахстане, потом заменил там Пономаренко, а дарованный Сталиным статус вернул себе только в 1956 году после XX съезда. Одновременно с Брежневым ненадолго попал в 1952 году в Президиум В.В. Кузнецов, которого Брежнев в 1977 году сделал своим первым заместителем.

Видную роль играли и некоторые другие тогдашние выдвиженцы: член Президиума и секретарь ЦК тогда и в 1957–1961 гг. А.Б. Аристов (умер в 1973 году); кандидат в члены Президиума и секретарь ЦК тогда, член Президиума и секретарь ЦК в 1957–1951 годах Н.Г. Игнатов (умер в 1966 году); член Президиума тогда, член Президиума и секретарь ЦК с 1957 года до своей смерти в 1964 году О.В. Куусинен; член Президиума тогда и кандидат в 1957–1961 годах Д.С. Коротченко (умер в 1969 году).

Еще об одной группе писал Г. Ахминов в своей книге «Могильщики коммунизма». Под этим мрачным термином он подразумевал технократов, каковых, по его мнению, объединял вокруг себя Маленков. Главную роль среди них играли М.З.Сабуров, преемник Вознесенского в Госплане, и М.Г. Первухин, единственные новички, оставшиеся в 1953 году в Президиуме. Оба они были позже первыми заместителями председателя Совета министров и оба погорели вместе с «антипартийной группировкой» в 1957 году. Сабуров сразу же исчез из обращения, а Первухин еще некоторое время продержался в кандидатах. Еще два технократа – член Президиума Малышев и кандидат Тевосян – позже тоже были заместителями председателя Совета министров и оба умерли в конце 50-х годов, не выдержав хрущевской перестройки.

Подводя итоги, можно сказать: на XIX съезде, а частично и ранее, Сталин выдвинул кадры, которые со временем должны были взять на себя руководство страной.

Однако будущее нашей страны определялось не личной волей Сталина, а одной особенностью избранных на XIX съезде высших органов партии, о которой никто до сих пор еще не говорил и не писал.

УБИЙСТВО СТАЛИНА. МАСОНЫ У ВЛАСТИ

Мы уже вплотную приблизились к роковому 1953 году, и нам предстоит вплотную заняться той темой, которую А. Авторханов вынес в заголовок своей книги, – загадкой смерти Сталина.

Какие главные версии имеются в нашем распоряжении?

1. Так называемый «меморандум Берии», изложенный в книге Фишмена и Хуттона «Личная жизнь Сталина» (Мюнхен, 1967). Мы уже говорили о том, что эта книга – источник совершенно недостоверный, но тем не менее обратимся к упомянутому «меморандуму». Согласно этому, с позволения сказать, документу, на заседании Президиума 1 марта 1953 года Каганович будто бы потребовал разбора «дела врачей» особой комиссией и отмены приказа о депортации евреев, причем порвал свой партбилет и бросил его в лицо Сталину. Кагановича яко бы поддержали все члены Президиума, кроме Берии и Хрущева. Со Сталиным от ярости случился удар, и, чтобы привести его в чувство, Молотов подал ему стакан коньяка. Когда Сталин пришел в себя, он приказал всем удалиться, кроме Берии и Маленкова, которым он сказал, что отравлен Молотовым, и изложил свое завещание, причем назвал Молотова самым опасным человеком в стране, подчинившим своему влиянию Ворошилова, Булганина и Хрущева. Сталин рекомендовал Берии и Маленкову сделать Хрущева первым секретарем, но контролировать его через Совет министров.

2. Рассказ, который приписывался Хрущеву и ходил в «самиздате» в 60-х годах. Появившимся позже воспоминаниям Хрущева рассказ не соответствует. Согласно этому рассказу, удар случился со Сталиным на «Ближней даче», но вызванные туда члены Президиума и врачи не смогли быстро приехать

из-за задержки с вызовом и гололеда. При виде распростертого на полу Сталина Берия якобы радостно воскликнул: «Тиран мертв!»

3 .«Официозная» версия, распространенная на Западе Эренбургом и Пономаренко. Почему этим занимался Эренбург, было понятно, а почему Пономаренко, стало понятно лишь потом. Эта версия совпадает, в основном, с «меморандумом Берии», а может быть, на его основе и была придумана. В ней тоже фигурировали требование Кагановича и разорванный партбилет, поддержка Кагановича Молотовым и Микояном, а потом на их сторону будто бы перешел и Берия. Конфиденциальная беседа, заключавшая «меморандум», разумеется, была спущена.

4. В журнале «Социологические исследования» (1988, №3) были опубликованы воспоминания А.Т. Рыбина, служившего в охране Сталина. Как рассказывает Рыбин, в три часа ночи 2 марта к даче Сталина подошла машина. Все думали, что прибыли медики, но оказалось, что приехали Берия и Маленков. Обращаясь к помощнику коменданта Лозгачеву, Берия сказал: «Ты что наводишь панику?» Видишь, товарищ Сталин крепко спит. Не поднимай шумиху, нас не беспокой и товарища Сталина не тревожь». Лозгачев стал доказывать, что Сталин тяжело болен, и ему нужна срочная медицинская помощь. Но соратники не стали слушать и поспешно удалились из зала. Ночью 2 марта медицинскую помощь Сталину никто так и не оказал.

По свидетельству сотрудника Сталина по особым поручениям В. Тукова, на даче все чаще стали раздаваться звонки врачей-доброхотов, просивших допустить их к Сталину и уверявших, что они его вылечат. Звонили даже из других стран. Один доброжелатель оказался особенно настойчивым, но Берия отшил его, сказав ему по телефону: «Ты кто такой? Ты провокатор или бандит?»

Врачи появились лишь утром. Вождь оставался без медицинской помощи более тринадцати часов. (А. Антонов-Овсеенко. Берия, – «Юность», 1988, №12).

Все, очевидно, так и было, но было уже после удара. О том, что предшествовало удару, ни Рыбин, ни Туков ничего знать не могут.

5. Первую премию в области фантастики, несомненно, следует присудить племяннику Кагановича Стюарту Кагану за его книгу «Кремлевский волк». В отрывке из этой книги, опубликованном в «Неделе» (1991, №45), излагается жуткая история о том, как Булганин, Молотов, Ворошилов и Каганович сговорились подsunуть Сталину яд под видом лекарства. Лекарства Сталину будто бы давала племянница Кагановича Роза, которую редакция «Недели» называет «последней женой Сталина». Этой Розе в упомянутой книжке Фишмена и Хуттона посвящена целая глава под названием «Салон Розы Каганович», но попытка украсить Сталина этим цветочком относится к концу 30-х годов, и Роза довольно быстро начисто исчезла с кремлевского горизонта. Представить себе, чтобы Сталин в 1953 году, при его тогдашних настроениях, подпустил к себе какую-нибудь Розу с лекарством, абсолютно невозможно, и не имеет смысла обсуждать всерьез книжку С. Кагана, тем более

что у него Абакумов в 1952 году все еще министр госбезопасности, а Рюмин именуется «Рюмкиным».

А вот то, о чем рассказали Эренбург и Пономаренко, гораздо интересней. Разоблачение этой явно тенденциозной версии лучше всего начать с легенды о «заседании Президиума». Никакого такого заседания не только не было, но даже быть не могло. Красивая сказка о героически брошенном открытом вызове тирану, рассчитанная на легковверных, призвана была изобразить «борьбу партии против культа личности» и разумеется-таки в роли главного героя этой борьбы должен был выступать Каганович. Однако, зная, что представляли собой эти «борцы», невозможно вообразить их действовавшими а) открыто и б) единым фронтом. Даже оказавшись в меньшинстве, Сталин все равно моментально смог бы пресечь сопротивление, и «герои» не вышли бы из Кремля живыми. В такой ситуации оказался Хрущев в 1957 году, и того не смогли свергнуть, а Сталина свергли? Да кто этому поверит?

Что же касается главного героя легенды Кагановича, то о нем правильно пишет Р. Медведев: «Он в начале 1953 года молчал и со страхом ждал развития событий» («Они окружали Сталина», с.119).

А. Авторханов утверждает, что Сталин на XIX съезде будто бы потерпел поражение, поскольку он не смог дать отвод при выборах в Президиум Молотову, Ворошилову, Кагановичу и Микояну и даже был отстранен с должности Генерального секретаря. Последнее – абсолютный домysel, что же касается очередных БЖ (будущих жертв), то после XIX съезда реальная угроза нависла над Молотовым и Микояном. Именно на них обрушился Сталин с резкими обвинениями в нестойкости, нетвердости, трусости и капитулянтстве. К.Симонов, избранный тогда кандидатом в члены ЦК, уверяет, что не понимал, почему Сталин не желал, чтобы Молотов после него, случись что-то с ним, остался первой фигурой в государстве и партии («Глазами человека моего поколения», с.244), К.Симонов, скорее всего, прикидывается наивным. Он не мог не знать, что положение Молотова пошатнулось уже после ареста Жемчужиной. А в 1952 году Сталин просто запретил приглашать к себе Молотова, и в кругах ЦК стали смотреть на Молотова как на обреченного человека (Р. Медведев. «Они окружали Сталина», с.51–52).

Что же касается «отстранения Сталина», о котором пишет Авторханов, то вот как было на самом деле. Сталин, как рассказывает К.Симонов, действительно, попросил освободить его по старости от должности Генерального секретаря. И тогда «на лице Маленкова, – пишет Симонов, – я увидел ужасное выражение – не то, чтоб испуга, нет, не испуга, – а выражение, которое может быть у человека, яснее всех других... осознавшего ту смертельную опасность, которая нависла у всех над головами и которую еще не осознали другие: нельзя соглашаться на эту просьбу товарища Сталина... Лицо Маленкова, его жесты, его выразительно воздетые руки были прямой мольбой ко всем присутствующим немедленно и решительно отказать Сталину в этой просьбе». Маленков «понял сразу, что Сталин вовсе не собирался отказываться от поста Генерального секретаря, что это проба, прощупывание отношения пленума к поставленному им вопросу». «Когда зал загудел и закричал, что Сталин должен остаться на посту Генерального секретаря... лицо Маленкова, я хорошо помню это, было лицом человека, которого только что

миновала прямая, реальная смертельная опасность, потому что именно он... в случае другого решения вопроса был естественной кандидатурой на... пост товарища Сталина, который тот якобы хотел оставить из-за старости и усталости. И почувствуй Сталин, что... есть сторонники того, чтобы удовлетворить его просьбу, думаю, первый, кто ответил бы за это головой, был бы Маленков» (К.Симонов, цит. соч. с.244–246).

Враждебную ему группировку Сталин нейтрализовал. Во-первых, как уже говорилось, растворив ее в расширенном Президиуме, а, во-вторых, создав внутри Президиума бюро из девяти человек, в которое не вошли Молотов и Микоян, а фактически (по Хрущеву) были исключены также Ворошилов и Каганович. Спрашивается: какой же легендарный «Президиум» заседал 1 марта 1953 года?

Как сообщает Д. Волкогонов, поздно вечером 28 февраля к Сталину на дачу приехали Маленков, Берия, Хрущев и Булганин. Сидели до четырех часов утра 1 марта. К концу ночной беседы Сталин был раздражен, не скрывал своего недовольства Молотовым, Маленковым, Берией, досталось и Хрущеву. Только в адрес Булганина он не проронил ни слова». («Триумф и трагедия» кн. II, ч.2, с.191,193). Как видим, из всего Президиума было всего четыре человека и никакого Кагановича.

Главными действующими лицами в то время были именно эти две пары: Маленков–Берия и Булганин– Хрущев. Хотя сын Маленкова и уверяет теперь, что его отец не был союзником Берии, это утверждение опровергает Д. Волкогонов, который пишет: Сталин «ввел неофициальные «правила поведения» в среде своих соратников. Они, например, не имели права несанкционированно собираться вместе (двое, трое или тем более – несколько человек) у кого-либо из них в кабинете, на квартире, на даче. Это считалось подозрительным и не одобрялось. Исключение делалось лишь для Берии, который был близок с Маленковым и часто ездил с ним в одной машине на дачу или обратно» (цит. соч., с.131). Маленков выступал в 1952 году в роли кронпринца, законного наследника Сталина, а Берия блокировался с ним, но положение Берии после «мингрельского дела» сильно пошатнулось. На смену этой парочке поднимался тандем новых фаворитов Сталина – Булганин и Хрущев.

А. Антонов-Овсеенко напрасно считает Булганина «благообразным статистом». Уже в 1952 году создавалось впечатление, что Булганин скоро может занять в сердце Сталина место Маленкова. И Булганин действительно заменил Маленкова, но не в сердце Сталина, а на посту председателя Совета министров в начале 1955 года.

Блок Булганина с Хрущевым был естественным: перед войной Хрущев возглавлял московскую парторганизацию, а Булганин был председателем исполкома Моссовета. В 1941 году Булганин подвизался на ролях члена Военного совета Западного фронта, то есть состоял комиссаром при Жукове, и с тех пор стал считаться военным специалистом. После войны он стал маршалом, министром обороны и членом Политбюро.

Но в 1953 году Маленков еще сидел относительно прочно, над Берией же к тому времени уже нависла непосредственная угроза, поэтому, если задать вопрос: кому могла быть выгодной смерть Сталина? – ответ долго искать не придется. Прежде всего – Берии и «старой гвардии», причем реальными рычагами и возможностями для устранения Сталина располагал только Берия.

Ему, внушает нам теперь А. Авторханов, и должен быть благодарен советский народ за организацию тайного убийства Сталина и предотвращение новой чистки. Русофобский комплекс, которым страдает чеченец Авторханов, явно влияет на выбор им таких же русофобов на роль героев: так, в «Происхождении партократии» он прославляет Троцкого как «наследника Ленина», а в «Загадке смерти Сталина» Берию как спасителя нашей страны.

Как технически осуществил Берия свой черный замысел, мы, очевидно, никогда не узнаем. Концы в подобных случаях зачищаются очень основательно, а исполнители ликвидируются на нескольких уровнях. Но о самом факте убийства мы можем с уверенностью говорить именно как о факте. Как пишет А. Антонов-Овсеенко, «в ходе судебного расследования, если бы оно состоялось при жизни заговорщиков, можно было бы легко обойтись без личных признаний Лаврентия Берии и его соучастников. Вполне хватило бы косвенных улик. Иосифа Сталина устранил его верный соратник. А прямые улики сгорели вместе с товарищем Лаврентием в печи Московского крематория 23 декабря 1953 года» («Юность», 1988, №12).

Д. Волкогонов пытается воспроизвести мысли Сталина следующим образом: он уже не верил не столько врачам, сколько Берии, который хозяйничал в 4-м Главном управлении Минздрава (цит. соч., с.75). И правильно делал, что не верил, но Берия тем не менее заманил Сталина в ловушку, воспользовавшись как раз присущей вождю гипертрофированной подозрительностью. Слепым орудием провокации стала Лидия Тимашук, которую А.Т. Рыбин до сих пор прославляет как «патриотку нашей Родины» («Русский Вестник», 1991, №17). Действиями Тимашук умело руководили агенты Берии. Берия хорошо понимал, что ему Сталин может и не поверить, поэтому хитрость замысла заключалась в том, чтобы повергнуть в панику Министерство обороны, т.е. Булганина. С этой целью арестованным «врачам-вредителям» и приписывали в официальном сообщении, опубликованном 13 января 1953 года, планы убийства маршала Говорова, генерала Штеменко, адмирала Левченко.

Об истинной цели провокационного «дела врачей» сразу догадался бывший коммунист Франц Боркенау, который писал в немецкой газете «Райнишер Меркур» 23 января 1953 года: «Арест личных врачей Сталина означает заговор против него его соратников во главе с Маленковым – они хотят приставить к Сталину своих врачей, чтобы решить его судьбу» (цит. по книге А. Авторханова. «Загадка смерти Сталина», с.171).

Медики, назначенные вместо арестованных врачей, и были настоящими «убийцами в белых халатах», и их тоже убрали, как только они сделали свое грязное дело, по уверению газеты «Земщина» (1992, М72), – уже в марте 1953 года. А чтобы никто не мог помешать, вокруг Сталина создали пустоту. В ноябре 1952 года от работы отстранили испытанного секретаря Сталина А.Н. Поскребышева. Берия убедил Сталина, что «возможно, Поскребышев

связан с «делом врачей» и его придется проверить». 16 декабря 1952 года был арестован начальник личной охраны Сталина генерал Н.С. Власик, которому тоже было предъявлено обвинение в «потакательстве врачам-отравителям». А 15 февраля 1953 года внезапно скончался комендант Кремля, генерал П. Косынкин. Если бы Сталина действительно одолели в открытом бою, горючить весь этот огород было бы незачем.

Если верить Авторханову, Сталин успел еще расправиться с одним из своих бывших соратников Мехлисом. Согласно трактовке Авторханова, «плоская логика антисемита ему (Сталину) подсказывала: если еврей, то сионист» (Загадка смерти Сталина, с.197). Мехлис был арестован в Саратове и умер в Лефортовской тюрьме 13 февраля 1953 года, но Сталин почему-то не захотел предавать это дело огласке и устроил Мехлису государственные похороны на Красной площади.

Ну а потом, как утверждает Авторханов, «Берия, Маленков, Хрущев и Булганин совершили в ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года переворот, завуалированный ссылкой на болезнь Сталина» и «во многом напоминающий дворцовый переворот против Павла I» (там же, с.199,217).

Великий знаток тайн мадридского, сиречь кремлевского двора Авторханов напрасно приплел к заговору Булганина и Хрущева, - они и так шли к власти, и смерть Сталина могла только затормозить их шествие (и затормозила на два года). Но вот о масонском заговоре против Павла I Авторханов вспомнил очень кстати.

Предыдущая часть кончалась словами: избранные на XIX съезде высшие органы имели одну особенность, о которой никто до сих пор еще не говорил и не писал. Поясним теперь, в чем дело.

В 1976 году в Стамбуле на турецком языке вышла книга «Масонство в мире и в Турции». Ее автор, Хасан Джем, никому в Турции не известен, то есть человек прикрылся псевдонимом. В 1980 году, после военного переворота, произведенного генералом К. Эвренем, тираж этой книги был уничтожен.

Неисповедимыми путями в эту книгу, посвященную, главным образом, Турции, попал список высокопоставленных советских масонов, датированный, судя по всему, концом 50-х годов. Похоже, что кто-то переписывал этот список второпях, с оглядкой, подобно советской разведчице из старого фильма «Секретная миссия», боясь, как бы его за этим занятием не застукали и не пристукнули.

Сравним теперь турецкий список и списки избранников XIX съезда. В обоих случаях представлены следующие фамилии:

Президиум ЦК: Каганович, Коротченко, Первухин, Пономаренко, Сабуров, Сулов, Шверник.

Кандидаты в члены Президиума ЦК: Зверев, Юдин П.В. Пономаренко и Сулов были одновременно выбраны секретарями ЦК, а в комиссию по переработке программы партии попали Каганович, Пospelов, Сабуров и Юдин П.Ф.

Члены ЦК: Байбаков, Ванников, Кириченко, Корнейчук, Круглов, Митин, Пospelов.

Кандидаты в члены ЦК: Горшенин, Даниялов, Двинский, Жимерин, Корниец, Лацис, Малик, Носенко, Райзер, К.Симонов, Шаталин, Юдин П.А.

Член Центральной ревизионной комиссии – Горкин (секретарь президиума Верховного совета).

А теперь «информация к размышлению» как любит выражаться Ю. Семенов. Единственные два новых члена, которые остались в составе Президиума после смерти Сталина, – масоны Первухин и Сабуров. Шверник и Пономаренко удержались в кандидатах.

Понятно теперь, почему Пономаренко подпевал Эренбургу? Эренбург, кстати, он тут же рядышком, в том же турецком списке.

Секретариат ЦК после ряда пертурбаций, которые он пережил после смерти Сталина, когда из него ушел Маленков, вошел и столь же быстро вышел министр госбезопасности С.Д. Игнатьев, возглавил Хрущев, а тремя его подручными стали Суслов, Пospelов, и Шаталин – все трое масоны. Таким же образом, важнейшее в системе партократии звено власти, секретариат ЦК, оказался в руках масонов.

Быстрее всех сошел со сцены вместе со своим покровителем Маленковым Н.Н. Шаталин – родной дядя ныне прославленного академика С.С. Шаталина, который два года назад порывался за 500 дней обустроить» нашу экономику.

Дольше держался в секретарях ЦК и даже дослужился до кандидатов в члены Президиума П.Н. Пospelов (Фейгельсон) который, по признанию Хрущева, готовил для него знаменитый закрытый доклад о культе личности на XX съезде, а при Сталине сам раздувал этот культ, будучи автором официальной биографии Сталина вместе с двумя другими масонами академиком М.Б. Митиным, который громил генетиков на сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 года, и Г.Ф. Александровым, ставленником Маленкова в управлении пропаганды ЦК. Масон, как видим, лица не имеет и при любой ситуации старается остаться наверху. Но самой зловещей фигурой в секретариате 1953 года издания был Суслов.

В 1955 году Суслов снова вошел в состав Президиума. В 1957 году он не сделал такой глупости как Шепилов, и принял сторону Хрущева, понимая, что Хрущева не удастся свергнуть до тех пор, пока его поддерживает Жуков, а только благодаря поддержке Жукова обозлившегося на Сталина за опалу, Хрущев и смог развернуть кампанию по разоблачению «культа личности». Суслов действовал с методичной постепенностью в октябре 1957 года он организовал отставку Жукова, воспользовавшись поездкой маршала в Югославию и Албанию, и выступил на пленуме ЦК с обличительным докладом против Жукова, а через семь лет, в октябре 1964 года организовал свержение и самого Хрущева.

Хрущев знал, кто был главной пружиной интриги. Он кричал тогда в сердцах: «Я знаю, кто это устроил! Эта сталинская глиста, Суслов!» Тогдашняя роль Суслова была довольно хорошо известна уже в те времена, это потом поступила – понятно, по каким каналам, – команда отодвигать Суслова на второй план, и вот уже снимается фильм «Серые волки» о свержении Хрущева, и по этому фильму Суслов узнает о намерении верхушки сместить Хрущева одним из последних («Вечерний клуб», 12 мая 1992 г.).

Та же самая тенденция замазывать значение Суслова характерна и для изданной в 1989 году книги В. Соловьева и Е. Клепиковой «Кремлевские заговоры – от смерти Сталина до Горбачева». В этой книге инициатива выдвижения Горбачева приписывается не Суслову, а Андропову. Между тем именно Суслов был главным куратором Ставропольского края, где он был первым секретарем перед войной. Именно с подачи Суслова взлетели с этого трамплина на высший уровень по одной и той же траектории – сначала секретарь ЦК по сельскому хозяйству, потом член Политбюро – сначала Ф.Д. Кулаков, а после загадочной смерти Кулакова в 1978 году – М.С. Горбачев.

Суслов и в этом случае действовал со своей обычной методичностью: сначала нужно было провести страну через длительный период застоя, гниения, поэтому Суслов и поддержал в 1964 году Брежнева. И Брежнев помнил, кому обязан. По свидетельству Е. Чазова, Суслов был «единственным, кого еще побаивался или стеснялся Брежнев» (Е. Чазов. Здоровье и власть. М., 1992, с.132).

Ну, а когда страна в достаточной мере сгнила, от запущенного наверх из сусловской, масонской катапульты Горбачева не требовалось уже особой гениальности и особых усилий, чтобы разрушить государство своей «перестройкой». Партия со времен Ленина была надрессирована на механическом следовании за лидером, и достаточно было внедрить на это место козла-provокатора, как партия столь же послушно последовала и за ним – в пропасть. Смешно, конечно, что сегодня Б. Олейник делает из такого заурядного внедренца, как Горбачев, «князя тьмы», чуть ли не Антихриста. Но без чертовщинки тут и в самом деле не обошлось. Русский народ, как только рассмотрел Горбачева на экранах телевизоров, сразу вспомнил пословицу «Бог шельму метит». А масонам высокой степени посвящения известна символика «пятна на черепе», связь этой символики с планетой Юпитер, место этой планеты в системе дьявольских сил и т.д.. и т.п. Но не будем вдаваться в эти дебри – мы ведь говорим о политике, а не о мистике.

Вернемся к обстоятельствам, которые предшествовали масонскому перевороту 1953 года и возникли в результате его. В июне 1953 года в роли первого секретаря ЦК Компартии Украины Л. Мельникова сменил масон А.И. Кириченко (не путать с немасоном А.П. Кириленко, членом Политбюро в 1962–1982 годах). В 1955 году Кириченко вместе с Сусловым вошел в Президиум ЦК, а в 1957 году стал вторым после Хрущева человеком в партии и оставался им до своей опалы в 1960 году.

Украина вообще была любимой дочерью масонства, возможно, со времен Великого мастера С. Петлюры. Именно в этой республике к 1953 году возникло весьма солидное масонское гнездо. В паре с Кириченко работал тогдашний

председатель Совета министров, а позже председатель президиума Верховного совета Украины Д.С. Коротченко. Драматург А. Корнейчук не только сам был масон, но и жена его Ванда Василевская, дочь масона Леона Василевского, состояла в польской ложе «Прав человека» (Леон Хайн. Польское масонство 1920–1938 гг., Варшава, 1984, с.437). С Украины перебрался в Москву и министр заготовок СССР Л.Р. Корниец.

Масоны занимали целый ряд важных министерских постов всесоюзного значения. А. Антонов-Овсеенко иронизирует, например, что министр внутренних дел С.Н. Круглов в июне 1953 года, когда Берия готовил новый переворот, выдал своего шефа с головой. А чего иронизировать? Как приказали, так и сделал.

Пройдемся мимо Кремлевской стены и помашем веточкой акации около таких фамилий, как П.А. Юдин (министр промышленности стройматериалов СССР), И.А. Лихачев (тот самый, именем которого назван известный автозавод), И.И. Носенко (министр судостроительной промышленности) Б.Л. Ванников (нарком вооружения в годы войны)... Все они оттуда же, из того же турецкого списка.

Яблоки от яблони недалеко падают. Помянем и кое-кого из сыновей их, и не удивимся, что один из сыновей Носенко, видный сотрудник КГБ, в 60-х годах сбежал на Запад, а другой, работая в Институте востоковедения, всегда защищал от критики сионизм.

Вспомним и масонский лозунг: «масоны – это люди, которым ничто не может быть поставлено в вину». Этот лозунг спас от расстрела министра рыбной промышленности Ишкова – вместо него в 1982 году расстреляли его первого заместителя Рытова.

С того времени, когда был составлен турецкий список, многие из перечисленных в нем, успели умереть, но некоторые еще долго оставались на руководящих постах, например, Н.К. Байбаков, который двадцать с лишним лет возглавлял Госплан. Именно его покровительству обязана своим устройством в Москве знаменитая Джуна Давиташвили, которая является теперь в России главной представительницей Мальтийского ордена и в прошлом году посвятила в рыцари этого ордена Б.Н. Ельцина (см. статью «В чьем стане воин?» – «Русский Вестник», 1992, №24). Нет, не зря вспомнил Авторханов другого мальтийского кавалера, Павла I, ох, не зря! Нити от того, что произошло в 1953 году, тянутся в сегодняшний день, и есть какое-то мистическое совпадение в том, что Сталин прожил 73 полных года, и столько же полных лет просуществовала коммунистическая власть.

Но в самом явлении Сталина ничего мистического не было. Есть очень четкая логика истории, логика революций. Результатом каждой революции является, совсем по Гегелю, «отрицание отрицания»: из рядов самих революционеров выделяется человек, который поворачивает историю вспять. Есть какая-то закономерность и в том, что эти люди обычно не принадлежат к народу, составляющему основную массу населения страны, в которой происходит революция. Валлиец Кромвель, корсиканец Наполеон, грузин Сталин – с оговорками в этот ряд можно включить и австрийца Гитлера.

За шумной критикой «культа личности» всегда скрывалось желание ее организаторов низвергнуть национальные ценности, восстановленные в их значении в 30-х годах Сталиным. Оплевывание Сталина предпринималось с той целью, чтобы этим способом косвенно оплевать Россию. И как в 30-х годах, о чем уже говорилось, личные интересы Сталина совпали с национальными интересами России, так и сегодня положительная или отрицательная оценка Сталина оказывается теснейшим образом связанной с соответствующим отношением к России, История с вычеркнутым из нее Сталиным это Россия, вычеркнутая из истории.

20 октября 1992 года, Москва

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).